

Д. А. КОСТРОМИЧЁВ

РИМСКОЕ ВОЕННОЕ СНАРЯЖЕНИЕ ИЗ ХЕРСОНЕСА¹

Одной из составляющих истории римского военного присутствия в Херсонесе являются памятники материальной культуры. В отличие от военно-политической истории, материальная культура римского гарнизона города изучена еще довольно слабо. В первую очередь, это связано с проблемой поиска материальных свидетельств пребывания римлян на территории города. Такими свидетельствами, помимо хорошо изученных памятников эпиграфики, могут быть предметы, которыми владели римские военнослужащие. Для того, чтобы быть полностью уверенным в принадлежности того или иного предмета именно римскому военнослужащему, нужно исключить из круга поиска вещи, которые были предметом торговли. Даже самые редкие виды импортов с территории Римской империи могли принадлежать и военным, и членам их семей, и любым гражданским лицам. Иными словами, принадлежность предметов быта именно римским военнослужащим недоказуема, за исключением случаев, когда эта принадлежность обосновывается дополнительными источниками. Обычно такие случаи связаны со специфическими условиями находки предметов – например, в строительных остатках римского военного лагеря или в погребении, принадлежность которого римскому военнослужащему не вызывает сомнений.

К сожалению, в Херсонесе такие условия отсутствуют. Место расположения римского гарнизона в городе из-за нарушенности слоев перекопами не содержит закрытых археологических комплексов. Городской некрополь, в котором, без сомнений, находились захоронения римских солдат, исследовался, в большей своей части, в конце XIX – начале XX вв., и результаты этих раскопок не позволяют эффективно работать с их материалами. В такой ситуации единственной категорией вещей, принадлежность которых римлянам не вызывает каких-либо сомнений, остаются предметы римского военного снаряжения и амуниции.

¹ Выражаю искреннюю благодарность А. И. Айбабину, В. П. Власову, И. О. Гавритухину, Д. В. Журавлеву, А. Е. Катюшину, Е. Ю. Клеминой, В. В. Масыкину, Д. А. Прохорову, оказавшим мне разностороннюю и неоценимую помощь при создании данной работы.

Оружие и детали военного костюма не являлись предметом свободной торговли. Они изготовлялись в мастерских гарнизона или в частных ремесленных мастерских специально для нужд римской армии. Каждая находка подобного предмета в Херсонесе служит самостоятельным материальным свидетельством пребывания в городе римских военнослужащих, даже если изделие найдено в переотложенных слоях или, вообще, является беспаспортной находкой.

Прежде всего, необходимо сделать несколько методических замечаний о работе с предметами римского военного снаряжения в условиях Херсонеса. Из-за отсутствия четко выраженных «римских военных» контекстов невозможна самостоятельная атрибуция таких вещей. Надежное определение конкретной вещи в качестве детали римского вооружения или амуниции в таких условиях должно опираться на два необходимых фактора. Первый – это наличие аналогий в памятниках, связанных с военным присутствием римлян на территории империи. Это материалы, происходящие из лимесной зоны, из раскопок военных пунктов и лагерей. Вторым фактором – это, напротив, отсутствие аналогий в местных, прежде всего, крымских памятниках, никак не связанных с присутствием римлян. Это материалы раскопок варварских поселений и некрополей, а также, в определенной степени, памятники Боспорского царства. При совпадении двух условий – близких аналогий с территории империи и отсутствия подобных вещей в Крыму – предмет может быть признан деталью римского военного снаряжения.

Анализ херсонесского материала, таким образом, практически полностью зависит от западных аналогий. Из-за того, что почти все детали римского военного снаряжения из Херсонеса представляют собой беспаспортные находки, либо находки, археологический контекст которых утерян, приходится полностью опираться на функциональные определения и датировки аналогий с территории империи. Иными словами, состояние херсонесских находок не позволяет производить с ними самостоятельную работу, уточняющую определения и датировки западных материалов. Из этой зависимости следует важный вывод о том, что необходимо также учитывать состояние западной историографии римских военных древностей. Нужно констатировать, что не все регионы римской империи исследованы в одинаковой степени. Максимально изучены и, соответственно, хорошо отражены в литературе такие регионы как Британия, Галлия, прирейнские провинции и Паннония. В то же время не может считаться полной информация о нижнедунайских провинциях, Северной Африке. Источники о ближневосточных и малоазийских провинциях практически отсутствуют. Эти сведения в дальнейшем позволят избежать некорректных выводов, касающихся связей херсонесского гарнизона с той или иной территорией на основании наличия аналогий деталям римского военного снаряжения.

История римского гарнизона, находившегося в Херсонесе, изучена достаточно подробно. Прежде всего, благодаря наличию богатого эпиграфического архива, собранного за более чем столетний период исследования городища и некрополя [1-4]. На основе изучения этой группы источников предложен целый ряд научных работ, составивших наше представление об истории римского военного присутствия в Херсонесе [5-9].

Согласно данным эпиграфики, первое появление римских войск в Юго-Западном Крыму связано с экспедицией наместника провинции Мезия Т. Плавтия Сильвана в начале 60-х гг. I в. против осадивших Херсонес скифов [CIL, XIV, 3608]. Рубежом I–II вв. датируется самая ранняя латинская надпись, найденная в Херсонесе [4, с. 43, № 13; 10, с. 209]. С этого же времени, по-видимому, можно говорить о появлении постоянного гарнизона на территории города [10, с. 210, 211]. На протяжении первой половины II в. источники, касающиеся присутствия римских войск, остаются весьма немногочисленными. Это заставило исследователей считать, что в данный период гарнизон мог находиться в Херсонесе непостоянно [9, с. 37]. В любом случае, небольшое количество надписей первой половины II в. говорит о том, что римское присутствие в это время не было масштабным.

Количество свидетельств о римском гарнизоне города резко возрастает со времени правления Антонина Пия (138-161). Приблизительно в конце 40-х гг. II в. Херсонес получает от Рима права элевтерии [7, с. 26; 9, с. 44]. По всей вероятности, именно в рамках составленного договора римское военное присутствие в Херсонесе существенно расширяется [9, с. 44]. С этого времени и вплоть до середины III в. возникает большинство латинских надписей Херсонеса. Тем же промежутком времени датируется существование построек в херсонесской цитадели, связанных с деятельностью римских войск. В небольшом обособленном укреплении располагались помещения, используемые гарнизоном – казармы, термы, жилые и административные здания [11, с. 41-62]. Эпиграфикой зафиксировано название гарнизона – *Vexillatio Chersonessitana* [4, с. 20-27, № 1; 12, с. 72, 73]. В вексилярцию входили силы, выделявшиеся из состава войск провинции Нижняя Мезия. Это были отряды V Македонского (до 166/167 гг.), I Итальянского и XI Клавдиевого легионов. У них в подчинении находились также части вспомогательных войск.

После середины III в. свидетельства о существовании римского гарнизона в Херсонесе исчезают. Это считается доказательством вывода римских войск из города [13, с. 36; 14, с. 87; 9, с. 128-133]. Связывается эта перемена с общим кризисом и обострением отношений с варварами на границах империи [15, с. 199, 200]. В Северном Причерноморье кризис проявил себя в третьей четверти III в. в виде морских походов различных варварских племен. Вновь свидетельства присутствия римлян в Херсонесе появляются в эпоху тетрархии.

Правлением Диоклетиана (284-305) датируются несколько латинских надписей, упоминающих части войск и офицеров римского гарнизона [1, № 656; 16, с. 79-90; 14, с. 84].

Новый всплеск эпитафической активности фиксируется с 370-х гг. и до первого десятилетия V в. В это время возникает несколько лапидарных латинских документов: надпись 370-375 гг. [1, № 449], строительная надпись 392-393 гг. [1, № 450], надписи с упоминанием императоров Гонория (395-423) [4, № 4] и Аркадия (395-408) [4, № 5]. Последним памятником, упоминающим подразделение имперских войск в городе, является строительная надпись 488 г. В ней фигурирует отряд баллистариев [17, № 7, с. 10-15].

Пристальное внимание к информативным данным эпиграфики привело к практически полному отсутствию специальных исследований других групп источников. Изучение археологических материалов усложнено состоянием сохранности мест базирования римских войск. Стратиграфия слоев единственного доподлинно известного места расположения гарнизона – херсонесской цитадели – сильно нарушена более поздними перекопами. В работах, посвященных анализу архитектурных объектов, подробное рассмотрение археологических находок выносится за рамки исследования [11; 18]. В сложившейся ситуации крайне актуально изучение материальных свидетельств присутствия римских военнослужащих в Херсонесе.

Данные письменных источников о римском гарнизоне Херсонеса обуславливают хронологические рамки исследования предметов воинского снаряжения. Поиск деталей ограничивается материалами I–V вв. Нужно сделать замечание, что финальная часть этого отрезка времени имеет важную особенность. В течение V в. варварские гото-аланские племена, закрепившиеся на территориях, окружающих Херсонес, вступают в тесные взаимоотношения с римской империей. Они заключают договор о взаимной военной помощи и становятся союзниками [13, с. 80-82]. Этими взаимоотношениями, по всей видимости, объясняется то, что у крымских варваров постепенно распространяется воинский костюм, включающий большое количество деталей позднеимперского, а затем и византийского образца [13, с. 83]. Для рассматриваемой темы важным является то, что с определенного момента становится невозможным различить принадлежность одинаковых предметов воинского снаряжения союзникам – гото-аланам и собственно солдатам имперских войск.

Если рассмотреть существующую на настоящий момент историографию исследований римского военного снаряжения из Херсонеса, то следует подчеркнуть, что первая публикация детали римского снаряжения, обнаруженной в Херсонесе, была осуществлена в конце '80-х годов XX в. Ю. П. Калашником [19]. В 2000 г. М. Ю. Трейстер в своей статье впервые обратил внимание на предметы римского военного снаряжения, которые были

опубликованы еще в материалах Императорской археологической комиссии, но не получившие до этого правильной атрибуции [20]. Бутероль меча из слоновой кости, происходящая из раскопок херсонесской цитадели, опубликована В. М. Зубарем и И. А. Антоновой [21]. Детали римского военного костюма из Херсонеса, хранящиеся в фондах Государственного Исторического Музея, рассмотрены в работе Д. В. Журавлева [22]. В общей сложности в перечисленных работах речь идет о 28 предметах римского вооружения и снаряжения. При этом, 25 из них являются деталями одного поясного набора из могилы № 492 херсонесского некрополя. Мне удалось собрать в общей сложности 135 предметов, относящихся к римскому военному снаряжению. Эти предметы происходят из коллекций раскопок Херсонеса конца XIX – начала XX вв., хранящихся в фондах Национального заповедника «Херсонес Таврический»² и Государственного Эрмитажа³, а также из коллекции раскопок цитадели Херсонеса. Все предметы военного снаряжения из Херсонеса можно разделить на следующие категории: детали вооружения, детали военного костюма и детали амуниции (лошадиной сбруи).

Детали вооружения. К деталям мечей относятся две бутероли ножен из Херсонеса. Обе они принадлежат хорошо известным и широко распространенным на территории Римской империи типам. Бронзовая коробчатая бутероль (рис. 1,1) была найдена на некрополе в 1903 г. Она относится к типу круглых бутеролей, представленному целым рядом вариантов [23, S. 110, Nr. 112-132]. Наиболее близкой группой являются бутероли с пельтавидными вырезами. Такие бутероли найдены в Британии [24, fig. 90,8], Нижней Германии [25, p. 161, fig. 3c], Верхней Германии⁴ [23, S. 112, 113, Nr. 112-116], Дакии [26, S. 126, Abb. 36; 27, cat. Nr. 325], Нижней Мезии [28, s. 71, 73, tabl. VII,8], Мавритании Тингитане [29, p. 152, 161, 162, pl. 30,280,281; 36,327]. Характерная деталь в виде двух округлых выступов на лицевой стороне сближает херсонесскую бутероль с экземплярами из Штокштадта (рис. 1,4) [23, Nr. 115], Цугмантеля (рис. 1,5) [23, Nr. 119] (Верхняя Германия) и из Банасы (рис. 1,2,3) [29, p. 161, 162, pl. 35,324; 36,329] (Мавритания). Возникает тип коробчатых бутеролей с пельтавидными вырезами во второй половине II в., а наибольшее распространение получает в конце II – первой половине III вв. [23, S. 121, 122].

² Выражаю благодарность Л. Н. Головченко и Л. А. Рыжовой за помощь при работе в фондах Национального заповедника «Херсонес Таврический».

³ Благодарю Ю. П. Калашника и И. П. Засецкую за любезное разрешение работать в фондах Государственного Эрмитажа.

⁴ В предыдущую работу, посвященную публикации трех погребений из херсонесского некрополя [43], вкралась досадная ошибка, произошедшая полностью по моей вине. В тексте статьи везде, где упоминается провинция Нижняя Германия следует подразумевать Германию Верхнюю.

Из раскопок херсонесской цитадели происходит бутероль из слоновой кости (рис. 1,6). Ей посвящена отдельная публикация [21]. Бутероль относится к распространенной группе костяных наконечников ножен, имеющих прямоугольную форму и снабженных пельтавидными вырезами и средним ребром. Находки таких бутеролей известны в Британии (рис. 1,9) [24, fig. 90,10], Паннонии [30, p. 156, fig. 2,8,9], Дакии [31, S. 81, Abb. 29,19], Верхней Германии и Реции (рис. 1,7,8,10) [23, S. 117, Nr. 148-159]. Найдены они и в местах стоянок римских гарнизонов в Северном Причерноморье. Две бутероли происходят из Тире [32, с. 250-252, рис. 1,1, 2; 33, с. 120, 121, рис. 1,2] и одна из Ольвии [33, с. 121, 122, рис. 3,4].

В описании и рисунке первого издания херсонесской бутероли имеется ряд неточностей, на которые стоит обратить внимание. На рисунке лицевой стороны [21, рис. 1] отсутствуют прочерченные вдоль длинных краев одиночные полосы. Обратная сторона изображена в виде гладкой плоскости, лишенной каких-либо особенностей. Между тем, обратная сторона имеет и пельтавидные вырезы, и прочерченные вдоль длинных краев полосы, и три отверстия для крепления гвоздиками к ножнам. Это устройство обратной стороны, ускользнувшее от внимания издателей, тем временем, является довольно любопытной особенностью херсонесской бутероли. Римские костяные бутероли из-за свойств материала, из которого они изготовлены, обычно состоят из двух частей: лицевой части с внутренней выемкой и оборотной пластины, вставлявшейся в паз [23, S. 117, Nr. 170]. Такое устройство объясняется потребностью создания внутреннего пространства, куда помещался наконечник ножен. У херсонесской бутероли эта задача технически решена по-другому. Для удаления кости внутри изделия в его торцевых сторонах сделаны пропилены. Получившееся пространство в целом меньше, чем у двучленных бутеролей. Возникшая в результате необходимость в дополнительном закреплении бутероли на ножнах решена устройством отверстий для гвоздиков на оборотной стороне. Следует отметить, что задние пластины обычных двучленных бутеролей лишены как пельтавидных вырезов, так и отверстий для гвоздей [23, Nr. 163-169]. Мне известна только одна аналогия такому оригинальному устройству костяной прямоугольной бутероли. Судя по опубликованному рисунку, также одночленной была бутероль из Потаиссы – лагеря V Македонского легиона в Дакии [31, S. 81, Abb. 29,19].

Датировка костяных бутеролей опирается на материалы Верхнегерманско-Ретийского лимеса. Ю. Ольденштейн отмечает, что на этой территории костяные наконечники ножен происходят из археологического контекста первой половины III в. [23, S. 123]. Костяные, бронзовые и железные бутероли коробчатой конструкции завершали ножны мечей одного и того же типа. Они тесно связаны типологически, между ними нет хронологических различий, и их распространение совпадает с преобладанием в римской армии длинного пехотного меча – спаты. Выбор материала, из которого изготовлялась бутероль, по-видимому, объяснялся

финансовыми возможностями военнослужащего [23, S. 123]. Общей датой для подобных бутеролой должен быть конец II – середина III вв. [23, S. 123; 34, p. 260; 24, p. 126, 130, 135, fig. 90].

Из обнаруженных в Херсонесе находок пока что лишь один предмет может быть предположительно атрибутирован как деталь шлема. Из раскопок цитадели Херсонеса в 1992 г. происходит бронзовая ручка, украшенная изображением двух рыб, развернутых друг к другу (рис. 2,20). Дополнительной гравировкой по поверхности изделия выделены детали – рты, глаза, плавники и чешуя. Подобные изделия на территории Римской империи часто служили ручками для подвешивания шлемов. Общим мотивом может считаться изображение на ручке двух рыб или дельфинов, держащих шар. Упрощенное изображение шара имеется и на херсонесском экземпляре. Такие ручки крепились к назатыльникам пехотных шлемов имперско-италийского типа, разновидности Н по Х. Р. Робинсону [35, p. 73, 74], а также к шлемам вспомогательной кавалерии варианта Н [35, p. 89-102]. Ручка, близкая экземпляру из Херсонеса, найдена вместе с имперско-италийским шлемом из Нидермормтера (Германия) [35, p. 73, 74, pl. 179-182; 34, p. 260; 36, p. 121]. В музее Бонна хранится похожая ручка от шлема вместе с пластиной в форме *tabula ansata* [35, pl. 186]. Ручки кавалерийских шлемов, сходные с херсонесской, происходят из Нидермормтера (рис. 2,21), Корбриджа (рис. 2,23), Пфюнца (рис. 2,22) [35, p. 101, 102, fig. 117-119]. Из Хеддернхейма (Германия) происходит находка целого кавалерийского шлема с подобной ручкой [35, pl. 273-276]. Пехотные имперско-италийские и кавалерийские шлемы типов Н типологически близки и совпадают хронологически, датируясь концом II – началом III вв. [35, p. 74, 102].

Несмотря на сходство ручки из цитадели Херсонеса с ручками для подвешивания шлемов, нужно подчеркнуть условность атрибуции этого предмета. Подобное изделие вполне могло служить также ручкой сосуда или шкатулки [ср.: 37, S. 497, 498, Abb. 3; 38, Taf. XXIII,5; 27, cat. Nr. 162].

Два предмета из раскопок Херсонеса являются деталями римского пластинчатого доспеха (*lorica segmentata*) – это пряжка и шарнирная накладка. Пряжка (рис. 2,14), место находки которой неизвестно, имеет трехчастное устройство. Овальная в сечении дугообразная рамка соединена на концах осью, на которую надет язычок. Характерной чертой предмета являются небольшие размеры. Пряжки такой конструкции интерпретируются как застёжки появившегося в императорскую эпоху пластинчатого доспеха. При этом пряжки *lorica segmentata* от бытовавших одновременно обыкновенных пряжек аналогичного вида отличают именно небольшие размеры [39, S. 36, Taf. 13,164-200; 40, p. 120, 122, fig. 9]. Также характерной деталью панциря *lorica segmentata* являются прямоугольные шарнирные накладки. Такие накладки через одно, а чаще через два отверстия крепились к железным пластинам панциря и ремням [39, S. 36, Taf. 14,201-222;

41, S. 31, Taf. 34,791-815; 40, p. 120, fig. 8,9-16]. В 1909 г. при раскопках городища была найдена шарнирная накладка, которую можно атрибутировать как деталь *lorica segmentata* (рис. 2,8).

Две указанные детали из Херсонеса принадлежат одному и тому же типу пластинчатого панциря – т.н. типу «Корбридж». Сменивший его во II в. тип «Ньюстед» уже не имел шарнирных накладок и пряжек описываемого вида [34, p. 233; 24, p. 117]. *Lorica segmentata* типа «Корбридж» широко использовалась в течении всего I в., что подтверждается многочисленными находками деталей этого доспеха во всех римских лагерях данного времени (рис. 2,9-13, 15-19) [39, S. 35]. Этими же временными рамками можно датировать и херсонесские детали.

В 1914 г. на территории городища была найдена небольшая накладка с плоской головкой и врезными кругами (рис. 2,1). К оборотной стороне изделия прикреплена пластина, пробитая в нижней части круглым отверстием. Такие накладки встречаются на территории империи и носят название «гвозди щита». С их помощью умбон крепился к деревянной основе щита. Благодаря наличию отверстия в пластине, накладки жестко закреплялись поперечными штифтами. Такое устройство крепления позволяло при необходимости легко снимать металлический умбон, как наиболее ценную часть щита [23, S. 173, 174, Nr. 564-583]. Херсонесскую накладку можно, таким образом, определить как деталь римского щита. находку нельзя датировать точнее, чем в целом датируются имперские образцы (рис. 2,2-7), которые использовались в пределах II – первой половины III вв. [23, S. 174].

Детали военного костюма. Наиболее многочисленной категорией находок римского военного снаряжения из Херсонеса являются детали поясов. Основой выделения поясной гарнитуры, как принадлежности римских военнослужащих, являются аналогии из зоны римского лимеса, а также отсутствие рассматриваемых вещей в многочисленных археологических памятниках Крыма, не связанных с римским присутствием. При этом наименее характерными деталями римских поясов оказываются пряжки. По всей видимости, римскими солдатами использовались те же типы пряжек, которые были широко распространены и среди греческого и варварского населения Крыма. Это подтверждается присутствием характерной для памятников Крыма пряжки [42, с. 167, 168, рис. 5] в составе римского поясного набора из погребения 93 раскопок 1910 г. (рис. 8,1) [43, рис. 8,1]. По этой причине найденные в Херсонесе вне археологического контекста пряжки тех типов, которые распространены как в Крыму, так и в Римской империи, нельзя с уверенностью рассматривать в качестве деталей римского военного костюма. С римлянами, без сомнений, могут быть связаны лишь единичные пряжки, аналогии которым обнаруживаются только в Центральной и Западной Европе. Наличие таких пряжек в Херсонесе можно объяснить присутствием здесь гарнизона римских войск.

Пряжки. Самой ранней из известных сейчас римских пряжек Херсонеса может считаться бронзовая шарнирная пряжка с прямоугольной рамкой и двумя выступами по углам (рис. 3,1). Передняя и боковые стороны рамки вогнутые. Поверхность пряжки украшена полукруглыми, овальными и прямоугольными эмалевыми вставками. Пряжки такой формы находят при археологических раскопках римских лагерей, в основном, на территории прирейнского и придунайского лимеса, а также в Британии, Испании, Дакии и Мезии (рис. 3,2,3) [44, S. 99, 100; 24, p. 98, fig. 59,14; 41, Taf. 14,1190,1191; 45, p. 58, fig. 6,19-22; 46, S. 96, 97, Abb. 1,4,5; 28, s. 50, 53, tabl. 1,9]. Различные варианты этих пряжек датируются временем Флавиев – Траяна [44, S. 99]. Эмалевые вставки на поверхности херсонесской пряжки сближают ее с экземпляром из Майнца [46, S. 97, Abb. 1,4], а также с пряжкой D-образной формы из Августа Раурика (рис. 3,4) [39, Taf. 17,293]. Э. Дешлер-Эрб отмечает, что техника подобных эмалевых вставок появляется с конца I в. и существует, главным образом, во II в. Однако тонкость и аккуратность исполнения пряжки из Августа Раурика позволяет отнести ее еще к эпохе Флавиев [39, S. 41]. Сочетание характерной формы и эмалевых вставок, а также очевидная тщательность исполнения херсонесской пряжки позволяют датировать ее в пределах последней трети I – первой трети II вв.

Среди херсонесских пряжек есть экземпляры, имеющие точные аналогии в центрально- и западно-европейских материалах. Редким изделием является шарнирная пряжка с рамкой, снабженной внутренними завитками и язычком в форме «летающей птицы» (рис. 3,5). На оси пряжки сохранились остатки пластинчатого щитка. Устройство шарнира, внутренние завитки рамки, оформление язычка позволяют отнести херсонесский экземпляр к широко распространенному в Римской империи во II – первой половине III вв. типу пряжек, имеющему большое количество вариантов [23, S. 211, 212, Taf. 74, 75, Nr. 975-987]. В то же время, мне известна только одна аналогия, практически в точности воспроизводящая находку из Херсонеса. Пряжка такой же формы и сходных размеров была найдена в погребении № 76 могильника Михальково, относящегося к пшеворской культуре (рис. 3,6) [47, S. 450, Rys. 22]. Погребение № 76 принадлежало группе могил фазы С1 из этого могильника [47, S. 459]. В классификации поясных застежек римского времени из центральноевропейского барбарикума эта пряжка в единственном экземпляре составляет 9-й тип группы В [48, S. 14, Taf. 5, Tur. 9]. Р. Мадыда-Легутко констатирует отсутствие прямых аналогий и отмечает наличие более или менее значительного количества пряжек со сходной рамочной конструкцией в римских военных лагерях [48, S. 15]. Находка похожего экземпляра в Херсонесе позволяет считать обе эти пряжки деталями римского военного костюма. Так как в Херсонесе контекст находки отсутствует, единственной основой для датировки пряжки остается принадлежность могилы

№ 76 из Михальково к группе погребений фазы С1. Херсонесский экземпляр может быть широко датирован последней четвертью II – первой половиной III вв.

Из археологических материалов военных лагерей провинций Верхняя Германия и Реция происходит редкая группа пряжек со своеобразной формой рамки, передняя часть которой украшена профилированным утолщением (рис. 3,8-10) [23, S. 213, 214, Taf. 75, Nr. 988-991]. К этой группе относится бронзовая пряжка из Херсонеса (рис. 3,7). В одну группу Ю. Ольденштейн объединил четыре пряжки с разной формой рамки и одним общим признаком – утолщением, имеющим поперечные профилирующие углубления. Примечательно, что херсонесская находка близко повторяет одну из этих пряжек, а именно экземпляр из Вейсбадена (рис. 3,8) [23, Taf. 75, Nr. 989]. Отмечая редкость находок похожих пряжек, Ю. Ольденштейн приводит лишь две аналогии за пределами исследованной им зоны – пряжки из Страсбурга и Лауриакума. Из всех указанных пряжек только находка из Лауриакума предоставляет приблизительные основы для датировки. Лагерь в Лауриакуме (Норик) возникает только после 180 г. н. э. [23, S. 213, 214]. Не проясняет ситуации и экземпляр из Херсонеса, который является беспаспортной находкой. Немногочисленные аналогии позволяют датировать пряжку из Херсонеса в широких пределах второй половины II – первой половины III вв. Интересно отметить также концентрацию находок этой редкой группы пряжек в прирейнской зоне римского лимеса.

Одна херсонесская пряжка имеет достаточно точные аналогии в еще более удаленной от Херсонеса провинции Римской империи. Это шарнирная пряжка с ажурным щитком из погребения № 528 херсонесского некрополя (рис. 3,11). Пряжка сейчас известна только по фотографии, опубликованной в отчете о раскопках [49, с. 74, рис. 107]. Щиток пряжки выполнен в характерном прорезном ажурном стиле, который получил название *Trompetenmotiv* (мотив труб). На пряжку, как на принадлежность римского военного костюма, впервые указал М. Ю. Трейстер [20, с. 159]. Он же привел достаточно близкую аналогию херсонесской находке – пряжку II в. н. э. из форта Ньюстед в Британии (рис. 3,12) [24, p. 119, fig. 80,5]. Отмечу, что еще более близкой аналогией щитку пряжки из могилы № 528 является ажурная накладка из самого Херсонеса (рис. 3,13; 9,9). Два изделия идентичной формы – накладка и щиток пряжки, найденные на одном памятнике, могут указывать на их местное производство. Стиль, в котором выполнен щиток пряжки, был распространен на римских изделиях во второй половине II – первой половине III вв. [20, с. 161, 162]. Следовательно, этим же временем нужно датировать и херсонесскую находку.

Пряжку с круглой рамкой и прямоугольным фасетированным щитком (рис. 3,14) можно связывать с римским военным костюмом лишь с определенной долей вероятности. Пряжки с такой формой рамки не характерны как для материалов римского пограничья, так и для центральноевропейского барбарикума. Подобная

форма рамок пряжек в сочетании с прямоугольными щитками с имитацией фасетировки встречается в сарматских древностях Крыма, Нижнего Дона и Поволжья. В периодизации ременной гарнитуры позднесарматского времени близкие по форме пряжки (П4) входят в хронологическую группу IIa [50, с. 196, 199, 200, рис. 4,Б,2-4; 6,В,2,3] и датируются первой половиной III в. [50, с. 209]. В то же время пряжка из Херсонеса имеет ряд черт, отличающих ее от пряжек, распространенных в сарматской среде. Язычок пряжки украшен параллельными и пересекающимися насечками. Такое оформление язычка более характерно для северопричерноморских пряжек с пельтавидной рамкой, прямоугольным выступом для крепления к ремню и зауженным перехватом между ними, или укороченных «дугоконечных» по типологии, предложенной А. А. Труфановым [42, с. 167, 168, рис. 5]. Необычной деталью, не свойственной сарматским пряжкам П4, является оформление выгравированными подрезами части рамки, прилегающей к щитку. На отношение этой пряжки к римлянам, как представляется, могут указывать характерные вырезы в форме «почки» в торцевой части щитка. Оформление окончаний щитков пряжек и прямоугольных накладок различными вырезами и выступами весьма характерно для деталей военных поясов с территории Римской империи. Наиболее близкие примеры оформления торца щитка херсонесской пряжки предоставляют изделия из Нидербибера (рис. 3,16) [23, Nr. 782, 783], Вейсенбурга [23, Nr. 785], Остербуркена [23, Nr. 786] на Рейнском лимесе; из форта Ньюстед (рис. 3,15) [24, p. 119, fig. 80,7] в Британии; из Виминациума (рис. 3,17,18) [51, T. LXXXVI,3; CLIII,1; CLXVI,5,7] в Верхней Мезии. Есть подобные изделия и в Крыму. Схожим образом оформлены торцы накладки со сценой погони собаки за зайцем из Пантикапея [52, с. 73, рис. 3,7; 53, p. 99, fig. 4,7] и торцы прямоугольных накладок римского поясного набора из Херсонеса [43, рис. 8,1-4]. В целом, щиток херсонесской пряжки представляет собой упрощенный, по сравнению с приведенными аналогиями, вариант оформления. Как правило, помимо вырезов в форме почки, торцевые стороны прямоугольных накладок украшены в средней части также вырезами, предающими им форму растительных побегов, или насечками. Тем не менее, вырезы в форме почки на торце щитка позволяют считать пряжку изделием, подражающим имперским образцам. Вероятно, рассматриваемая пряжка была изготовлена в мастерских Херсонеса. Фигурным вырезам в виде «почки» или «бобов» некоторыми исследователями придается значение хронологического признака. Считается, что такой мотив встречается на изделиях конца II – первой половины III вв. [44, S. 92]. К этому времени, по всей видимости, можно отнести и херсонесскую пряжку.

В начале III в. н. э. в римской армии распространяется новый тип поясной застежки. Взамен использовавшейся до этого традиционной пряжки с подвижным язычком появляется пряжка, конструкция которой представляет собой простую рамку, которая имела чаще всего прямоугольную или круглую форму. У

прямоугольных рамок иногда имелась центральная перекладина. Ремень с двух сторон охватывал пряжку и закреплялся двумя кнопками через сделанные в коже прорези (рис. 19,3,4). Пряжка рамочной конструкции не заменяет полностью пряжку с подвижным язычком, но приобретает, судя по известным памятникам, серьезное значение в военном костюме [23, S. 222, 223; 54, S. 180; 24, p. 152, 153]. В самой простой форме новый способ застегивания ремня фиксируется на протяжении III в. археологическими памятниками [23, S. 167, 168, Abb. 2; 34, p. 260, 261, fig. 21] и скульптурой [55, p. 602, fig. 7-10; 56, pl. 1-4]. На рубеже III–IV вв. использование ремня с пряжкой рамочной конструкции прекращается. На ее место вновь возвращается ремень, снабженный пряжкой с подвижным язычком.

Причины появления пояса такой конструкции еще не объяснены. Среди возможных причин западные исследователи называли сарматское влияние [54, S. 175, Anm. 33]. Однако, следует заметить, что у самих сармат пояс с рамочной конструкцией пряжки не известен. Также неясными остаются причины отказа от необычного способа застегивания ремня и возврата к традиционной пряжке в конце III в. Правдоподобным выглядит объяснение возвращения пряжки с подвижным язычком из-за усиливающейся варваризации армии. Варвары европейского барбарикума продолжали использовать все это время традиционную пряжку, и их проникновение в качестве союзников в римскую армию, очевидно, повлияло на перемену в военном костюме.

Какими бы ни были причины появления и исчезновения пояса с пряжкой рамочной конструкции, такой способ ношения пояса остается оригинальным явлением в истории римского военного костюма III в. Материалы Херсонеса, к сожалению, не позволяют пока выделить экземпляры римских пряжек-рамок, изготовленных из бронзы. Из-за простоты формы атрибуция таких пряжек в качестве деталей римских поясов предполагает наличие определенного контекста. Например, находки пряжек в комплекте с двумя круглыми «кнопками»⁵. Тем не менее, на использование описанного пояса римскими солдатами Херсонеса указывают разрозненные находки характерных накладок, употреблявшихся в такого рода поясах (см. рис. 12).

Наряду с бронзовыми деталями поясной гарнитуры простой формы, принадлежащей солдатам, в римской армии использовались более сложные серебряные и даже золотые детали поясов и поясные наборы. Причем, различие в материале, из которого изготовлена поясная гарнитура, означает, по общему признанию, различие и в ранге ее носителя⁶ [54, S. 187]. Серебряные и

⁵ Возможно, такие комплекты содержались в кремации из могилы 334 раскопок 1893 г., где были найдены две бронзовые накладки в форме шляпки гриба [57, с. 62, рис. 39] и в могиле 420 раскопок того же года, где две накладки в форме лодки были найдены с «парой бронзовых пряжек квадратной формы» [57, с. 72, рис. 42].

⁶ Это различие, появившееся в римской армии с начала III в., исследователи иногда связывают с военной реформой, произведенной Каракаллой (211-217 гг.).

позолоченные серебряные детали военного костюма принадлежали офицерам римской армии. Находки таких деталей достаточно редки и привлекают особый интерес.

Уникальной находкой для Северного Причерноморья является серебряная офицерская накладка с прорезью для ремня, украшенная чернью и вставками из желтого металла (рис. 4,1). Она происходит из раскопок Херсонесского некрополя. Определению функционального назначения изделия помогают идентичные детали, входящие в состав поясных наборов из погребений на территории Европы. Наборов, выполненных в той же технике и с той же системой фиксации ремня, известно всего три. Это наборы из погребений в Сакрау [44, S. 92-99, Taf. IV], Аквинкуме (рис. 19,2) [58, S. 81, Abb. 1-25] и Силистрае [44, S. 92-99, Taf. VI]. Каждый из этих наборов, помимо других деталей, включал прямоугольную рамку с центральной перекладной и накладку с прорезью вдоль короткой стороны. В той же технике богатого украшения чернью выполнен набор поясных деталей из клада Залашка (Паннония) [44, S. 94, Taf. VII]. Но этот набор, очевидно, не является полным. В нем отсутствуют прямоугольная рамка с перекладной и деталь с прорезью. Кроме того, отдельные детали от таких наборов происходят из некрополя Ремаген на Рейне, из позднеимперской крепости Аугсбург и из коллекции Замкового музея Берлина [44, S. 94]. Прорезь на накладке из Херсонеса, как и аналогичные детали из описанных наборов, служила для пропускания через нее тонкого конца ремня. На этом конце ремня находилась литая кнопка со шляпкой в форме «лодки». Кнопка пропусклась в прорезь и фиксировала ремень в застегнутом состоянии. Сходный способ фиксации ремня реконструируется у двух поясных наборов, украшенных иным образом. Эти серебряные наборы изготовлены в прорезной технике. Один из них происходит из Кельна [54, S. 179, 180, Taf. 24], а другой, хранящийся в Мюнхене, происходит с территории Балканского полуострова (рис. 19,1) [54, S. 168, 169, Abb. 1, Taf. 18].

Херсонесской накладке полностью идентичны по форме и по технике изготовления детали поясов с прорезью, входящие в состав наборов из Сакрау (рис. 4,3) [44, Taf. IV,1], Аквинкума (рис. 4,4) [44, Taf. V,1] и Силистры (рис. 4,2) [44, Taf. VI,1]. На всех них нанесен различный орнамент из черни. Объединяющими элементами в оформлении пластин являются орнаментальные пояса вдоль краев изделий, большая круглая розетка в центре и медальоны в углах между розеткой и орнаментальным поясом. Однако, оформление этих деталей всегда решено по-разному. Херсонесский экземпляр довольно значительно отличается орнаментальными элементами от трех аналогичных изделий. Если в накладках из Сакрау, Аквинкума и Силистры орнаментальный пояс вдоль краев состоит из остролистных растительных побегов и мотива набегающей волны, то на херсонесском экземпляре этот пояс состоит из заостренных треугольников. Розетка в центре последнего разделена на «соты», чего нет на аналогичных

изделиях. Наконец, оригинальными являются крупные растительные побеги в углах херсонесской детали. Тем не менее, в орнаменте присутствуют и некоторые общие черты. Лепестки в центре сотовых ячеек накладки из Херсонеса близки лепесткам на центральной розетке экземпляра из Аквинкума, а также медальонов накладки из Силистры. А у накладки из Аквинкума на медальонах также присутствуют два растительных побега с цветком.

Несмотря на различия в оформлении, херсонесская накладка тесно примыкает к группе серебряных поясных гарнитуров, отделанных чернью. На основании анализа орнаментальных мотивов, а также концентрации мест находки исследователи предпринимали попытки поиска центров изготовления подобных деталей. Отмечалось тяготение к восточным областям империи и отличие от западного (галльского) круга вещей [54, S. 188, 189]. Предполагалось, что исходный пункт производства таких деталей находился в европейской области, близкой к Черному морю [59, S. 71]. Не противоречит такому предположению находка накладки с чернью в Херсонесе.

К сожалению, немногочисленность находок деталей таких поясов предоставляет мало возможностей для уточнения их датировки. Самым ранним из поясных наборов с пряжкой-рамкой является выполненный в прорезной технике набор, хранящийся в Мюнхене. Совместная с ним находка фибулы ограничивает дату набора 240-260 гг., т.е. серединой III в. [54, S. 180, 181]. Позже в оформлении поясных деталей офицерского ранга распространяется техника черни. Монетные находки позволяют установить *terminus post quem* для наборов из Сакрау и Аквинкума. С набором из Сакрау найдена монета Клавдия Готского (268-270) [44, S. 96]. Последняя монета из погребения А в Будапеште датируется 287 г. [44, S. 96]. Монеты Карина (283-285) из клада Залашка дают *terminus ante quem* для поясных деталей из его состава [44, S. 96]. Таким образом, там, где по монетам можно установить время бытования поясных наборов с чернью, выясняется, что они использовались в течение 60-80 гг. III в. Такую датировку подтверждают и следующие косвенные доказательства. Отсутствие на серебряных деталях из этих наборов позолоты хорошо согласуется с тем, что техника позолоты перестает применяться уже со времени Галлиена (253-268) [54, S. 181]. Характерная техника чернения с использованием тех же орнаментальных мотивов, которые можно видеть на серебряных офицерских поясах, применялась и на других предметах в это же время. Во второй половине III в. чернью украшались, например, фибулы и бутероли мечей [44, S. 96].

Таким образом, по аналогии с серебряными чернеными предметами с территории империи, херсонесская накладка с прорезью должна быть датирована второй половиной III в. Возможно, эта деталь относится к промежутку времени 260-280 гг. Хотя небольшое количество находок не позволяет судить об этом в полной мере.

На протяжении второй половины III в. происходит смена многих элементов материальной культуры Римской империи. Не является исключением и армейское снаряжение. В этот период, завершившийся военными реформами Диоклетиана, происходит следующая перемена. Если в додиоклетиановское время существовала некоторая свобода в выборе деталей военного снаряжения и амуниции, выражавшаяся в существенном разнообразии форм изделий, то теперь можно говорить о некоторой унификации военного костюма. Происходит это за счет организации крупных государственных цехов, осуществлявших централизованное снабжение армии вооружением и амуницией [23, S. 83-85]. Богатство форм и отделок пряжек, фибул, подвесок и накладок, использовавшихся в военном костюме во II–III вв., сменяется в IV–V вв. несколькими базовыми формами.

Единственными до сих пор известными деталями римского военного костюма IV–V вв., происходящими из Херсонеса, были Т-образные шарнирные фибулы с луковичными головками. Связь их с официальным, в том числе, военным костюмом сейчас не подвергается сомнению. На то, что Херсонес является местом концентрации подобных фибул, уже указывалось в литературе [60, с. 74; 61, с. 141, 146]. Однако, помимо Т-образных фибул, другие детали римского военного снаряжения, относящиеся к IV–V вв., не были известны. Между тем, такие детали имеются, и среди них выделяется ряд бронзовых пряжек.

Редкой находкой для территории западных провинций римской империи являются литые пряжки с треугольным непрорезным щитком. Концентрируются немногочисленные находки этих пряжек в Британии и на Верхнем Дунае. Еще по две таких пряжки происходят из Северной Италии и Марокко. Один экземпляр найден во Франции. Всего их известно около двадцати [29, p. 202, carte 2]. Пряжки с непрорезным щитком составляют единую группу с аналогичными по форме пряжками, щиток которых имеет треугольный внутренний вырез [62, S. 97, 98]. И те, и другие изделия происходят из комплексов IV в., причем большинство датировок указывает на середину – третью четверть IV в. [62, S. 96]. Многие из них найдены в военных лагерях, либо в связанных с ними некрополях. Это позволяет предполагать, что пряжки с треугольным щитком являлись принадлежностью военного костюма [62, S. 101].

Пряжка, относящаяся к этой группе, происходит из раскопок Херсонеса (рис. 5,1). Изделие обладает двумя отверстиями для заклепок в основании щитка, овальной рамкой и гранеными краями предмета. Окончание щитка херсонесской пряжки, на котором располагался круглый выступ с отверстием для заклепки, к сожалению, утрачено.

Из всех пряжек с треугольным непрорезным щитком херсонесской пряжке наиболее близок экземпляр, найденный в некрополе крепости Регенсбург (Реция) (рис. 5,2) [62, S. 97, Abb. 4,1]. Помимо сходства формы два изделия сближает

также одинаковая ширина. По сути, находку из Регенсбурга отличает от херсонесской лишь бордюр, отделяющий рамку от щитка. Погребение, в котором найдена пряжка с треугольным щитком, датируется первой половиной IV в. [62, S. 97]. Пряжка из Херсонеса также может относиться к этому времени, но из-за отсутствия археологического контекста находки предпочтительней будет датировать ее IV в. – временем бытования всей группы. Находка пряжки с треугольным щитком в Херсонесе существенно расширяет географию находок подобных изделий, за счет восточной части империи.

Необычным экземпляром является овальный щиток пряжки, украшенный пуансонным орнаментом, прорезями и гравированными кругами (рис. 5,4)⁷. Щиток крепился к пряжке с помощью шарнира, а к ремню посредством трех штифтов. Линия точечного орнамента опоясывает щиток по краю. В центре щитка находится композиция из двух симметрично расположенных прорезей и трех гравированных кругов с точкой в центре (т.н. «птичий глаз»). Похожая композиция, состоящая из трех крупных гравированных розеток, заключенных в сердцевидную линию из насечек или точек, была широко распространена на наконечниках ремней позднеримских поясных наборов (рис. 5,6) [63, p. 122, fig. 111, M. 220; 64, Abb. 56,3,4]. Близкая аналогия херсонесскому щитку происходит из некрополя Каллатиса (рис. 5,5) [65, p. 149. pl. XV, M. 320]. Щиток пряжки из Каллатиса, также имевшей шарнирное устройство, украшен точно таким же способом, что и херсонесский. Единственным различием является форма щитка. Если экземпляр из Херсонеса имеет овальную форму с прямоугольным выступом в задней части, то изделие из Каллатиса обладает щитком сердцевидной формы. Находка из Каллатиса датируется третьей четвертью IV в. [65, p. 40].

Интересно, что пряжки шарнирной конструкции не характерны для крымских памятников IV в. [66, с. 27-29, рис. 22]. Учитывая близкие аналогии с территории римских провинций и несвязанность херсонесского щитка с пряжками местной традиции, можно предположить, что он был частью пряжки, принадлежавшей римскому военнотружущему.

Еще одной деталью пряжки, также имевшей шарнирную конструкцию, является прямоугольный прорезной щиток с гравированными кругами (рис. 5,7). Помимо шарнирной конструкции, этот щиток сближают с западными образцами характерные ажурные вырезы. Два выреза имеют своеобразную форму, получившую условное название «замочная скважина» [45, p. 56]. Такой орнаментальный мотив был распространен на воинских поясах на территории Римской империи в течение всего IV в. [45, p. 59-60]. Причем, наибольшего распространения этот декор достигает в середине IV в. [67, S. 48]. Композиции щитков пряжек, на которых использовался прорезной декор в форме «замочных

⁷ Приношу благодарность И. О. Гавритухину за информацию об этом предмете и предоставление в мое распоряжение выполненного им рисунка.

скважин», довольно разнообразны (рис. 5,8-10). Чаще всего «замочные скважины» или близкие им прямоугольники с кругами располагались вертикально в два-четыре ряда [64, Abb. 56,1; 45, fig. 1,1; 2,1-6; 68, S. 119, Taf. 3,6; 69, Taf. 14,2-4]. Вариант такого оформления, состоящего из двух «замочных скважин» и прямоугольного выреза за ними, представляет собой херсонесский щиток.

В 1928 г. на территории цитадели Херсонеса был найден щиток бронзовой пряжки, выполненный в ажурном прорезном стиле (рис. 6,1). Сложный орнамент изображает растительные побеги и двух животных, стоящих на задних лапах. Точные аналогии этому щитку неизвестны, но по ряду соображений пряжка может относиться к IV в. Сочетание шарнирного устройства и орнамента в ажурном прорезном стиле, а также значительная ширина щитка наиболее соответствуют традициям оформления пряжек позднеримского времени [см. напр.: 64, S. 18, Abb. 2,1,2]. На щитках пряжек IV в. изредка встречаются изображения животных, выполненные в той же технике (рис. 6,2,3) [67, Abb. 19; 45, p. 56, fig. 3,1-4]. Учитывая то, что щиток был найден на месте стоянки римского гарнизона, можно предположить, что эта пряжка также может быть связана с римлянами.

Традициям оформления позднеримских воинских пряжек соответствует также бронзовая пряжка с овальной рамкой, украшенной орнаментом из гравированных кругов с точкой в центре (рис. 6,4). Сечение рамки пряжки представляет собой прямоугольник с характерным уступом-бордюром. Уступ рамки дополнительно украшен линией мелких выгравированных полукружий. Язычок пряжки фасетирован, имеет площадку с гравированным «птичьим глазом», а также украшен мелкими кругами, аналогичными кругам на уступе рамки.

Очень характерной деталью для определения типологической принадлежности херсонесской пряжки является поперечное сечение рамки. Подобные уступы на рамках свойственны пряжкам, распространенным в позднеримской воинской среде. Такое устройство рамки обычно для широких позднеримских пряжек, украшенных кербшнитным орнаментом [67, S. 26, Abb. 3; 64, Taf. 1,4; XXII,1]. В это же время существовали многочисленные пряжки, украшенные более скромно, в основном, гравированными кругами и различного рода насечками. Многие из них также имеют рамку с уступом-бордюром (рис. 6,5,6) [64, Taf. 1,1,2; XIX,1,2; XXVI,1,2; 69, Taf. 6,3,6]. Гарнитур, несущие настоящий кербшнитный орнамент, обнаруживаются главным образом в Галлии, довольно много их и вдоль верхнего течения Дуная, вплоть до Паннонии [67, S. 47]. На этих же территориях распространены и другие типы пряжек, находящиеся, безусловно, под влиянием этого оригинального стиля. В то же время, в восточной половине Римской империи как кербшнитные гарнитур⁸, так и подражания им встречаются крайне редко. Соотношение количества находок в западной и восточной половине

⁸ В Крыму единственной находкой является кербшнитная пряжка, обнаруженная недавно в склепе № 173 могильника у с. Лучистое [112, с. 6].

империи вещей, выполненных в «позднеримском военном стиле», дает исследователям право объяснять практически полное отсутствие этих предметов на востоке не состоянием исследования, а действительным различием в воинском снаряжении [64, S. 71].

Находка из Херсонеса позволяет сгладить этот контраст. Не снимая общего вывода, херсонесская пряжка показывает, что взаимовлияния между восточной и западной частями империи все же существовали. Если подобрать аналогии херсонесской пряжке, то можно найти экземпляры аналогичной формы, украшенные в той же технике. Близкими можно считать экземпляры пряжек из Аквилеи [69, S. 26, Taf. 6,6], могилы 89 некрополя Оденбург (рис. 6,6) [64, Taf. XIX,1] и могилы 18 некрополя Майен [64, Taf. XIX,2], рамки которых украшены гравированными кругами и полукружиями. Единственным, но существенным отличием формы этих находок от херсонесского экземпляра является наличие изображения голов животных на окончаниях рамочной дуги. Такие фигурные украшения рамки характерны практически для всех подобных пряжек, поэтому херсонесскую находку можно считать упрощенным подражанием вышеприведенным пряжкам. Отнести ее можно ко времени бытования кербшнитного стиля [67, S. 29], датировав, таким образом, последней третью IV – началом V вв.

По стилю последней пряжке близок овальный шарнирный бронзовый щиток, украшенный двумя круговыми поясами из гравированных «птичьих глаз» и розеткой из концентрических кругов в центре (рис. 6,7). Щиток сходен по размерам с пряжкой и также отражает, по-видимому, моду на широкие пояса, распространившуюся в римской армии в последней трети IV – первых десятилетиях V вв. Щитки широких пряжек этого времени часто украшены гравированными розетками и кругами с точкой (рис. 6,8). Но, в отличие от херсонесского экземпляра, они чаще всего имеют прямоугольную форму (рис. 6,6) [64, Taf. XIX,1,2; XXVI,2; 69, Taf. 2,3,4; 6,3]. Форма херсонесского щитка напоминает широко распространенные пряжки с т.н. «почковидным» щитком, которые использовались как в воинской, так и в гражданской среде на римско-провинциальных и варварских территориях начиная со второй половины III в. Тем не менее, шарнирная конструкция и значительная ширина щитка из Херсонеса заставляют рассматривать его как вариацию позднеримского воинского стиля.

Поясные наборы. Особое место среди находок римского военного снаряжения из Херсонеса занимают поясные наборы. В их состав входит значительное количество разнообразных деталей. Из-за того, что отдельные детали одного поясного набора представляют, в сущности, единое изделие, в данном случае – римский воинский пояс, есть смысл рассматривать детали этих наборов суммарно. Тем самым все предметы, входящие в состав наборов, будут отделены от единичных находок поясных деталей.

Облегчает анализ поясных наборов из Херсонеса то, что все они уже были опубликованы. В этих публикациях подробно рассматривались все, входящие в них детали [20, с. 159, 160; 22, с. 90, 91; 43, с. 96-99, 101-106]. Это избавляет от необходимости рассмотрения каждой детали в отдельности. Здесь, в связи с попыткой объединения в рамках публикации всех деталей римского военного снаряжения из Херсонеса, уместно будет дать общее описание известных наборов.

От набора из могилы № 492 раскопок 1894 г. (рис. 7) сохранилось 25 бронзовых деталей. Кроме этого, в свое время в набор входила ныне утраченная пряжка [22, с. 90]. Набор состоит из следующих деталей: ажурной круглой накладки с внутренней поперечиной и двумя завитками (рис. 7,1), пельтавидной накладки (рис. 7,2), шестиугольной накладки с изображением «vulva» (рис. 7,3), накладки в форме «лодки» с двумя гравированными полосами (рис. 7,4), круглой накладки с выступающим валиком (рис. 7,13), 11 круглых накладок с плоской шляпкой (рис. 7,15-25), 2 круглых накладок со сферической шляпкой (рис. 7,12,14), 5 мелких заклепок со сферической шляпкой (рис. 7,5,6,8-10), заклепки с плоской шляпкой (рис. 7,7) и заклепки с ажурно украшенной шляпкой (рис. 7,11) [22, с. 90, табл. 1]. Приведенные издателями этого набора аналогии происходят, в основном, с территории Галлии и Германии [20, с. 159, 160; 22, с. 90, 91]. На основании этого был сделан далеко идущий вывод о том, что поясной набор попал в Херсонес с воином, перед тем несшим службу на лимесе в Галлии или Германии [20, с. 160; 22, с. 91]. По моему мнению, воспринимать этот вывод как безоговорочный мешают некоторые обстоятельства. Сами же издатели набора перечисляли аналогии, происходящие не только из Прирейнской зоны, но и с других территорий империи (Британия, Подунавье, Ближний Восток). Учитывая то, что Прирейнская зона лимеса является сейчас наиболее полно изученной, можно предположить, что именно этим объясняется преобладание аналогий из Реции и Верхней Германии. Соглашаясь с тем, что аналогии с большой вероятностью указывают на Галлию и Германию, хочется подчеркнуть, что вывод о происхождении набора не должен быть столь однозначным.

М. Ю. Трейстер, со ссылкой на Ю. Ольденштейна, подчеркивал лишь в отношении одной детали из набора, а именно шестиугольной накладки с изображением «vulva» (рис. 7,3), что подобные изделия крайне редки за пределами Галлии и Германии⁹ [20, с. 160]. Все остальные детали набора, по сути, относятся к широко распространенным на территории империи типам. Д. В. Журавлев, опубликовавший полный состав херсонесского набора, затруднялся в подборе аналогий только для «бляшки листовидной формы» [22, с. 91] (рис. 7,4). Сейчас становится ясным, что именно эта деталь набора имеет ближайšie аналогии в

⁹ Тут же приведены, тем не менее, три аналогии с территории Дакии и Верхней Мезии [20, с. 160, прим. 3].

самом Херсонесе (см. ниже: рис. 13,1,2,7,8). Это может указывать если не на изготовление всего набора в Херсонесе, то, возможно, на ремонт или замену части деталей на месте в военных мастерских. Датируется набор второй половиной II – III вв. [20, с. 160].

Набор из могилы № 15 раскопок 1909 г. (рис. 9,5-8) в настоящее время включает в себя фрагменты четырех деталей. Две идентичные накладки несут на себе прорезной орнамент, торцы накладок украшены вырезами в форме почек (рис. 9,7,8). Одна накладка обладает внутренним прямоугольным вырезом и двумя поперечными валиками (рис. 9,6). Еще одна накладка в сохранившейся части имеет полукруглую форму с двумя вырезами и примыкающим кольцом (рис. 9,5) [43, рис. 2,5-8]. Аналогии элементам формы этих накладок, а также стилистические параллели происходят с территории Рейнского и Дунайского лимесов, из Северной Африки и Ближнего Востока [43, с. 96-99]. Набор, вероятно, относится ко второй половине II в. [43, с. 100].

Набор из могилы № 93 раскопок 1910 г. (рис. 8) состоит из одиннадцати предметов. Из римских поясных наборов Херсонеса этот – единственный, в котором сохранилась пряжка (рис. 8,1). Она относится к типу, распространенному не только на территории империи, но и в Херсонесе [70, с. 105, рис. 71,1-3], и на других памятниках Крыма [42, с. 167, 168]. Щиток пряжки идентичен трем прямоугольным накладкам, украшенным на торце вырезами в форме почек и насечками (рис. 8,2-4). Две накладки имеют усложненную ажурную форму (рис. 8,7,8). Одна накладка сделана в виде стилизованного наконечника копья бенефициария (рис. 8,9). В набор также входят два узких наконечника ремня простой формы (рис. 8,5,6). На одном из наконечников сохранилась подвеска. Завершают состав набора две обоймы, вероятно, от ножен кинжала, который подвешивался к поясу¹⁰ (рис. 8,10,11). Набор из могилы 93/1910 является наиболее полно сохранившимся из римских поясных наборов Херсонеса. Точные аналогии многим предметам из набора подобрать тяжело. Но, вместе с тем, аналогии отдельным элементам и общему стилю изделий обнаруживаются в материалах раскопок военных лагерей на территории империи от Британии до Нижнего Дуная [43, с. 103, 104]. Наиболее вероятной датой совершения погребения в могиле 93/1910 является вторая половина II – начало III вв. [43, с. 105].

От набора из могилы «место сожжения» раскопок 1910 г. (рис. 9,1-4) сохранились лишь четыре детали. Два предмета представляют собой идентичные поясные накладки, украшенные продольными ребрами по корпусу и ажурными выступами на торцах (рис. 9,1,2). Два оставшихся изделия, скорее всего, являются частями одного предмета, а именно – двухчастного наконечника ремня,

¹⁰ Подтверждением предложенной реконструкции использования двух обойм из херсонесского набора [43, рис. 11] является находка в погребении 617 некрополя Эмоны (Паннония) двух сходных обойм, прикипевших к железному ножу [73, S. 59, T. XXXIX,24].

состоящего из простой обоймы и каплевидной подвески (рис. 9,3,4). Достаточно близкие соответствия накладкам из набора происходят из некрополя у Кабиле (Нижняя Мезия) [71, с. 69, табл. XXV]. Херсонесский набор можно датировать, по аналогиям, второй половиной II в. [43, с. 106].

Помимо римских поясных наборов, происходящих из погребальных комплексов, в Херсонесе найдено значительное количество единичных поясных деталей. Функционально их можно разделить на две группы: накладки и наконечники ремней.

Накладки. Характерной деталью римских поясов являются разнообразные накладки. Они крепились к ремню с помощью небольших штифтов или заклепок и выполняли декоративную функцию. Среди единичных находок из Херсонеса выделяется группа ажурных накладок (рис. 9,9,12; 10,1,4,7,10; 11,1,5). Большинство из них выполнено в прорезной технике, т.н. технике *opus interasile*.

Форме одной из этих накладок можно подобрать аналогию в самом Херсонесе. Ажурная асимметричная накладка (рис. 9,9) в точности повторяет форму щитка пряжки из могилы 528 раскопок 1894 г. (рис. 3,11; 9,10). Очень близкую аналогию этим двум предметам предоставляет щиток пряжки II в. н. э. из форта Ньюстед в Британии (рис. 9,11) [24, р. 119, fig. 80,5].

Другая ажурная накладка несет на себе сложное прорезное изображение в центре и два выступа по краям изделия (рис. 9,12). Один выступ имеет форму простого прямоугольника, отделенного возвышающимся бордюром. Второй выступ представляет собой два стилизованных растительных побега, развернутых в противоположные стороны и образующих внутренние завитки. Между растительными побегами расположен круглый выступ, в котором сделано отверстие для заклепки. Точно такого же вида окончание имеет прорезная накладка из слоя римского времени Самарии (Палестина) (рис. 9,13) [72, р. 449, fig. 108,7]. Формой корпуса и завершениями торцов херсонесский предмет очень напоминает прорезную накладку из Эмоны (Паннония) (рис. 9,14) [73, с. 132, Т. ХСIII,27]. Конфигурацию корпуса херсонесской накладки можно описать как сужающуюся к торцевым краям изделия, при этом один из торцов предмета оказывается более узким, чем другой. Такую фигуру, лежащую в основе формы изделия, можно упрощенно назвать «каплевидной».

Эту же форму имеет корпус еще одной накладки из Херсонеса (рис. 10,1). Центральную часть предмета занимает вырез с внутренним круглым выступом в основании. Торцы накладки имеют окончания сложной формы. Одно из них в виде поперечной планки, увенчанной кольцом для заклепки и снабженной двумя завитками, развернутыми к изделию, находит аналогии в изделиях из Цугмантеля [23, № 886, 960]. Точно такой же формы окончание имеет еще одна накладка из Херсонеса (см. ниже: рис. 11,1). Близкими херсонесской накладке могут быть признаны изделия, совпадающие по форме и многим деталям, из Ширенхофа

[23, Nr. 242], Пфюнца (рис. 10,3) [23, Nr. 243-245] и Волубилиса [29, p. 80, 81 pl. 11,101; 68,99]. А наиболее точное соответствие происходит из лагеря Цугмантель (рис. 10,2) [23, Nr. 824; 74, S. 184, Taf. 7,12].

Еще одним предметом, хранящимся в Херсонесском заповеднике под единым инвентарным номером, является прямоугольная ажурная накладка (рис. 10,4). Это украшение пояса также имеет два выступа на коротких сторонах корпуса. Прямоугольный выступ, отделенный двойным бордюром, уже встречался на вышеописанной херсонесской накладке (рис. 9,12). Другой выступ имеет полукруглый край и два глубоких выреза у основания, отделяющих выступ от корпуса изделия. Точно такой же формы окончание можно видеть на накладке из Волубилиса (Северная Африка) (рис. 10,6) [29, p. 87, pl. 12,113] и на накладке из Нов (Нижняя Мезия) [28, s. 59, 62, tabl. III, 12]. Внутреннее пространство изделия из Херсонеса занято ажурным прорезным орнаментом. Композиция изрядно повреждена, но благодаря своей симметричности поддается восстановлению. В центре орнамента находится ромб, от которого в четырех направлениях отходят ветви растительных побегов. Такой элемент, как ромб, часто встречается в основе ажурных композиций римских прямоугольных поясных накладок, выполненных в стиле *opus interasile* (рис. 10,5) [23, Nr. 793, 795-797; 75, fig. 57,38; 54, Taf. 20,2; 27, cat. Nr. 349]. Датируются подобные предметы в широких пределах последней четверти II – первой половины III вв. [23, S. 197]. Отличием херсонесской накладки от многочисленных имперских образцов является то, что обычно ромбы в поле накладок многочисленны, а на местном экземпляре такой ромб один.

Еще одна накладка из Херсонеса имела, как и предыдущая, прямоугольную форму (рис. 10,7). От нее сохранилась боковая часть со штифтом крепления к ремню. В месте слома изделия видно, что предмет имел внутренние вырезы, т.е. был ажурным. На уцелевшей части предмета можно видеть гравированные линии и подрезы, а также два выреза в форме почки. Украшение краев накладок почковидными вырезами было обычным явлением при изготовлении римской поясной гарнитуры второй половины II – первой половины III вв. (рис. 10,8,9) [23, Nr. 242-244, 788-789; 44, Taf. I,11; 76, fig. 5,3-5].

Бронзовый ажурный предмет, состоящий из двух фрагментов, из могилы-кремации № 83 раскопок Р. Х. Лепера в 1909 г. также может быть определен как накладка (рис. 10,10). Сохранились два отверстия для крепления к основе с помощью заклепок. Предмет представляет собой сложную композицию из растительных орнаментов. К сожалению, сохранность изделия не позволяет полностью восстановить его форму. Тем не менее, с определенной долей вероятности, можно отнести его к группе крупных ажурных подвесок и накладок, выделенной Ю. Ольденштейном на материалах Верхнегерманского и Ретийского лимесов (рис. 10,13) [23, S. 160-162, Nr. 425-434]. Эти различные по назначению предметы объединены не по причине сходства формы, а на основании богатой

ажурной отделки [23, S. 160]. Подобные предметы также могли служить в качестве украшений широких портупейных поясов [см.: 44, S. 109. Taf. XII,7; 77, S. 33, Kat. Nr. 172, Taf. 16,3; 29, p. 133, 134, pl. 22,210]. Нельзя исключать, учитывая крупные размеры изделий, их использование в качестве деталей лошадиной сбруи. Вещи, входящие в эту группу, датируются первой половиной III в. [23, S. 162].

Две найденные в разное время в херсонесской цитадели накладки, несмотря на отличия формы их корпуса, можно выделить в особый тип. Их объединяет наличие петли в нижней части (рис. 11,1,5). Такие накладки, очевидно, крепились к поясу вертикально, так, что петля выступала за край ремня¹¹. Петля, таким образом, была функциональным элементом, предназначенным для крепления к поясу каких-то дополнительных ремней. Одна накладка, найденная в 1991 г. (рис. 11,1), имеет фигурный корпус, увенчанный выступом, аналогичным по форме выступу на накладке из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича (рис. 10,1). Петля в нижней части накладки имеет форму несколько упрощенной пельты. Совершенно аналогичную форму имеет накладка II в. с петлей из форта Волубилис (Марокко) (рис. 11,2) [29, p. 81, pl. 11,100]. От херсонесской накладки последнюю отличает лишь вырез в корпусе и более грубое исполнение. Считается, что подобного вида накладки стилистически близки хорошо сохранившемуся поясу из могилы 10 некрополя Нейбург на Дунае [23, S. 132-136, Abb. 1a], которая датируется второй половиной II в.

Другая накладка с петлей была найдена в цитадели в 1962 г. (рис. 11,5). Изделие имеет треугольный непрорезной корпус, сужающийся к переходу в петлю. Накладку отделяют от петли два широких поперечных валика. Петля имеет такую же форму, как и у предыдущего изделия. Форма этой накладки, на мой взгляд, любопытным образом сочетает в себе два различных по происхождению элемента. Пельтавидная петля является обычным элементом римских поясных деталей. Достаточно вспомнить функционально близкую группу предметов из Реции и Верхней Германии с петлей аналогичной формы (рис. 11,3,4,8) [23, S. 200, Nr. 862-864, 889]. Накладки с похожей петлей встречаются также в Паннонии [78, T. XXVIII,12,21], Верхней Мезии [51, Tab. CLXXXVII,1], Нижней Мезии [28, s. 63, 64, tabl. IV,5,6], Дакии [79, fig. 2,15]. В то же время корпус херсонесской накладки напоминает треугольные, сужающиеся книзу наконечники ремней, характерные для областей, занятых германцами [80, S. 55, Abb. 12,1,3,5; 81, Taf. 13]. Типичной деталью этих наконечников является завершение в виде простого кольца. Такие «германские» наконечники в небольшом количестве встречаются и в военных лагерях на территории империи (рис. 11,6,7) [23, S. 147-150, Nr. 336-338]. Под их влиянием, вероятно, возникли наконечники такой же формы, но снабженные

¹¹ Такое расположение на ремне накладок с петлей хорошо подтверждается накладкой из Миции (Дакия), которая имеет форму буквы «Е». Петля совершенно аналогичной херсонесским экземплярам формы расположена под буквой [27, cat. Nr. 344].

выступом в виде «дубины», расположенным под кольцом. Последние встречаются только на территории империи и считаются уже типично римскими [23, S. 148, Nr. 335, 339, 340; 24, fig. 108,13,15; 79, fig. 2,4; 82, p. 158, 161, fig. 6,2-11]. Наиболее близкой аналогией херсонесской накладке является накладка из Петовио (Паннония) (рис. 11,9) [78, Т. XXVIII,21]. Изделие демонстрирует ту же треугольную форму корпуса и пельтавидную форму петли, а также двойной широкий валик в месте перехода к петле. Отличием является внутренний вырез, повторяющий контуры корпуса. Сочетание в херсонесской накладке и изделии из Петовио двух описанных элементов (пельтавидной петли и треугольного корпуса) заставляет рассматривать их как еще один пример распространения моды на германские вещи в римской армии. Очевидно, что предметы такой формы не могли сформироваться в зоне, далекой от римско-германских контактов. Поэтому можно предположить, что происхождение херсонесской накладки можно связывать с территорией прирейнских или верхнедунайских провинций Рима. Я. Тейрал, специально рассмотрев совместные находки римских военных древностей и германских треугольных наконечников ремней с кольцом, подчеркивал, что римско-германские контакты, повлиявшие на появление новых форм военного снаряжения в римской армии, происходили во второй половине II в. Толчком к этому послужили маркоманские войны 70-х гг. II в. [80, S. 55-56].

Из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича происходит прямоугольная непрорезная накладка (рис. 11,10). Изделие профилировано тремя продольными выступающими ребрами. Один из торцов украшен фигурным выступом. Этот предмет очень близок двум накладкам из могилы «место сожжения» 1910 г. из Херсонеса [43, с. 118, рис. 12,1,2] (рис. 9,1,2; 11,11). Всем трем предметам, в свою очередь, соответствуют детали поясного набора из могилы № 34 кургана III римского некрополя при Кабиле (Нижняя Мезия) (рис. 11,12) [71, с. 69, табл. XXV]. По аналогии с нижнедунайскими изделиями, херсонесские находки должны датироваться второй половиной II в.

Еще одна небольшая накладка с четырьмя углублениями, в которых находились эмалевые вставки (рис. 11,18), также, возможно, принадлежала поясу римского военнослужащего. Похожие накладки, имеющие эмалевые вставки и прямоугольный или овальный корпус с боковыми выступами в виде трилистника, встречаются в материалах с территории Римской империи [83, Pl. VII,6,10; 23, Nr. 284, 285, 853; 29, p. 110-112, pl. 19,188-190].

Следующую группу изделий также формально следует относить к накладкам. Иногда такие предметы называют бляхами, иногда кнопками (особенно предметы с круглой шляпкой). Так как понятия «бляха» и «кнопка» тяжело четко разграничить, правильно будет все подобные предметы называть накладками.

Рассматриваемые изделия жестко крепились к органической основе – ткани или коже – с помощью крупного штифта. Расположенный на оборотной стороне

изделия, штифт заканчивался контркнопкой. Назначение подобных накладок могло быть как чисто декоративным, так и функциональным. Часто, судя по значительному расстоянию между корпусом изделия и контркнопкой (0,5-0,9 см), эти накладки могли скреплять между собой сразу два ремня. Также зафиксировано использование пары таких накладок в составе пояса с пряжкой-рамкой (рис. 19,3,4) [23, S. 168, 169, Abb. 2]. Кроме того, они могли применяться на лошадиной сбруе [84, Abb. 13,14,15,19; 74, S. 188, Taf. 6,32-34]. Разнообразие возможностей использования не позволяет однозначно высказываться о назначении того или иного изделия, представляющего собой единичную находку.

Четыре накладки из Херсонеса имеют корпус в форме «шляпки гриба» (рис. 12,1,2,7,8). Одна из накладок, известная только по фотографии (рис. 12,1), была профилирована двумя валиками. При раскрытии могилы № 334 К. К. Косцюшко-Валюжиничем эта накладка была найдена вместе с еще одной такой же, а также с «большой мозаичной бусой» [57, с. 65, рис. 39]. Обнаружение двух накладок с головкой в форме «шляпки гриба» в кремации № 334 позволяет высказать предположение о том, что в этом погребении мог находиться пояс с пряжкой-рамкой. Три оставшиеся накладки (рис. 12,2,7,8) являются беспаспортными находками. Аналогии накладкам с грибовидной головкой известны по всей империи в памятниках от середины II до третьей четверти III вв. (рис. 12,3-6,9-13) [23, S. 167-169, Nr. 473-489; 51, T. CLXXXVII,5; 24, p. 152, fig. 108,9-12; 29, p. 77, pl. 66,87 bis; 28, s. 63, 65, tabl. IV,11,13].

Три накладки из Херсонеса имеют уплощенную головку круглой формы (рис. 12,14,15,20). Две из них украшены концентрическими врезными кругами (рис. 12,15,20). Накладкам подобной формы соответствуют аналогичные изделия с территории Римской империи (рис. 12,16-19,21-24) [23, S. 170, Nr. 494-503; 51, T. CX,6; 28, s. 63, 65, tabl. IV,12], которые датируются, как и предыдущая группа, серединой II – третьей четвертью III вв. [23, S. 170].

Еще одна накладка, также украшенная концентрическими кругами, не может быть четко отнесена к определенной группе, так как неизвестно, был ли ее штифт снабжен контркнопкой или нет (рис. 12,25). В любом случае, украшение головки этого предмета врезными кругами, с наибольшей вероятностью, связывает его с римскими поясными деталями.

Из материалов раскопок Херсонеса происходит компактная группа накладок с корпусом, выполненным в форме «лодки» (рис. 7,4; 13,1,2,7,8). Округлые края изделий завершаются двумя заостренными вершинами. Все накладки снабжены продольными углублениями. На двух из них отлито пять полос (рис. 13,1,2), еще на трех – две полосы выгравированы (рис. 13,7,8). Все накладки имеют крупные контркнопки. Одна из накладок входит в состав поясного набора из могилы № 492 раскопок 1894 г. (рис. 7,4) [22, с. 90, табл. 1,4]. Четыре накладки представляют собой единичные беспаспортные находки (рис. 13,1,2,7,8). Все накладки выглядят

тесно взаимосвязанной группой. Довольно большое количество сходных накладок с корпусом в форме «лодки» из Херсонеса, возможно, свидетельствует об изготовлении их в мастерских римских гарнизонов Юго-Западного Крыма.

Точной аналогией херсонесским накладкам в форме «лодки» является экземпляр из раскопок легионного лагеря в Новах (рис. 13,3) [28, s. 63, 66, tabl. V,1]. Сходные очертания имеет целый ряд изделий из римских крепостей. Такую же форму вытянутой накладки с двумя заостренными концами имеет группа изделий из Заальбурга и Цугмантеля (рис. 13,4-6) [23, S. 188, 189, Nr. 715-724]. Отличием от херсонесских накладок является то, что они имели не один, а два штифта с контркнопками. Овальную форму, без заостренных углов имеет накладка из Нидербибера [23, Nr. 273]. Так же как и херсонесские накладки, последнее изделие профилировано продольным углублением, которое на всех этих образцах следует считать изображением *vulva*, имеющим апотропейное значение [23, S. 137]. Форму лодки и продольную полосу на корпусе соединяет в себе изделие из датского болота Торсберг, обнаруженное среди многих других импортных римских изделий [77, S. 34, Kat. Nr. 178, Taf. 16,9]. Так же как накладки из Заальбурга и Цугмантеля, этот предмет имеет два штифта крепления. Форму лодки имеют и три римские накладки от лошадиной сбруи. В отличие от херсонесских экземпляров, они не профилированы. Два экземпляра из Мышов (на территории современной Словакии) и Козармислени (Паннония) (рис. 13,10) имеют ту же форму, но гораздо более толстый штифт [80, S. 46, Abb. 2,5,7]. Еще одно изделие из Козармислени к ремню крепилось через прорезь в корпусе (рис. 13,9) [80, S. 46, Abb. 2,6].

Обращает на себя внимание изделие из могилы № 420, раскопанной К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1893 г., которое запечатлено на фотографии в отчете [57, с. 72, 73, рис. 42] (рис. 13,11)¹². Конфигурация этого предмета идентична накладкам в форме «лодки». Также присутствует характерная продольная профилировка. Отличают изделие от вышеописанных накладок более крупные размеры и сделанный по краю дополнительный бордюр с перфорацией. Точная аналогия такому предмету хранится в музее Карнунтума (рис. 13,12). Наиболее близкая аналогия херсонесским накладкам из лагеря в Новах датируется серединой – концом III в. [28, s. 66]. Представляется, что накладки с корпусом в форме лодки функционально близки другим накладкам с крупной контркнопкой. Это позволяет предположить, что они должны датироваться тем же временем, т.е. второй половиной II – третьей четвертью III в. Эту датировку подтверждает присутствие накладки в форме лодки в составе поясного набора, который датируется второй половиной II – III вв. [20, с. 160].

¹² Из текста отчета о раскопках можно установить, что в данном погребении была найдена «пара бронзовых запонок» (одна из которых изображена на фотографии), а также «пара пряжек бронзовых квадратной формы с резьбой» [57, с. 72].

Отдельной находкой является серебряная накладка с трехчастным корпусом (рис. 13,14). Корпус изделия образован тремя расходящимися из центра элементами, выполненными в характерном орнаментальном мотиве – «мотиве труб» (*Trompetenmotiv*). На оборотной стороне накладки находится штифт. Когда-то штифт завершался контрключом, фиксирующей накладку на коже. Точной аналогии этому небольшому предмету мне обнаружить не удалось. В качестве стилистических параллелей можно привести несколько накладок, где схожие элементы, закручиваясь спиралью, также образуют круглую форму. Таковы накладки, образованные тремя элементами из Беминга (рис. 13,19) [23, Nr. 902], две накладки из Цугмантеля (рис. 13,17,18) [23, Nr. 903, 904]. Из четырех элементов состоит накладка из Бела (Болгария) (рис. 13,13) [85, с. 308, обр. 231] и накладка, хранящаяся в национальном археологическом музее Болгарии [86, № 358]. Схожим образом оформлены щитки некоторых шарнирных фибул [87, с. 435, обр. 220; 88, Nr. 1139; 89, с. 188, табл. XXVI,7]. Мотив труб, возникший на территории Британии под позднеримским влиянием, был распространен в орнаментике с середины II до начала III вв. [23, S. 206, 207].

Две детали, выполненные в стилистических особенностях римского военного снаряжения, функционально трудно определимы. Одна из деталей, возможно, была украшена в *Trompetenmotiv* (рис. 13,16), но говорить об этом уверенно из-за плохой сохранности предмета нельзя. Второе изделие имеет торец, оформленный характерными вырезами (рис. 13,15). Сейчас предмет состоит из трех не стыкующихся частей, что затрудняет его функциональную атрибуцию. Это изделие могло служить и щитком пряжки, и наконечником ремня, и накладкой.

Наконечники. Окончания римских поясов оформлялись металлическими обоймами. Такие наконечники поясов нередко имели двухчастное устройство, т.е. в их состав помимо самого наконечника входила свободно свисающая подвеска. Одна из таких подвесок, имеющая прямоугольную форму, сохранила на корпусе углубления от эмалевых вставок (рис. 11,13). Подвеска крепилась к наконечнику с помощью шарнирного устройства. Этот экземпляр полностью тождественен группе накладок с эмалевыми вставками из материалов провинций Реция и Верхняя Германия (рис. 11,14-17) [23, S. 197, 198, Nr. 826-831]. От последних херсонесское изделие отличается лишь функциональное назначение. Если прирейнские предметы сохранили на корпусе штифты для крепления к ремню и, следовательно, могли служить накладками или щитками пряжек, то местный экземпляр не имеет иных следов крепления, кроме двух петель шарнира. По аналогии с материалами Рейнских провинций херсонесская подвеска должна датироваться первой половиной II в. [23, S. 197, 198].

Большой интерес представляет целая группа бронзовых двухчастных шарнирных наконечников пояса, состоящая из пяти экземпляров (рис. 14,1,4,5,8,11). Группа включает в себя один наконечник и четыре подвески.

Шарнирная конструкция крепления однозначно указывает на провинциально-римское происхождение этих предметов. Ю. Ольденштейн обобщил находки таких наконечников из лагерей с территории Верхней Германии (9 экземпляров) [23, S. 147, Nr. 325, 326, 328-334] и Реции (1 экземпляр) [23, Nr. 327]. Т. Фишер добавил к этому списку 5 предметов из Реции и 9 из Паннонии (рис. 14,2,3,6,7,9,10,12) [54, S. 185]. Оба исследователя подчеркивали, что наконечники обнаруживаются в военных крепостях в пограничной зоне, но их концентрация в той или иной области зависит не столько от действительного положения вещей, сколько от состояния исследования.

Обнаружение значительной группы шарнирных наконечников в Херсонесе позволяет существенно расширить зону распространения таких изделий за пределы Верхней Германии, Реции и Паннонии. Можно провести параллели между херсонесскими предметами и некоторыми наконечниками, уже известными по публикациям. Прямоугольные площадки-выступы, украшенные поперечными гравированными полосами, имеются на трех подвесках из Херсонеса (рис. 14,4,5,8). Такая же площадка есть на подвеске из Карнунтума (Паннония) (рис. 14,6) [54, Abb. 10,15]. Оформление торцов предметов вырезами присутствует на всех, кроме одного, предметах из Херсонеса (рис. 14,1,5,8,11). Такие вырезы характерны практически для всех подобных вещей [23, Nr. 325, 328, 331, 332; 54, Abb. 10,2,3,9,10,12-17]. Почковидные внутренние вырезы имеются на двух херсонесских подвесках (рис. 14,8,11). На экземпляре из Карнунтума такой внутренний вырез является также единственным на корпусе изделия (рис. 14,12) [54, Abb. 10,12], а еще на нескольких экземплярах почковидный вырез сочетается с другими [23, Nr. 325, 331, 332; 54, Abb. 10,4,16].

По мнению Т. Фишера, бронзовые шарнирные наконечники имеют безусловную связь с конструктивно аналогичными серебряными шарнирными наконечниками от офицерских поясов. К сожалению, бронзовые наконечники пока не найдены в составе поясных наборов, но, по аналогии с серебряными экземплярами, можно предположить, что бронзовые наконечники были составной частью солдатских поясов с пряжкой-рамкой, распространившихся в римской армии в III в. [54, S. 185]. Если предположение о связи шарнирных наконечников с поясом, снабженным пряжкой-рамкой верно, то наличие этих предметов в Херсонесе доказывает использование такого пояса солдатами херсонесского гарнизона¹³.

Следует указать на то, что существует и другое мнение о поясных двухчастных наконечниках. Р. Мадыда-Легутко высказала замечание о том, что находки «ленточных» двухчастных наконечников концентрируются в области, занятой языгами, и предложила по этой причине считать такие наконечники «сарматскими»

¹³ Об офицерском поясе с пряжкой-рамкой из Херсонеса см. выше.

[44, S. 94]. Однако, нужно обратить внимание на то, что на территории современной Венгрии вместе с т.н. «сарматскими» пряжками с длинным и узким щитком находят наконечники ремней не шарнирной конструкции, а с подвеской, свободно свисающей на подогнутой пластине [90, с. 251, рис. 4]. Шарнирные двухчастные наконечники поясов нет оснований связывать с сарматами-языгами по причине того, что находки предметов такой конструкции происходят из римских военных памятников. Группа находок из Херсонеса лишней раз подтверждает это, так как вряд ли можно было бы объяснить появление этих вещей в городе связями с придунайскими языгами.

Помимо шарнирных наконечников римских поясов в Херсонесе присутствует группа подвесок, относящихся к двусоставным наконечникам другой конструкции (рис. 15, 1, 2, 6, 7, 11, 12, 16-18). Эти предметы состояли из наконечника, образованного согнутой вдвое пластиной, и свободно свисающей подвески. В Херсонесе мне известно девять подвесок, объединенных общей чертой – резким сужением под петлей. Две подвески входят в состав римских поясных наборов (рис. 15, 17, 18) [43, с. 102, 106, рис. 8, 5; 12, 4], семь подвесок представляют собой отдельные находки (рис. 15, 1, 2, 6, 7, 11, 12, 16). Форму корпуса четырех подвесок можно назвать «каплевидной» (рис. 15, 7, 11, 17, 18). После резкого сужения под петлей их корпус постепенно расширяется книзу. Каплевидные подвески, как в Херсонесе, так и на других памятниках (рис. 15, 3-5, 8-10, 13-15, 19-21), можно разделить на два варианта: с нижней частью, имеющей округлые (рис. 15, 11, 17) или угловатые очертания (рис. 15, 7, 18) [анalogии см.: 43, с. 104, 106]. Одна подвеска также имеет корпус простой формы с максимальным сужением в средней части (рис. 15, 6). Петля выделена бордюром и двумя подрезами по краям. Еще четыре подвески имеют усложненную форму. Три из них несут прямоугольный выступ-расширение, украшенный поперечными гравированными полосами (рис. 15, 2, 12, 16). На двух подвесках промежуток между выступом и петлей дополнительно подчеркнут гравированными подрезами (рис. 15, 12, 16). Последняя из Херсонесских подвесок, после сужения под петлей, постепенно расширяется и заканчивается краем, обрезанным под прямым углом (рис. 15, 1). В средней части корпуса выделен небольшой круг, образованный вырезами с двух сторон изделия.

На вопросе возможной принадлежности этой группы изделий римским военным служащим следует остановиться подробно. Конструкция наконечников описанного вида вполне характерна как для провинциально-римских территорий, так и для областей, занятых варварами. Конструктивно варварские и римские наконечники не различимы. Для того, чтобы определить принадлежность херсонесских изделий, нужно рассмотреть формы подвесок на различных территориях.

У германцев Центральной Европы были распространены широкие подвески с нижней частью, заканчивающейся в виде секиры [91, с. 283]. У сармат Подонья и Северного Кавказа двухчастный наконечник пояса массово вошел в состав поясной гарнитуры со второй половины II в. [50, с. 209]. Наконечники этого времени имеют вид простых пластин с прорезью в верхней части. Корпус их не расширяется и завершается краем, имеющим овальную, подпрямоугольную или треугольную форму [50, с. 197, рис. 3,А,1; В,2,3; Г,1; Д,4,5; Е,2; Ж,1; 3,1; 4,А,4]. В первой половине III в. сарматские наконечники приобретают фасетировку в оформлении краев. Их корпус по прежнему не расширяется книзу и заканчивается, как правило, треугольным краем [50, с. 197, 210, рис. 5,А,11,12; Б,6,7]. Схожие подвески двухчастных наконечников встречаются и у сармат-языгов [90, с. 251, рис. 4,19,20,22,23,25,26,28-30,32,33,35,36,38,39]. Но на их территории разнообразие форм гораздо больше. Это объясняется близостью римской Паннонии. Под влиянием имперских образцов, а может быть и в результате непосредственной торговли, к сарматам-языгам проникают подвески с разнообразными «выделенными рамками» [90, с. 251, 252, рис. 4,1,2,4,6-9,11,13,14,16,17]. Общим признаком таких подвесок можно считать резкое сужение под петлей, в результате которого корпус подвесок становится тонким в верхней части и постепенно расширяющимся книзу. Именно такие подвески часто встречаются в лимесной зоне в римских военных памятниках [23, S. 143, 144, Nr. 290-304; 28, s. 67, tabl. V,6,7].

Подвески с выделенным корпусом, таким образом, отличаются от германской и сарматской традиций оформления. Примечательно, что на ближайших к Херсонесу крымских территориях – на позднескифских и сарматских памятниках – двухчастные наконечники ремней с подвесками практически не встречаются¹⁴. Ближайшим местом, где в некотором количестве обнаруживаются двухчастные подвески, является Боспор. Мне известны три находки, происходящие из памятников Боспорского царства, которые можно отнести к подвескам с выделенным корпусом. В склепе 245 некрополя Кеп найдена подвеска, наиболее близкая трем херсонесским подвескам с прямоугольной площадкой [93, рис. 9,4]. Два похожих наконечника из Горгииппии и Боспорского некрополя, атрибутированные А. А. Васильевым как «германские» [91, с. 283, рис. 3,3,9], относятся, на мой взгляд, к римской традиции.

Наличие подвесок с выделенным корпусом в Херсонесе и на Боспоре и отсутствие их на близлежащих территориях предполагает, по моему мнению, два объяснения. Первое – это возникновение, под влиянием имперских образцов, собственной традиции использования таких вещей в античных центрах Северного

¹⁴ В предгорном Крыму иногда находят прорезные наконечники с тамгами, происходящие с территории Боспорского царства [92, с. 272, 274].

Причерноморья. Второе – принадлежность если не всех, то значительной части подобных подвесок римским военнослужащим¹⁵. Последнее объяснение кажется более обоснованным для Херсонеса, так как здесь присутствие крупного римского гарнизона хорошо задокументировано многочисленными эпитафическими памятниками.

Датировать по контексту находки можно лишь те две из херсонесских подвесок, которые входят в состав поясных наборов второй половины II – начала III вв. [43, с. 105, 106]. Датировка остальных подвесок проблематична. Поэтому использование большинства этих предметов в Херсонесе нельзя отнести точнее, чем ко времени бытования аналогичных изделий на территории Римской империи, где они обнаруживаются со второй трети II в. и доживают до конца III, а может быть и до начала IV вв. [23, S. 144].

В Херсонесе также найдены наконечники поясов, относящиеся к позднеримской эпохе. Все они одночастные. Ремень помещался в прорезь в верхней части изделия и закреплялся небольшими заклепками. Один из наконечников представляет собой беспаспортную находку из раскопок конца XIX – начала XX вв. (рис. 16,1). Этот предмет относится к чрезвычайно распространенному на территории империи типу так называемых «амфоровидных» наконечников [64, S. 19, Abb. 4,6; 96, S. 82, Abb. 54,8-31; 97, S. 315, T. 10,4-7; 24, p. 173, fig. 126,7,9,12; 29, p. 124-126, pl. 20,197-200]. Амфоровидные наконечники находят в комплекте с пряжками, рамки которых украшены звериными головами [64, Abb. 14,2; 18,1, Taf. XXXI], а также совместно с пряжками с В-образной рамкой [63, grave 20, p. 102, fig. 95,1,2, grave 270, p. 127, fig. 116,6,7]. Они нередко входят в состав поясных наборов с так называемыми «пропеллеровидными» накладками [64, Abb. 14,2; 18,1; 41,1, Taf. XXXI; 24, p. 178, fig. 125,1-6; 130]. Наконечник из Херсонеса относится к разновидности, выделенной Е. Келлером на материалах южной Баварии как «форма А». Характеризующей особенностью этой разновидности являются дугообразные «ручки» и вырезы в форме «почки» [98, S. 45, Abb. 18,7]. По типологии М. Зоммера амфоровидные наконечники схожей формы составляют тип «а» формы «В» [69, S. 49, 50, Taf. 19,5-11]. Наиболее близкие херсонесскому образцу экземпляры

¹⁵ Вопрос о причинах появления на Боспоре деталей римского военного снаряжения II–III вв. требует специального анализа. Появление каждой новой находки с каждым разом уменьшает фактор случайности. Здесь отмечу, что количество таких находок постепенно растет. Это подвеска-лунница из погребения конца II – первой половины III вв. кургана 41 у станицы Усть-Лабинской [94, с. 70, табл. 46, 433; 20, с. 158, рис. 1,2], эмалевая бляха, образованная четырьмя пельтавидными элементами, происходящая из Керчи [20, с. 160, 161], подвеска из городища у дер. Михайловка [20, с. 161, рис. 2], накладка со сценой охоты собаки на птицу [52, с. 73, рис. 3, 7], медальон с серебряной оправой и кварцевой вставкой к клятвой Зевсу Димеранскому, найденный в окрестностях Керчи [95, с. 221]. Возможно, к таким находкам следует добавить и перечисленные подвески с выделенным корпусом.

происходят из Нижнего Подунавья. Таковыми являются экземпляры из Нов (рис. 16,2) [28, s. 67, 69, tabl. V,11], Ибиды (рис. 16,3) [99, p. 47, fig. 18,52], Ятруса (рис. 16,4) [100, S. 511, Abb. 2,6], Суцидавы [101, p. 131, fig. 5,4], Каилски [69, S. 50, Taf. 19,8]. Датируются амфоровидные наконечники второй половиной IV в. [97, s. 315; 29, p. 125].

Интересный комплекс бронзовых предметов происходит из склепа № 1 раскопок 1982 г. на некрополе Херсонеса [102, рис. 9]. Среди металлических предметов, найденных в этом склепе, выделяются фибулы и детали поясной гарнитуры. Обращает на себя внимание предмет, атрибутированный издателями как часть щитка пряжки (рис. 16,5) [102, с. 100, рис. 9,25]. По всей вероятности, плохая сохранность предмета помешала точно определить его функциональное назначение. Между тем, характерная форма изделия позволяет с уверенностью интерпретировать его в качестве наконечника ремня. Такие наконечники повсеместно встречаются на территории империи в составе позднеримских воинских поясных наборов и носят название «сердцевидных» [64, Abb. 18,2; 41,2; 56,3-5; 98, S. 45, Abb. 18,6; 65, Pl. XVI, M.359; M.10.1; M.356; 24, p. 173, fig. 126,10; 29, p. 126, 127, pl. 20,201,202; 69, S. 49, Taf. 19,1-4]. Наконечники сердцевидной формы датируются второй половиной IV в. [29, p. 126, 127]. Они существовали одновременно с амфоровидными наконечниками и были, пожалуй, столь же популярны. Корпус херсонесского экземпляра украшен тремя гравированными круглыми розетками. Это сближает его с наконечниками из некрополей Интерциса (рис. 16,7) [103, Grab 1, 56], Шагвар (рис. 16,6,8) [63, grave 141, p. 113, fig. 103,2, grave 196, p. 119, fig. 109,3, grave 220, p. 122, fig. 111,3, grave 141, p. 113, fig. 103,2, grave 249, p. 124, fig. 124,1] и Верманд (рис. 16,9) [64, Abb. 56,3-5].

Еще один наконечник из склепа № 1 1982 г. богато украшен гравированными мелкими и крупными кругами (рис. 16,10) [102, рис. 9,10]. Плохая сохранность краев изделия не позволяет реконструировать его форму. Можно высказать лишь осторожное предположение, что этот наконечник мог иметь так называемую «ланцетовидную» форму. «Ланцетовидные» наконечники существовали одновременно с амфоровидными и сердцевидными, но были более распространены на территории Галлии и Британии (рис. 16,11-13) [29, Abb. 60,10; 67, Abb. 1,6; 104, fig. 2,17,21; 5,9; 69, S. 52, 53 Taf. 21,1-6]. К поясным деталям из склепа № 1 1982 г. относятся также три вытянутые прямоугольные накладки (рис. 16,14-16) [102, рис. 9,7-9]. К поясу накладки крепились тремя заклепками, две из которых располагались по краям, а одна в центре. Аналогии такому способу крепления вытянутых накладок также можно подобрать в известных деталях позднеримских армейских поясов [64, Abb. 52,1; 57,3,4, Taf. LVIII; LIX; 69, Taf. 53,1,3-10,12-14]. Вместе с поясными деталями в склепе были найдены четыре пряжки с В-образной рамкой [102, рис. 9,4-6,16]. Такие пряжки более характерны для римских дунайских провинций, чем для Крыма [13, с. 259]. Учитывая еще и

присутствие среди вещей, найденных в склепе № 1 1982 г., трех Т-образных шарнирных фибул [102, рис. 9,1-3], можно с уверенностью утверждать, что здесь во второй половине IV в. было захоронено несколько военнослужащих римской армии.

Особым видом ременных деталей можно считать металлические **части портупейного ремня**. Широкий ремень, перекидывавшийся через плечо и предназначенный для ношения меча, применялся в римской армии в III в., в основном в первой его половине [23, S. 230]. Находки из североевропейских болот, а также изображения на скульптуре позволили реконструировать устройство такого ремня. На широкой кожаной полосе закреплялась дисковидная накладка, снабженная петлей на оборотной стороне. Один конец ремня обрывался на своей полной ширине. Противоположный конец ремня переходил в длинный тонкий язык. Этот язык крест накрест пропускался через скобу, закрепленную на ножнах меча. Затем конец языка завязывался в петле накладки, замыкая, таким образом, весь пояс. Ремень использовался в уже скрепленном виде и не мог надеваться на пояс, а носился через плечо (рис. 19,5-7) [23, S. 226-234, Abb. 10-14; 105, S. 311, Abb. 211, 212; 77, S. 33, Abb. 12-15]. Обязательной деталью портупейного ремня являлась дисковидная накладка с петлей. Эти накладки оформлялись различным образом. Часто они имели ажурный прорезной диск (рис. 17,3-5) [23, Nr. 1109-1114; 44, S. 108, 109, Taf. XII,1,2; 24, fig. 91,6-8; 29, p. 129, 130, pl. 22,208; 27, cat. Nr. 336; 77, S. 33, Kat. Nr. 171, Taf. 16,13; 106, S. 60, 62, Abb. 1,4; 2,3; 3,5; 28, s. 71, 72, tabl. VII,3,4]. Петля обычно припаивалась к оборотной стороне, но существовали экземпляры, у которых петля крепилась подобно заклепке, пробивая центр изделия [23, Nr. 1115-1118; 44, S. 108, 109, Taf. XII,4; 28, s. 71, 72, tabl. VII,4]. Именно к этому варианту относится ажурная прорезная накладка с петлей из Херсонеса (рис. 17,1). Корпус накладки занят сложным прорезным орнаментом из свастики, растительных и пельтавидных мотивов, чередующихся в правильном порядке. Следует отметить, что херсонесский экземпляр, помимо богатой ажурной отделки, выделяется также своими крупными размерами. Диаметр накладки – 10 см. Это означает, что и ширина ремня, на который крепилась накладка, была такой же. Имперские же экземпляры обычно имеют размеры от 6 до 8 см.

Иногда широкий портупейный ремень нес на себе дополнительные металлические украшения. В некоторых сохранившихся наборах зафиксировано присутствие дополнительной круглой накладки меньшего диаметра [23, S. 226, 228, Nr. 1092, 1093]. Примером такого комплекса является погребение из Лиона, совершенное, по всей видимости, в 197 г. н. э. [24, p. 135, fig. 92]. Здесь на портупейном ремне закреплена небольшая круглая накладка, имеющая декоративное значение (рис. 19,5). Вероятно, подобной накладкой можно признать

происходящую из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича круглую накладку с гладким корпусом и петлей на тыльной стороне (рис. 17,2)¹⁶.

Детали обуви. Римскими военными традиционно использовались кожаные сандалии с подошвами, подбитыми железными гвоздями [34, р. 234; 24, р. 100, fig. 61]. Набор из 23 таких гвоздей был найден вместе с фрагментами бронзовых поясных деталей в могиле 15/1909 херсонесского некрополя, датирующейся второй половиной II в. (рис. 18,1) [43, с. 99, рис. 2,9].

Амуниция. Детали лошадиной сбруи. Непременным атрибутом снаряжения римской кавалерии была лошадиная упряжь, несшая на себе функциональные металлические детали и украшения. В Херсонесе имеются находки таких предметов, лишняя раз подтверждающие наличие кавалерийских отрядов в городском гарнизоне.

Одно из таких изделий уже было опубликовано. М. Ю. Трейстер атрибутировал предмет, воспроизведенный на рисунке в отчете о раскопках Н. И. Репникова в 1908 г. [107, с. 105, рис. 117], как римскую подвеску от конской сбруи (рис. 18,3) [20, с. 157-159]. находку фалеры, состоящей из двух отдельных частей, сделанную на участке херсонесского некрополя в 1908 г., опубликовал также Ю. П. Калашник [19, с. 55, 56]. тезисная публикация последнего предмета, к сожалению, лишена рисунка. Но, судя по описанию, совпадению места и времени находки, а также редкости подобных изделий в Крыму, речь идет об одном и том же предмете. Это фалера от лошадиной сбруи с подвеской, называемой в западной литературе «трехлистной» (Dreiblattanhänger) (рис. 18,4,5) [34, р. 236; 39, S. 53, 54, Taf. 529-538; 108, S. 385, Abb. 4,6; 40, р. 118, fig. 5,4; 109, р. 96, fig. 43,1m; 36, р. 178]. Если М. Ю. Трейстер, приведя многочисленные аналогии середины – второй половины I в., счел возможным связать херсонесскую находку со временем экспедиции Т. Плавтия Сильвана [20, с. 158], то Ю. П. Калашник датировал ее концом I – первыми десятилетиями II вв., хотя и отметил наличие подобных находок в памятниках второй половины I в. н. э. [19, с. 55]. Мне представляется, что привязка датировки предмета к известным политическим событиям является допущением. Тем более, что контекст находки данной фалеры на городском некрополе неизвестен. Поэтому сужение датировки херсонесской фалеры является безосновательным. Она должна относиться ко всему периоду использования подобных предметов в римской армии. Пик распространения подвесок в форме трилистника приходится на время правления Клавдия (41–54 гг.). Но появляются они еще во времена Тиберия и активно используются вплоть до эпохи Флавиев, а отдельные экземпляры доживают до начала II в. [39, S. 53,

¹⁶ Крупная ажурная накладка и маленькая непрорезная хранятся в НЗХТ под одним инвентарным номером. Если это не является случайным совпадением, то обе вещи могли происходить из одного комплекса.

Ann. 247]. Аналогии с территории Римской империи позволяют датировать этот предмет в рамках середины I – начала II вв. н. э.

Именно в это время было очень популярно украшение лошадиной сбруи подвесками различной формы. Типичным способом их укрепления было устройство длинного, загнутого крючка. Через соответствующее отверстие фалеры пропускался этот крючок и подвеска свободно свисала с упряжи [23, S. 124, 125]. Описанное устройство крепления имеет подвеска, найденная в Херсонесе в 1910 г. (рис. 18,6). Предмет имеет форму пельты со скругленной нижней частью. Подвесок такой же формы мне разыскать не удалось. Однако, имеется группа безусловно близких подвесок, которые можно сопоставить с херсонесским изделием. Во второй половине I – начале II вв. на территории Римской империи встречаются подвески от лошадиной сбруи в форме пельты. Они, как правило, усложнены наличием еще одной пельтавидной фигуры в нижней части (рис. 18,7,8) [41, S. 39, Taf. 57, 1590, 1610; 39, S. 56, Taf. 29, 577-581; 110, S. 338, Abb. 8]. По классификации, предложенной М. С. Бишопом, пельтавидные подвески с пельтавидным выступом в нижней части относятся к типу 3с [109, fig. 44, 3с]. Херсонесская подвеска, имеющая скругленную нижнюю часть, представляет собой упрощенный вариант таких подвесок. Местом возникновения пельтавидных подвесок считается Подунавье [39, S. 56]. В римской армии они использовались уже со времени Клавдия – Нерона, но пик их распространения приходится на время Флавиев и начало II в. [39, S. 56, 57]. По моему мнению, пельтавидная подвеска из Херсонеса больше тяготеет к поздней части этого периода. Помимо того, что изделие является явным упрощением хорошо известного типа, косвенно более позднюю дату может подтверждать отсутствие украшения корпуса предмета. Если в I в. было чрезвычайно популярным украшение подобных изделий чернью и гравировкой [108, S. 385, Abb. 4], то позднее корпус их оставался гладким и все чаще украшался прорезным орнаментом [23, S. 127]. Тем не менее, отсутствие контекста находки и хорошо датированных абсолютных аналогий делают наиболее вероятной датировку изделия в рамках второй половины I – первых десятилетий II вв.

Возможно, деталью лошадиной упряжи была также прорезная ажурная накладка из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича¹⁷ (рис. 18,9). На ее функциональную принадлежность могут указывать относительно крупные размеры, более уместные на сбруйном ремне, чем на поясе. Этот предмет близок по стилю группе ажурных прорезных накладок из Херсонеса. Корпус изделия образован симметрично расходящимися от центра пельтавидными фигурами. Вдоль длинных сторон расположены две полосы растительных побегов, придающие всему предмету прямоугольные очертания. К основе накладка

¹⁷ В свое время накладка была ошибочно датирована VI-VIII вв. и опубликована в каталоге выставки «Византийский Херсон» [114, № 31, с. 42].

крепились с помощью четырех литых штифтов. Несмотря на отсутствие точного соответствия херсонесскому предмету на территории Римской империи, можно указать, что там периодически встречаются изделия, образованные двумя или четырьмя симметрично расположенными пельтавидными фигурами [23, S. 180, 181, Abb. 4]. В качестве близкой параллели можно назвать поясную накладку из Дунепентеле (Паннония), состоящую из четырех пельт и заключенную в прямоугольную рамку (рис. 18,10) [83, p. 82, pl. XIV,10]. Корпус из четырех пельт имеют также портупейная накладка из болота Торсберг [77, S. 33, Kat. Nr. 170, Taf. 16,8], две накладки из лагеря в Новах [28, s. 59, 61, tabl. III,9,10] и детали лошадиной сбруи из Штраубинга [23, S. 179-181, Nr. 274], Фелдберга (рис. 18,11) [23, S. 179-181, Nr. 275; 74, S. 184, Taf. 7,24], Нидербибера (рис. 18,12) [23, S. 179-181, Nr. 276]. Последние два изделия, а также близкое им изделие из двух пельт из Дура-Европос [23, Abb. 4,4] указывают на датировку в рамках второй половины II – первой половины III вв. [23, S. 181].

Если попытаться рассмотреть всю коллекцию в целом, то, прежде всего, обращает на себя внимание явное преобладание поясной гарнитуры над другими деталями военного снаряжения. Такое доминирование не является чем-то особенным. Металлические детали римского вооружения и амуниции из-за специфических свойств материала легко утилизировались. В римских военных лагерях практиковался сбор вышедших из строя металлических предметов с последующей их переплавкой [23, S. 68]. Поэтому шансы утери предметов из ценного сырья и попадания их в археологический слой сводятся к минимуму. Особенно это касается крупных предметов, случайную потерю которых трудно представить. Основная масса испорченных металлических предметов оказывалась переплавленной и лишь считанные единицы попадали в культурный слой.

135 деталей римского воинского снаряжения из херсонесской коллекции по месту находки распределяется следующим образом: 14 деталей найдено на городище, 83 происходят из некрополя и 38 не имеют паспортов. От общего количества предметов, происхождение которых можно установить¹⁸ (а это 97 предметов), детали, найденные на херсонесском городище, составляют 14,4% (14 экземпляров). Соответственно, 85,6% деталей происходит с территории некрополя. Последние, по всей видимости, в большей своей части представляли собой когда-то погребальный инвентарь¹⁹. Не сложно заключить, что большинство деталей римского военного снаряжения из Херсонеса дошло до нас именно благодаря тому, что оказалось в свое время в погребениях.

¹⁸ 38 деталей являются беспаспортными находками. Они происходят, в основном, из коллекции К. К. Косцюшко-Валюжинича. Место обнаружения их сейчас нельзя установить точнее, чем «раскопки Херсонеса».

¹⁹ Нет уверенности в определении всех предметов, происходящих с некрополя, как погребального инвентаря. В паспортах некоторых из них место находки указано как «насыпь некрополя».

Качественный же состав этих предметов зависел от погребальной обрядности. Погребальная традиция, видимо, не предполагала помещения в могилу вооружения, а также деталей лошадиной упряжи. Процент таких находок от общего количества найденных на некрополе предметов для деталей вооружения – 1,2% (1 предмет) и для деталей лошадиной сбруи – 1,2% (1 предмет). Все остальные находки представляют собой детали военного костюма: 69,8% – детали ременной гарнитуры (58 предметов) и 27,7% – детали обуви (23 железных гвоздя из комплекса могилы 15/1909). Это говорит о том, что включение пояса в погребальный костюм римского военнослужащего в Херсонесе было если не обязательным, то вполне распространенным явлением. Именно традиция включения в погребальный инвентарь воинского пояса и объясняет преобладание в составе херсонесской коллекции поясных деталей.

Несколько по иному распределяется процентное соотношение деталей римского военного снаряжения, найденных на территории городища. Из 14 предметов 28,6% составляют детали вооружения (4 предмета) и 71,4% – ременная гарнитура (10 предметов). Здесь состав находок зависит не от функционального назначения предметов, а, скорее, от их размеров и значения для последующей утилизации. Иными словами, чем мельче предмет, тем вероятнее его попадание в культурный слой из-за потери или из-за низкой значимости для переплавки. Поэтому качественный состав находок с территории городища, по сути, случаен.

Многие из приведенных херсонесским предметам аналогий происходят из зоны прирейнского лимеса, Галлии и Британии, что, вроде бы, говорит о наличии каких-то связей херсонесского гарнизона с этими территориями. Но хотелось бы подчеркнуть шаткость таких выводов. Преобладание «галльских» аналогий сейчас зависит скорее от состояния изученности этих территорий, чем от действительного положения вещей. Отряды, проходившие службу в Херсонесе, выделялись войсками провинции Нижняя Мезия. Максимального совпадения для деталей военного снаряжения стоило бы ожидать именно на Нижнедунайских территориях. Проверить это предположение мешает недостаток исследований римских военных древностей из этих мест. Там, где есть возможность сравнить материалы раскопок, совпадения между крымским и нижнедунайскими центрами оказываются достаточно велики. Одной из немногих достаточно хорошо археологически исследованных военных крепостей Нижней Мезии, является лагерь I Италийского легиона в Новах. Из надписей известно, что солдаты и офицеры этого легиона проходили службу и в Херсонесе. Показательно, что некоторые детали римского военного снаряжения из Херсонеса находят соответствия именно в материалах из Нов. Это группа накладок с корпусом в форме «лодки» (рис. 7,4; 13,1,2,7,8), накладка от портупейного ремня (рис. 17,1), амфоровидный наконечник пояса (рис. 16,1). Таким образом, материалы раскопок лагеря в Новах подтверждают

связь военного снаряжения римской армии Нижней Мезии со снаряжением херсонесского гарнизона.

Учитывая то, что собственное производство вооружения и амуниции было налажено во всех крупных военных лагерях, стилистические совпадения и аналогии не могут свидетельствовать о перемещениях предметов или их обладателей между конкретными пунктами и территориями. Это, скорее, свидетельство распространения моды и общего военного стиля внутри римской армии. Более информативно точное совпадение предметов между собой, которое может свидетельствовать об изготовлении изделий в одном и том же месте. В этом отношении херсонесская коллекция демонстрирует, как и следовало ожидать, наибольшие соответствия внутри самой себя. Интересны совпадения щитка пряжки из могилы № 528 и накладки из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича (рис. 3,11,13), накладок из поясного набора могилы «место сожжения» раскопок 1910 г. и накладки № 31 по каталогу (рис. 11,10,11). Компактной группой выглядят накладки в форме «лодки» с продольной профилировкой (рис. 7,4; 13,1,2,7,8). Сходны детали оформления херсонесских двухчастных шарнирных подвесок (рис. 14,1,4,5,9,10). Близость между собой этих предметов, найденных разрозненно на одном памятнике, может свидетельствовать о местном их производстве. Удаленный от основных армейских баз в Нижней Мезии, херсонесский гарнизон нуждался в самостоятельном ремесленном производстве предметов вооружения и амуниции. Один из эпитафических памятников из Балаклавы называет имя Юлия Валента, имевшего специальность *faber aearius*, т.е. медник [111, с. 41, 42]. Вполне вероятно, что это был один из таких солдат-ремесленников, занимавшихся производством и ремонтом необходимого для гарнизона бронзового снаряжения.

В то же время, среди херсонесских материалов присутствуют вещи, имеющие очень близкие параллели в предметах из римских провинций. Это шарнирная пряжка с язычком в виде летящей птицы (рис. 3,5), пряжка с рифленным утолщением на рамке (рис. 3,7), подвеска с пустотами от эмалевых вставок (рис. 11,13). Перечисленные предметы имеют достаточно точные аналогии, позволяющие предположить их близкое происхождение²⁰.

²⁰ О месте производства вещей, найденных в Херсонесе и имеющих точные аналогии на территории империи, следует высказываться очень осторожно. В этой связи, прежде всего, нужно избегать соблазна в рассмотрении Херсонеса, как некоей конечной точки в перемещениях между военными гарнизонами как людей, так и предметов, им принадлежавших. Безусловно, многие солдаты, проводившие часть срока своей службы в херсонесском гарнизоне, переводились затем обратно на территорию империи. Обнаружение в Херсонесе предметов, аналогичных ранее найденным на территории империи, не должно означать то, что движение происходило только в направлении Империя – Херсонес. Перемещение вполне могло происходить и в обратном направлении: Херсонес – Империя. Иными словами, при обнаружении аналогий и отсутствии других данных о месте производства речь должна идти не о влиянии, а о взаимовлиянии между конкретными пунктами.

Хронологическое распределение римского военного снаряжения из Херсонеса демонстрирует различное количество деталей на разных этапах существования гарнизона (см. хронологическую таблицу в приложении). Временем от I до середины II вв. датируются 6 изделий. Не ранее середины III и до начала V вв. использовались 10 предметов²¹. Все остальные относятся к промежутку времени от середины II до середины III вв. Такая пропорция вполне ожидаемо подтверждается другими видами источников, и, прежде всего, эпиграфикой. Абсолютное большинство латинских надписей освещают историю гарнизона именно середины II – середины III вв. Этим же временем датируется и большая часть строительных остатков, которые можно связать с деятельностью римского гарнизона. Неудивительно, что 88% рассмотренных деталей относятся именно к этому периоду.

Наличие более ранней группы изделий также, в определенной степени, сообщает об истории херсонесского гарнизона. С одной стороны, вещи I и первой половины II вв. в Херсонесе есть, и это говорит о том, что римские солдаты, безусловно, находились в это время в городе. С другой стороны, количество таких вещей чрезвычайно невелико. Это особенно заметно на фоне хорошо изученных и насыщенных находками военного снаряжения римских крепостей I в. На мой взгляд, такое количество предметов ранней группы в Херсонесе может иметь два объяснения. Либо присутствие гарнизона в это время было кратковременным и не масштабным, либо речь идет не о постоянном присутствии, а об эпизодических появлениях римских войск. Памятники эпиграфики, по современным данным, говорят о том, что о постоянном гарнизоне в Херсонесе может идти речь лишь с начала II в. [10, с. 209, 210]. Судя по небольшому количеству вещей, которые можно отнести к первой половине II в., гарнизон в это время не был крупным. Присутствие тех предметов, которые относятся к I в., по-видимому, нужно объяснять эпизодическими появлениями римских войск в Херсонесе.

Интересно наличие группы из 10 предметов второй половины III – начала V вв. Присутствие римского гарнизона в Херсонесе на разных этапах этого периода является пока вопросом дискуссионным. Если пополнить скудные источники этого времени предметами военного снаряжения, то они будут дополнительным свидетельством в пользу наличия в городе римского гарнизона. Большинство из херсонесских вещей позднеимперского периода датируется в рамках второй половины IV – начала V вв. Именно в это время, а точнее с 370-х гг. и до начала V в., несколькими эпиграфическими и письменными источниками фиксируется присутствие имперского гарнизона [113, с. 558, 559]. Наличие военного снаряжения второй половины IV – начала V вв. хорошо согласуется с этими данными.

²¹ В этот подсчет не включена обширная коллекция Т-образных фибул из Херсонеса, также служивших деталями военного костюма. Анализ этой группы вещей должна быть посвящена отдельная работа.

Несмотря на наличие источников, говорящих о существовании в Херсонесе римского гарнизона и в конце V в., специфические предметы римского воинского снаряжения этого времени мне неизвестны. Исследованные позднеимперские материалы, на мой взгляд, демонстрируют то, что начало V в. является рубежом времени, после которого становится уже невозможным различить предметы, принадлежавшие римским военным служащим или варварам-федератам – союзникам империи. После этого времени у федератов распространяются многие детали воинского снаряжения, характерного для позднеимперской армии. Поэтому, найденные на территории Херсонеса детали оружия и воинского костюма, датирующиеся после начала V в., не могут быть со стопроцентной уверенностью отнесены к свидетельствам имперского военного присутствия.

Для отрезка времени от середины и до конца III в. письменные источники, касающиеся римлян в Херсонесе, отсутствуют. Считается, что это свидетельствует о выводе из города римского гарнизона не позже третьей четверти III в., т.е. в правление императора Галлиена (253-268 гг.) [86, с. 80; 14, с. 84] и новом его появлении не раньше конца III в. [113, с. 558; ср.: 14, с. 87, 88]. В связи с отсутствием эпиграфических памятников между серединой и концом III в. следует обратить внимание на серебряную деталь римского офицерского пояса, которая относится ко второй половине III в., а, возможно, даже к 260-280-м гг.

Обнаруженные среди многочисленных материалов раскопок Херсонеса материальные свидетельства пребывания римлян существенно расширяют наши знания о римском военном присутствии. История херсонесского гарнизона перестает быть практически исключительно «эпиграфической» и открывается, таким образом, с новой, «предметной», стороны. Новые данные о римском гарнизоне позволяют яснее представить масштабы римского присутствия на различных этапах, его связи с определенными территориями.

Набор херсонесских вещей демонстрирует вариант провинциально-римской воинской материальной культуры в удаленном от империи пункте. Большое количество предметов, принадлежавших римским военным служащим, показывает безусловную связь с традициями оформления военного снаряжения, распространенными в римской армии. С этой точки зрения римский гарнизон Херсонеса представляет собой самостоятельное и отличное от местных традиций явление в материальной культуре римского времени в Крыму. Для жителей Крымского полуострова первых веков нашей эры Херсонес, безусловно, был ближайшим местом, где они могли воочию познакомиться и вступить в контакт с провинциально-римской материальной культурой. Это следует учитывать при поиске путей проникновения как римских артефактов, так и подражаний провинциально-римским предметам на близлежащих к Херсонесу территориях.

Материалы самого восточного в Европе пункта, где на протяжении долгого времени располагался римский гарнизон, демонстрируют картину

тождественности другим военным пунктам на территории империи. Предметы воинского снаряжения из Херсонеса принципиально не отличаются от европейских материалов. Они представляют собой изделия резко отличные от местных греческих и варварских традиций изготовления вооружения и амуниции. Набор предметов римского снаряжения Херсонеса попадает сюда с территории империи вместе с солдатами гарнизона в уже готовом и сложившемся виде. Несмотря на то, что можно предполагать наличие собственного производства этих вещей в мастерских городского гарнизона, они не испытывали, по всей видимости, никакого влияния местной традиции.

Формы и степень воздействия римских военных древностей на местные производства Крыма требуют отдельного исследования, выходящего за рамки задач данной работы. Но можно с большой уверенностью предполагать то, что такое влияние существовало и, вполне вероятно, шло через Херсонес.

В дальнейшем следует надеяться на существенное пополнение рассмотренной здесь коллекции за счет новых археологических исследований и еще не атрибутированных материалов из раскопок прошлых лет. Новые данные позволят уточнить высказанные здесь предположения и, в конечном итоге, яснее представить себе историю материальной культуры Херсонеса римской эпохи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Latyshev B.* Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropoli, 1916.
2. *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964.
3. *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973.
4. *Соломоник Э. И.* Латинские надписи Херсонеса. М., 1983.
5. *Ростовцев М. И.* Римские гарнизоны на Таврическом полуострове // ЖМНП. 1900. Март.
6. *Гриневич К. Э.* Херсонес и Рим // ВДИ. 1947. № 2.
7. *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981.
8. *Sarnowski T.* Wojsko Rzymskie w Mezji Dolnej i na Polnocnym wybrzezu morza Czarnego // *Novaensia*. 1988. Vol. 3.
9. *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический и римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994.
10. *Сарновски Т.* Надгробие вольноотпущенников IOSPE II 562 и вопрос о времени введения римского гарнизона в Херсонесе // Сарновски Т., Савеля О. Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000.
11. *Антонова И. А., Зубарь В. М.* Некоторые итоги археологических исследований римской цитадели Херсонеса // ХСБ. 2003. Вып. 13.
12. *Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А.* Shola Principalium в Херсонесе // Нумизматика и эпиграфика. 1999. Вып. 16.
13. *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
14. *Зубар В. М.* Ще раз про римську війскову присутність у Херсонесі в другій половині III – на зламі IV-V ст. // Археологія. 2000. № 3.
15. *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев, 2004.

16. *Шангин М. А.* Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. 1938. № 3(4).
17. *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.
18. *Антонова И. А.* Административное здание херсонесской вексилляции и фемы Херсона (по материалам раскопок 1989-1993 гг.) // ХСБ. 1997. Вып. 8.
19. *Калашник Ю. П.* Херсонесская фалера // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888-1988 гг. Тез. докл. Севастополь, 1988.
20. *Трейстер М. Ю.* К находкам металлических деталей римского военного костюма и конской сбруи в Северном Причерноморье // РА. 2000. № 2.
21. *Зубарь В. М., Антонова И. А.* Бутероль ножен длинного римского меча из Херсонеса // РА. 2001. № 2.
22. *Журавлев Д. В.* Еще раз о деталях римского воинского костюма и конской сбруи из Херсонеса и Юго-Западного Крыма // Археология. 2002. № 1.
23. *Oldenstein J.* Zur Ausrüstung römischer Auxiliareinheiten. Studien zu Beschlägen und Zierat an der römischen Auxiliareinheiten des obergermanisch-raetischen limesgebietes aus dem zweiten und dritten Jahrhundert n. Chr. // Bericht der Römische-Germanischen Kommission. 1977. Bd. 57.
24. *Bishop M. C., Coulston J. C. N.* Roman Military Equipment from the Punic Wars to the fall of the Rome. London, 1992.
25. *Waasdorp J. A.* Roman Military Equipment from the Hague Holland // Roman Military Equipment: the Sources of Evidence. Proceedings of the Fifth Roman Military Equipment Conference. BAR International Series, 1989.
26. *Gudea N.* Das Römergrenzkastell von Moigrad-Pomet. Porolissum I // Führer zu archäologischen Denkmälern in Dacia Porolissensis. Zalău, 1997. Nr. 5.
27. *Antique Bronzes in Romania.* Bucharest, 2003.
28. *Genčeva E.* Metalowe części wyposażenia żołnierskiego z Novae // Novensia. 2000. 12.
29. *Boube-Piccot C.* Les bronzes antiques du Maroc. IV. L'équipement militaire et l'armement. Paris, 1994.
30. *Biró T. M.* Bone-Carvings from Brigetio in the Collection of the Hungarian National Museum // ААН. 1987. Т. 39.
31. *Bărbulescu M.* Das Legionslager von Potaişa (Turda) // Führer zu archäologischen Denkmälern in Dacia Porolissensis. Zalău, 1997. Nr. 7.
32. *Черненко Е. В., Зубарь В. М., Сон Н. А.* Бутероль из Тиры // СА. 1989. № 2.
33. *Сон Н. О., Назаров В. В.* Знахідки римської зброї в Тірі // Археологія. 1993. № 1.
34. *Connolly P.* Greece and Rome at War. London, 1981.
35. *Robinson H. R.* The Armour of Imperial Rome. London, 1975.
36. *Feugere M.* Les armes romains. Paris, 1993.
37. *Póczy K.* Auf der Spur einer Münzstätte in Aquincum // ААН. 1989. Т. 41.
38. *Isac D.* Die Kohorten- und Alenkastelle von Gilău // Führer zu archäologischen Denkmälern in Dacia Porolissensis. Zalău, 1997. Nr. 6.
39. *Deschler-Erb E.* Ad arma! Römische Militär des 1. Jahrhunderts n. Chr. in Augusta Raurica // Forschungen in Augst, 1999. Bd. 28.
40. *Bishop M. C.* "The Evolution of Certain Features" // Roman Military Equipment: the Accoutrements of War. Proceedings of the Third Roman Military Equipment Seminar. BAR International Series, 1987.
41. *Unz C., Deschler-Erb E.* Katalog der Militaria aus Vindonissa. Militärische Funde, Pferdegeschirr und Jochteile bis 1976 // Veröffentlichungen der Gesellschaft pro Vindonissa. Brugg., 1997. Bd. 14.

42. Труфанов А. А. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // РА. 2004. № 3.
43. Костромичев Д. А. Три погребения римских солдат из некрополя Херсонеса // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
44. Madyda-Legudko R. Importe von metallenen Gürtelteilen des römischen Heeres im Mitteleuropäischen Barbaricum // Archeologia. 1991. XLII.
45. Fernandez J. A. Late Roman Belts in Hispania // Journal of Roman Military Equipment Studies. 1999. Vol. 10.
46. Raddatz K. Germanische und römische Schnallen der Kaiserzeit // Saalburg Jahrbuch. 1956. Bd. 15.
47. Okuliczowie Ł., Okuliczowie J. Cmentarzyska kutury pomorskiej i z okresu rzymskiego w Michałkowie, gm. Dobrzyń, woj. Włocławek // Wiadomości Archeologiczne. 1976. T. XLI.
48. Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford, 1986.
49. Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1894 г. // ОАК за 1894 г. СПб., 1896.
50. Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону, 2000.
51. Зотовић Љ., Јордовић Ч. Viminacium. Некропола «Више гробалја». Београд, 1990.
52. Трейтстер М. Ю. Римляне в Пантикапее // ВДИ. 1993. № 2.
53. Treister M. Roman Military Equipment in the Kingdom of Bosphorus // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin; Marburg, 1994.
54. Fischer T. Römische Offizierausrüstung im 3. Jahrhundert n. Chr. // Bayerische Vorgeschichtsblätter. 1988. Bd. 53.
55. Szirmai K. Military equipment depicted in Aquincum after the Marcomanic wars // I bronzi antichi: Produzione e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi. Montagnac, 2002.
56. Coulston J. C. Roman Military Equipment on Third Century Tombstones // Roman Military Equipment: the Accoutrements of War. Proceedings of the Third Roman Military Equipment Seminar. BAR International Series, 1987.
57. Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1893 г. // ОАК за 1893 г. СПб., 1895.
58. Burger A. Sz. Későrómai Sirok Aquincumban // Budapest Régiségei. 1984. XXV.
59. Thomas E. B. Spätantike Metallfunde in Pannonien // Metallkunst von der Spätantike bis zum ausgehenden Mittelalter. Berlin, 1982.
60. Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1-30.
61. Абрамова М. П. Римские провинциальные фибулы на Северном Кавказе // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1995. № 1.
62. Swoboda R. M. Zu spätantiken Bronzeschnallen mit festem, dreieckigem Beschlag // Germania. 1986. Bd. 64.
63. Burger A. Sz. The Late Roman Cemetery at Ságvár // ААН. 1966. Т. XVIII. Fasc. 1-4.
64. Bullinger M. Spätantike Gürtelbeschläge. Typen, Herstellung, Trageweise und Datierung. Brugge, 1960.
65. Preda C. Callatis. Necropola romano-bizantină. București, 1980.
66. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма поздне римского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.

67. *Böhme H. W.* Bemerkungen zum spätrömischen Militärstil // Zum Problem der Deutung frühmittelalter Bildinhalte. Sigmaringen, 1986.
68. *Keller E.* Das Spätrömische Gräberfeld von Neuburg an der Donau // Materialhefte zur Bayerischen Vorgeschichte. Reihe A – Fundinventare und Ausgrabungsfunde. 1979. Bd. 40.
69. *Sommer M.* Die Gürtel und Gürtelbeschläge des 4. und 5. Jahrhunderts // Bonner Hefte zur Vorgeschichte. 1984. Nr. 22.
70. *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н. э. Киев, 1982.
71. *Гетов А.* Тракийски могилен некропол от римската епоха при Кабиле // Кабиле. София, 1982. Т. 1.
72. *Kenyon K. M.* Miscellaneous objects in metal, bone and stone // Crowfoot J. W., Crowfoot G. M., Kenyon K. M. The Objects from Samaria. London, 1957.
73. *Petru S.* Emonske nekropole (odkrite med leti 1635-1960): Ljubliana, 1972.
74. *Schleiermacher M.* Römisches Pferdegeschirr aus den Kastellen Saalburg, Zugmantel und Feldberg // Saalburg Jahrbuch. 2000. Bd. 50.
75. *Zienkiewicz J. D.* The Legionary Fortress Baths at Caerleon. T. II. The Finds. Cardiff, 1986.
76. *Istvánovits E., Kulcsár V.* Roman and Germanic elements in the armament of the barrow-graves of the 2nd – 3rd centuries A.D. in the Great Hungarian Plain // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin; Marburg, 1994.
77. *Raddatz K.* Der Thorsberger Moorfund Katalog. Teile von Waffen und Pferdegeschirr, sonstige Fundstücke aus Metall und Glass, Ton- und Holzgefäße, Steingeräte. Neumünster, 1987.
78. *Curk I. M.* Poetovio I. Ljubljana, 1976.
79. *Dawson M.* A Review of the Equipment of the Roman Army of Dacia // Roman Military Equipment: the Sources of Evidence. Proceedings of the Fifth Roman Military Equipment Conference. BAR International Series, 1989.
80. *Tejral J.* Römische und germanische Militärausrüstungen der antoninischen Periode im Licht norddanubischer Funde // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin; Marburg, 1994.
81. *Raddatz K.* Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck. Neumünster, 1957.
82. *Diaconescu A., Opreanu C.* A Note on Roman Military Equipment from Romania // Roman Military Equipment: the Accoutrements of War. Proceedings of the Third Roman Military Equipment Seminar. BAR International Series, 1987.
83. *Sellye I.* Les bronzes émaillés de la Pannonie romaine // Dissertationes Pannonicae. Budapest, 1939. Ser. 2. Fasc. 8.
84. *Palágyi S. K.* Römerzeitliches Pferdgrab in Tihany // Alba Regia. 1990. T. XXIV.
85. *Велков И.* Новооткрити старини // Известия на Българския археологически институт. София. 1932. Т. VI.
86. Художествен бронз от римската епоха в Националния археологически музей при БАН. София, 1984.
87. *Велков И., Данов Х. М.* Новооткрити старини // Известия на Българския археологически институт. София. 1938. Т. XII. Св. 2.
88. *Böhme A.* Die Fibeln der Kastelle Saalburg und Zugmantel // Saalburg Jahrbuch. 1972. Bd. 29.
89. *Генчева Е.* Римските фибули от България от края на I в. пр. н. е. до края на VI в. на н. е. Велико Търново, 2004.
90. *Вадаи А. Х., Кулчар В.* К вопросу о так называемых сарматских пряжках // ААН. Budapest, 1984. Т. 36.

91. *Васильев А. А.* Германские воинские пряжки и наконечники ремней на Боспоре // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. IX.
92. *Храпунов И. Н.* Наконечник пояса с боспорским знаком из могильника Фонтаны // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. IX.
93. *Кунина Н.З., Сорокина Н. П.* Стекланные бальзамарии Боспора // ТГЭ. 1972. Вып. 13
94. *Гущина И. И., Засецкая И. П.* «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.
95. *Сидоренко В. А., Зинько В. Н.* Воинский медальон с клятвой Зевсу Димеранскому, найденный на Боспоре // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002.
96. *Lányi V.* Die spätantiken Gräberfelder von Pannonien // AAH. 1972. T. 14. Fasc. 1-3.
97. *Sagadin M.* Antične pasne sponse in garniture v Sloveniji // Arheološki Vestnik. 1979. 30.
98. *Keller E.* Die spätrömischen Grabfunde in Südbayern. München, 1971.
99. *Opaiț A.* O săpătură de salvare în orașul antic Ibida // SCIVA. 1991. T. 42. Nr. 1-2.
100. *Gomolka-Fuchs G.* Zur Militärbesatzung im spätrömischen Limeskastell Iatrus vom 4. bis zum zweiten Viertel des 5. Jahrhunderts // Eurasia Antiqua. 1999. Bd. 5.
101. *Petolescu C. C., Onea O.* Cercetări în necropola Sucidavei, jud. olt (1968) // Materiale și Cercetari Arheologice. 1973. Vol. X.
102. *Зубарь В. М., Сорчан С. Б.* Новый погребальный комплекс II-IV вв. н. э. и экономическое развитие Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986.
103. *Salamon Á., Barkóczy L.* Archäologische Angaben zur spätrömischen Geschichte des Pannonischen Limes -Gräberfelder von Intercisa I // Mitt. Arch. Inst. Budapest, 1973. Bd. 4.
104. *Kazanski M.* L'équipement et le materiel militaires au Bas-Empire en Gaule du Nord et de l'Est // Reveu du Nord-Archeologie. 1995. T. LXXVII.
105. *Carnap-Bornheim C., Ilkjaer J.* Illerup Adal. Die Prachtausrüstungen. 1996. T. 5.
106. *Stjernquist B.* Runde Beschlagplatten mit Befestigungsöse // Saalburg Jahrbuch. 1953. Bd. 12.
107. *Репников Н. И.* Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1908 г. СПб., 1912.
108. *Deschler-Erb E.* Niellierung auf Buntmetall: Ein Phänomen der frühen römischen Kaiserzeit // Kölner Jahrbuch. 2000. T. 33.
109. *Bishop M. C.* Cavalry Equipment of the Roman Army in the First Century A.D. // Military Equipment and the Identity of Roman Soldiers. Proceedings of the Fourth Roman Military Equipment Conference. BAR International Series, 1988.
110. *Mackensen M.* Militärische oder zivile Verwendung frühkaiserzeitlicher Pferdegeschirranhänger aus der Provinz *Africa Proconsularis* und den Nordwestprovinzen // Germania. 2001. Bd. 79.
111. *Калашник Ю. П.* Об эпитафии римского кавалериста из Балаклавы // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тез. докл. Севастополь, 1997.
112. *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Новые находки первой половины V в. из раскопок могильника у с. Лучистое // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004.
113. *Цукерман К.* Епископы и гарнизон Херсона в IV веке // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
114. Византийский Херсон. Каталог выставки. М., 1991.

**Kostromichev D. A.
Roman Ammunition from Chersonesos
Summary**

The article is devoted to the publication of details of Roman ammunition from Chersonesos Tauric excavation. This city is the most eastern point on the territory of Europe, where a garrison of Roman Army had been staying for several centuries. Forces to protect a town allied to the Empire were detached from the army in the province of Lower Moesia. The history of a Roman garrison is sufficiently well-known owing to the monuments of Latin epigraphy but up to nowadays material evidences of the Romans' presence in the city have not been examined. 135 details of Roman military ammunition are collected in this publication. Most of the things come from the excavations of the city necropolis. A significant part of things are included in the list of four burials. Another part represents separate finds. Military belts constitute absolute majority of the details of Roman ammunition from Chersonesos. It can be explained by the fact that often belts, in particular, were a part of Roman burial equipment in Chersonesos. Against a background of predominance of details of military costume, fragments of armament are few in number.

Chronological distribution of the details cover the period of the 1st – the beginning of the 5th centuries. Overwhelming majority of things date back to the second half of the 1st – the first half of the 3rd centuries. Just in this period Roman military presence in Chersonesos reached its maximum. Small quantity of details dated back to the period up to the mid-2nd and after the mid-3rd centuries demonstrates that Romans' presence was not a large scaled one. Epigraphic data testify to this fact.

Chersonesos collection demonstrates close links between military ammunition of this remote garrison and materials from military camps on the territory of the Roman Empire. Roman military ammunition from Chersonesos show the best correlation to the traditions of appearance spread in the Roman army. Many details from Chersonesos extend the geography of finds known on the territory of the Empire being the most eastern ones. Chersonesos materials are of undoubted interest from the point of view of comparing Roman military ammunition on different territories. To a certain extent they fill up the gap in research of Roman military artifacts in the eastern part of the Roman Empire.

Приложение

Каталог римского военного снаряжения из Херсонеса

1. Бутероль ножен меча (рис. 1,1).

НЗХТ. Инв. № 4458/2. Бронза.

Место находки: Некрополь. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1903 г.

Коробчатая литая бутероль имеет пельтавидную форму. На лицевой и оборотной сторонах в верхней части два сквозных отверстия в т.н. «форме почки». На лицевой стороне расположены два круглых выступа. Вершина бутерولي украшена гравированными насечками. На корпусе бутерولي три отверстия для крепления изделия гвоздиками к ножнам меча: два сквозных отверстия и одно отверстие в лицевой стороне. Правая планка лицевой стороны над отверстием в форме почки утрачена и заменена современной пластиной при реставрации. Левая планка отломана и припаяна. Размеры бутерولي – 6,4х6,4 см, толщина – 1,6 см.

Датировка: конец II – середина III вв.

2. Бутероль ножен меча (рис. 1,6).

НЗХТ. Инв. № 23/37225. Слоновая кость.

Место находки: Цитадель. Продольная улица, между каналами «О» и «Е» у помещения XIII. Раскопки И. А. Антоновой в 1992 г.

Бутероль прямоугольной формы вырезана из цельного куска слоновой кости. Бутероль слегка расширяется книзу. Верхнему краю вырезами придана волнистая форма. Нижний край имел небольшой выступ в центральной части. Лицевая и обратная сторона в верхней части имеют два сквозных отверстия в т.н. «форме почки». Вдоль длинных краев на лицевой и оборотной стороне выгравирована полоса. В центре на лицевой стороне также выгравированы три продольные полосы. В верхней части пробиты три сквозных отверстия для крепления бутерولي гвоздиками к ножнам. Половину длины изделия занимает внутренний вырез, в который вставлялись ножны меча. Для устройства выреза в узких сторонах бутерولي сделаны продольные выемки. Длина бутерولي – 7,8 см, максимальная ширина – 4,3 см, толщина – 2,1 см.

Датировка: конец II – середина III вв.

3. Ручка для подвешивания шлема (?) (рис. 2,20).

НЗХТ. Инв. № 29/37225. Бронза.

Место находки: Цитадель. Зачистка за мраморным полом терм. Раскопки И. А. Антоновой в 1992 г.

Литая ручка в форме двух рыб, развернутых друг к другу. Загнутый вверх хвост образует петлю для крепления. В сечении ручка имеет каплевидную форму. Обе стороны предмета покрыты идентичной гравировкой, которая воспроизводит глаза, плавники и чешую рыб. Полностью сохранилось изображение одной рыбы. От второй уцелело только изображение головы. Сохранившаяся длина изделия – 5,5 см. Реконструируемая длина – около 8 см. Ширина ручки – 3,7 см, толщина – 0,5 см.

Датировка: конец II – начало III вв.

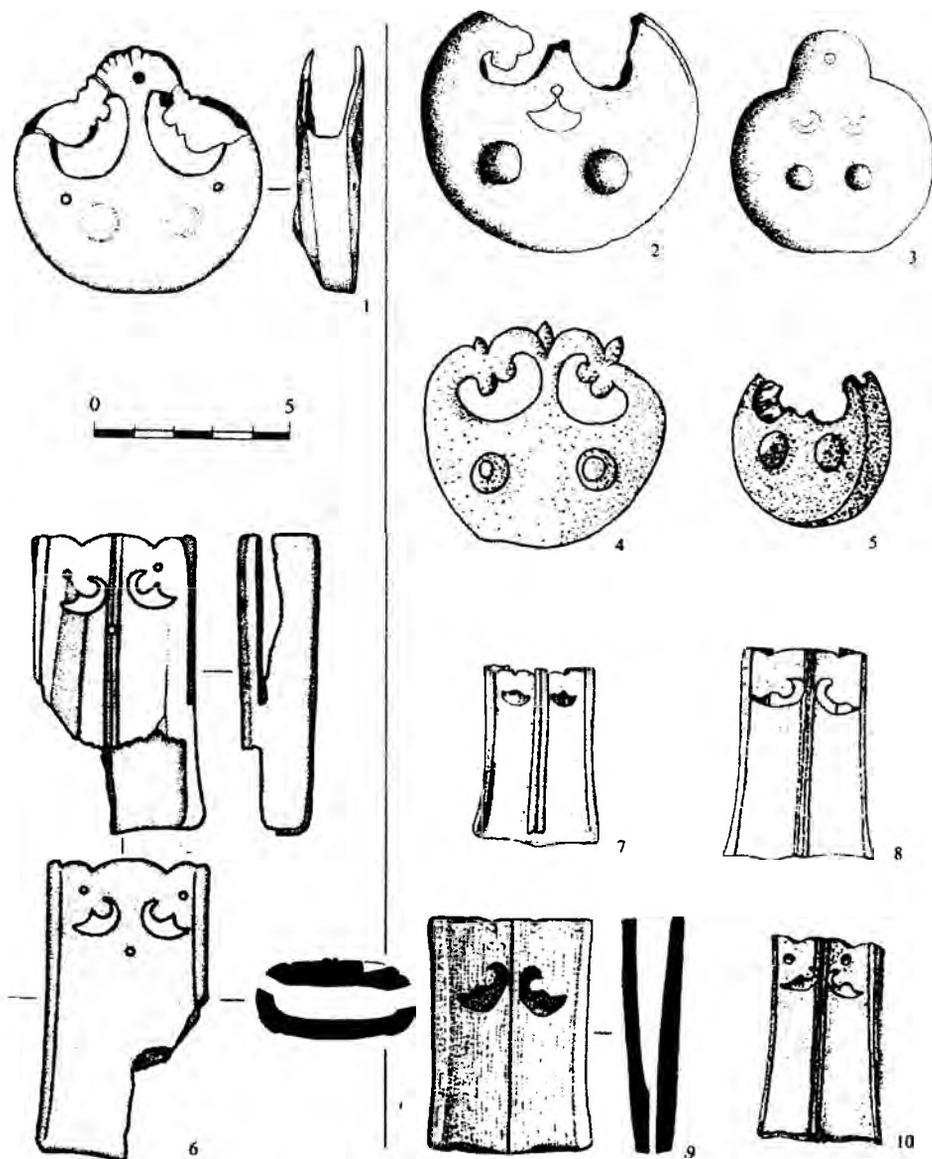

Рис. 1. Бутероли ножен мечей.

4. Пряжка от пластинчатого доспеха *lorica segmentata* (рис. 2,14)

НЗХТ. Инв. № 2761. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Пряжка с дуговидной рамкой, овальной в сечении. Концы рамки уплощены и имеют резкий подрез. Концы рамки соединяет ось, на которую надет язычок. Язычок уплощенный в сечении, сужается к окончанию. Размеры: длина пряжки – 1,7 см, ширина – 1,4 см. Толщина сечения рамки – 0,2 см.

Датировка: I в.

5. Шарнирная накладка от пластинчатого доспеха *lorica segmentata* (рис. 2,8).

НЗХТ. Инв. № 18525. Бронза.

Место находки: Городище. Раскопки Р. Х. Лепера в 1909 г.

Предмет состоит из двух пластин соединенных шарнирной конструкцией. Ось шарнира не сохранилась. В центре обеих пластин круглые отверстия для крепления. Сохранность пластин плохая. Полностью установить форму невозможно. Сохранившаяся длина – 3,5 см, ширина – 1,3 см, толщина – 0,1-0,2 см.

Датировка: I в.

6. Деталь крепления умбона (рис. 2,1).

НЗХТ. Инв. № 7048. Бронза.

Место находки: Городище. Помещение 9. Из ямы. Раскопки Р. Х. Лепера в 1914 г.

Корпус изделия плоский, круглой формы. Лицевая сторона украшена врезными концентрическими кругами. Размеры корпуса 1,4x1,6 см. К оборотной стороне припаяна плоская пластина, имеющая длину 1,1 см. В нижней части пластины устроено круглое отверстие.

Датировка: II – первая половина III вв.

7. Пряжка шарнирная с прямоугольной рамкой и выступами по углам (рис. 3,1).

ГЭ. Инв. № X.1908.709. Бронза, эмаль.

Место находки неизвестно. Раскопки 1908 г.

Рамка пряжки прямоугольная. Передняя и боковые стороны рамки вогнуты. На двух углах передней стороны рамки расположены выступы. Выступы профилированы ободком. Концы выступов уплощены. Сечение рамки треугольное. Сечение задней части рамки прямоугольное. В центре задней части сделано углубление для язычка. На поверхности пряжки, на задней и боковых частях рамки, а также на выступах устроены гнезда для эмалевых вставок. Эмаль во вставках сохранилась очень плохо. Ее первоначальный цвет не устанавливается. Пряжка разломана на три части. Задняя часть рамки и одна из петель шарнира сильно повреждены коррозией. Максимальная ширина пряжки – 3,9 см, общая длина – 3,3 см, толщина – 0,4 см.

Датировка: последняя треть I – первая треть II вв.

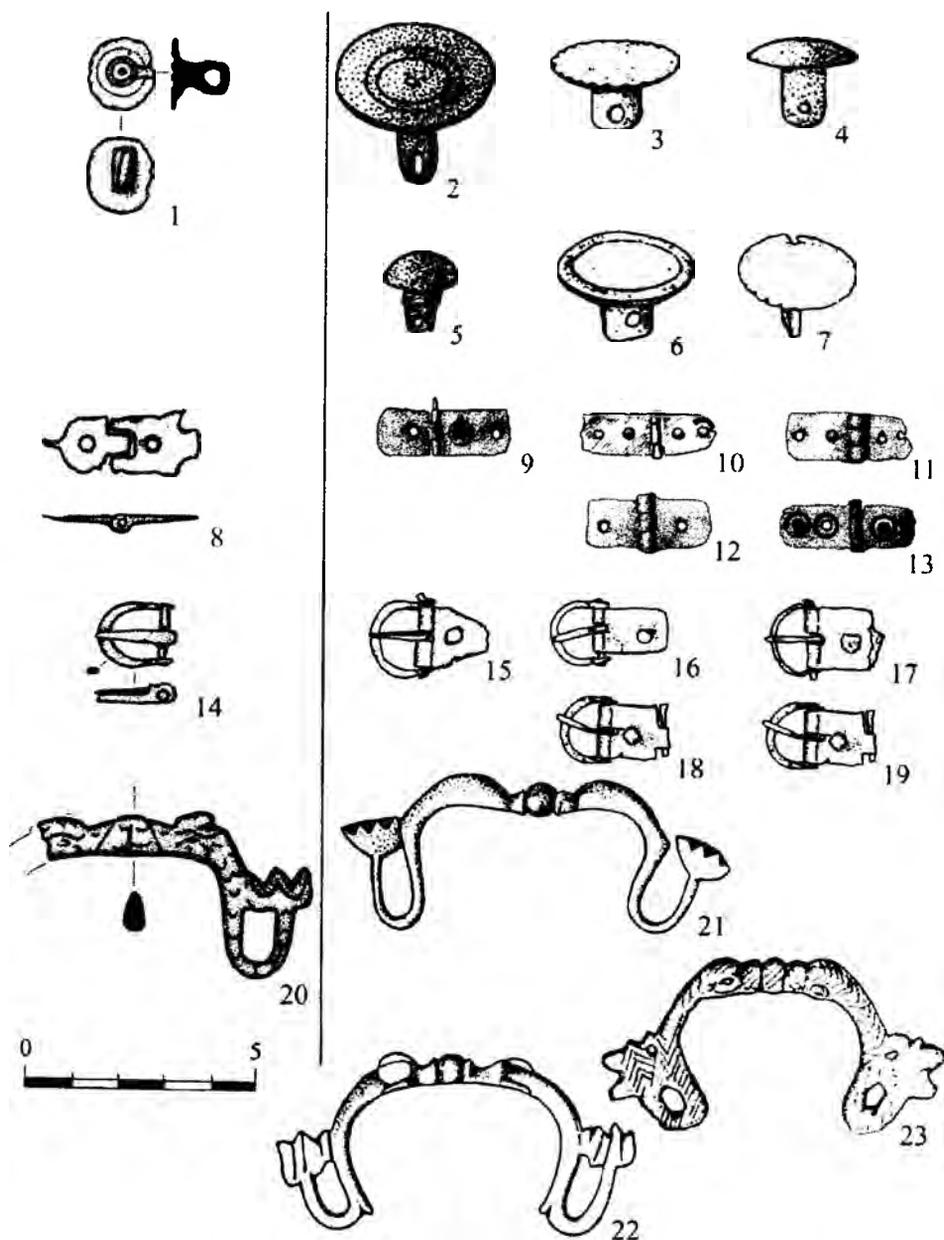

Рис. 2. Детали щитов, пластинчатых доспехов и шлемов.

8. Пряжка шарнирная с сегментовидной рамкой с внутренними завитками (рис. 3,5).

НЗХТ. Инв. № 2883. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Рамка пряжки сегментовидная. Имеет небольшие внутренние завитки, имитирующие волюты. В сечении рамка треугольная, уплощенная, с ребром на лицевой стороне. Вместе с рамкой отлиты петли для крепления шарнира. Ось шарнира удерживала одновременно язычок и щиток пряжки. Уплощенный язычок в форме «летающей птицы» с двух сторон имеет волутообразные отростки, в основании расширяется. Петля язычка отломана. Щиток плоский, непрорезной, сохранился очень плохо. Изготовлен из согнутой вдвое пластины, надетой на ось шарнира. Размеры пряжки: ширина – 3,7 см, длина – 3,3 см, толщина рамки – 0,25 см.

Датировка: последняя четверть II – первая половина III вв.

9. Пряжка с рамкой овальной формы и профилированным утолщением в передней части (рис. 3,7).

НЗХТ. Инв. № 5936. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Рамка пряжки литая, имеет форму овала. В передней части рамки сделано круглое в сечении утолщение, разделенное поперечными углублениями на шесть частей. Боковые выступы утолщения слегка развернуты в сторону. Ось пряжки отломана, сохранился лишь небольшой ее фрагмент, показывающий, что ось была отлита вместе с рамкой. Сечение рамки округлое, слегка расширенное в нижней части. Размеры пряжки: ширина – 3,4 см, длина – 2,3 см.

Датировка: конец II – первая половина III вв.

10. Пряжка шарнирной конструкции с ажурным щитком (рис. 3,11).

Место хранения неизвестно.

Место находки: Некрополь, могила 528. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1894 г.

Рамка пряжки в передней части имеет два выступа, между которыми ложится язычок. В задней части рамки устроена профилированная площадка, к которой крепятся петли шарнира. Язычок украшен треугольным прорезным расширением. Щиток имеет сложную, асимметричную форму.

Датировка: вторая половина II – первая половина III вв.

11. Пряжка с круглой рамкой и прямоугольным щитком (рис. 3,14).

НЗХТ. Инв. № 4044. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Рамка пряжки круглой формы. Передняя часть рамки имеет треугольную в сечении форму. Около места крепления щитка на рамке выгравированы поперечные углубления. Язычок слегка прогнутый, в центральной части украшен прочерченными полосами. Три пересекают язычок поперек и две перекрещиваются, образуя крест. Щиток пряжки сделан из тонкой пластины, перегнутой

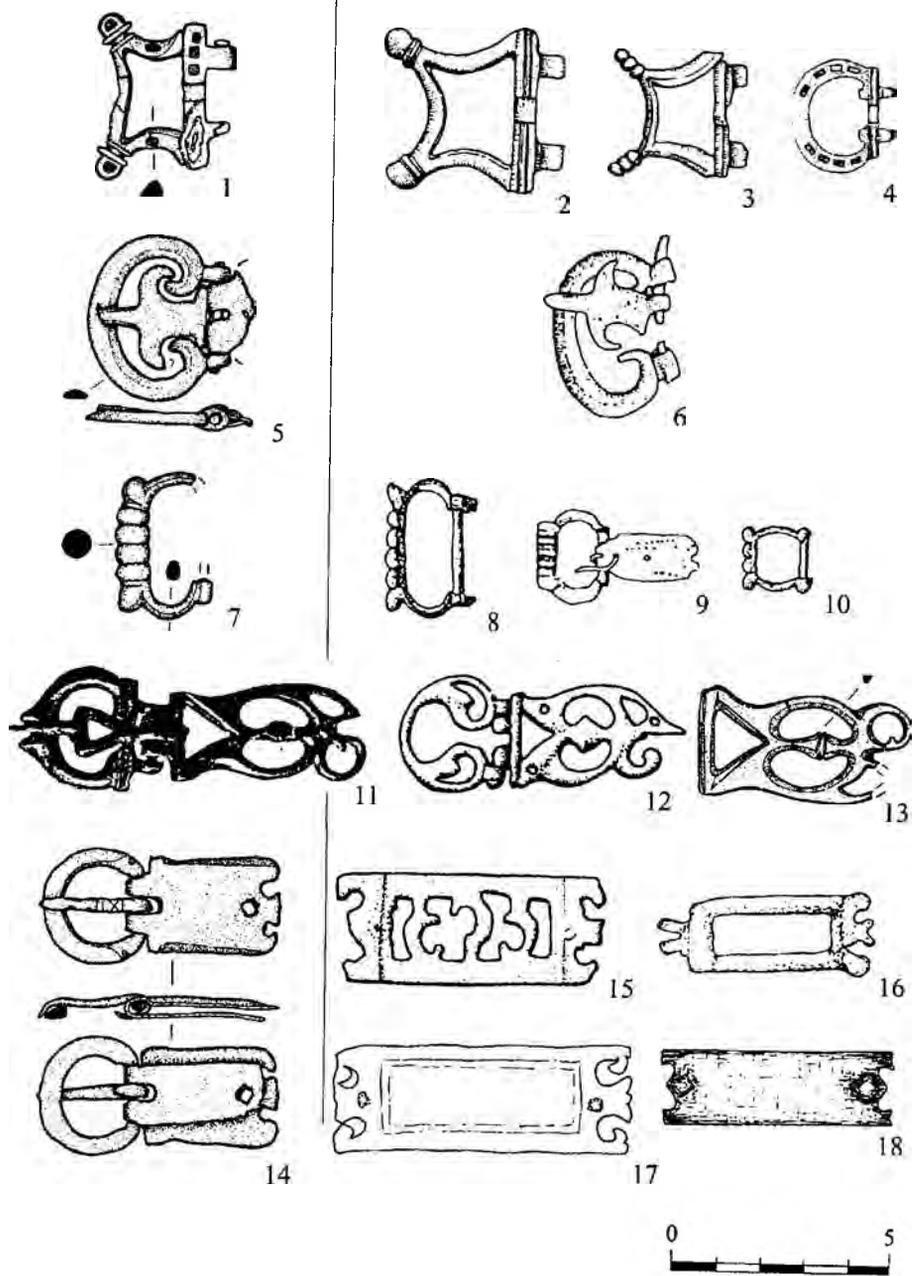

Рис. 3. Пряжки.

вокруг рамки. Обратная сторона пластины уже лицевой. Лицевая сторона щитка имеет прямоугольную форму. Вдоль длинных сторон щитка пластина слегка загнута, что создает имитацию фасетировки. Торцевой конец щитка украшен двумя округлыми вырезами. К ремню щиток крепился с помощью не сохранившейся заклепки. В месте крепления заклепки в лицевой и оборотной стороне пластины щитка имеется отверстие. Общая длина пряжки – 5,6 см. Длина рамки – 2,4 см, ширина – 2,7 см. Ширина щитка – 2,2 см.

Датировка: конец II – первая половина III вв.

12. Накладка с прорезью для ремня (рис. 4, 1).

ГЭ. Инв. № X.53. Серебро. Чернь. Вставки из желтого металла.

Место находки: Некрополь у южной стены. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1892 г.

Массивная прямоугольная пластина снабжена прорезью, в которую пропускался тонкий конец ремня. С помощью четырех литых штифтов, расположенных на оборотной стороне, пластина фиксировалась на ремне. Лицевая сторона обильно украшена орнаментом из чередующихся вставок черни и желтого металла. Украшения отсутствуют только между прорезью и передней частью рамки, в том месте, которое во время использования закрывалось ремнем. Вдоль краев пряжки с трех сторон проходит тонкая гравированная полоса. Вдоль гравированной полосы, а также вдоль прорези проходит пояс из высоких треугольников, выполненных чернью и обращенных острием внутрь накладки. В пространстве между треугольниками находятся чередующиеся вставки из желтого металла. Кроме этого, в двух углах, образованных поясом треугольников, идущих вдоль краев пряжки и вдоль прорези, находятся ромбовидные вставки из белого металла. Центр накладки занимает круглая розетка, подчёркнутая сферическим выступом в профиле изделия. Внутреннее пространство розетки заполнено правильными шестиугольниками-сотами. Рамка розетки и шестиугольники выполнены чернью. Внутри каждой соты располагается цветок, состоящий из четырех черных слитых лепестков и четырех разъединенных лепестков из белого металла. В четырех углах, образованных центральной розеткой и поясом треугольников, располагаются изображения растительных побегов, состоящих из двух длинных черных листьев и небольшой треугольной вставки из белого металла, изображающей цветок. Длина пряжки – 7,8 см, ширина – 6,4 см. Толщина изделия – 0,3 см. Общая толщина вместе со штифтами – 0,8 см. Размеры прорези для ремня – 3,8x0,8 см.

Датировка: вторая половина III в.

13. Пряжка цельнолитая с треугольным непрорезным щитком (рис. 5, 1).

НЗХТ. Инв. № 6107/8. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Рамка пряжки овальной формы. В сечении овальная. Рамка отлита вместе со щитком. Щиток треугольной формы. Конец щитка обломан. В основании щитка отверстие для язычка и два отверстия для заклепок. Язычок и заклепки крепления отсутствуют. В месте перехода от рамки к щитку край предмета образует

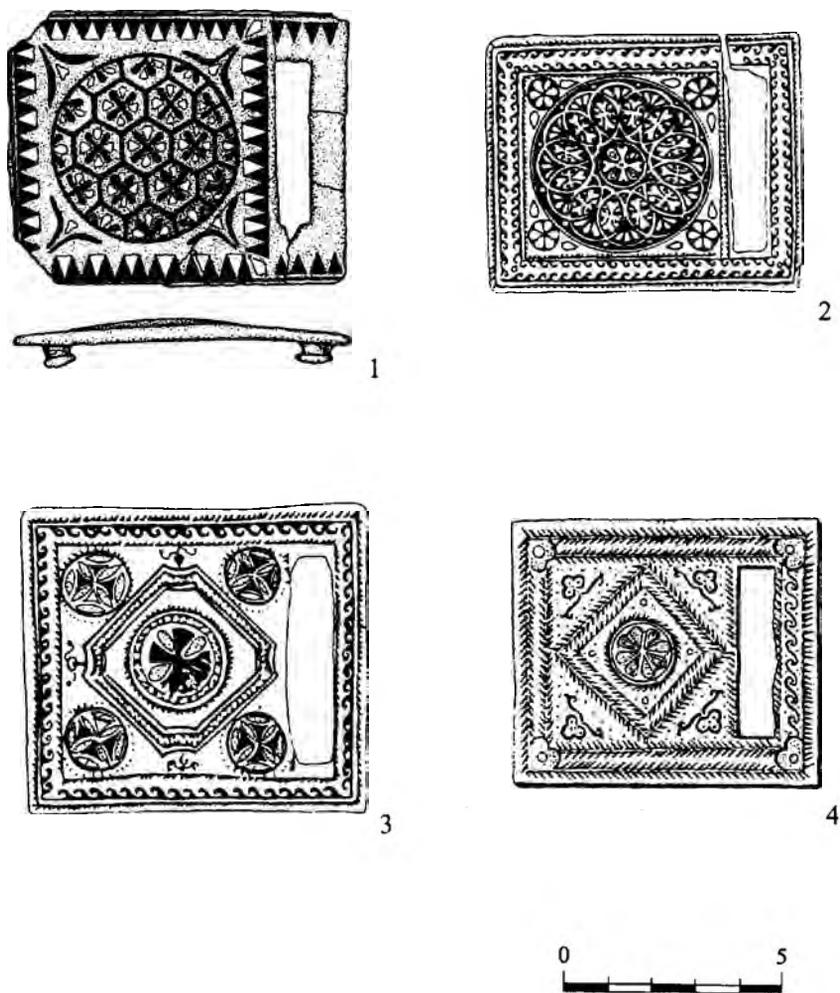

Рис. 4. Накладки с прорезями.

небольшой выступ. Со стороны щитка выступ подчеркнут фасетировкой края. Ширина пряжки – 2,9 см, сохранившаяся длина – 4,8 см. Толщина щитка – 0,2 см. Толщина рамки – 0,3-0,4 см.

Датировка: IV в.

14. Щиток овальной формы, украшенный пуансонным орнаментом, двумя прорезями и гравированными кругами (рис. 5,4).

ГЭ. Инв. № X.1915.213. Бронза.

Место находки неизвестно.

Щиток имеет овальную форму. В задней части находится прямоугольный выступ. В центре щитка располагаются два С-образных выреза. Вдоль края щитка проходит линия пуансонного орнамента. В основании щитка, у петель шарнира идущие вдоль края линии поворачивают внутрь и сливаются в центральной части щитка. Вырезы окружают три выгравированных круга с точкой в центре. На оборотной стороне щитка выгравированным кругам соответствуют три штифта, служившие для крепления к поясу. К пряжке щиток крепился с помощью шарнирного устройства. Через четыре петли щитка проходит ось шарнира. На оси сохранились незначительные остатки язычка и рамки пряжки. Ширина щитка пряжки – 3,1 см, длина – 2,9 см.

Датировка: третья четверть IV в.

15. Щиток прямоугольной формы с прорезным орнаментом, украшенный гравированными кругами (рис. 5,7).

НЗХТ. Инв. № 2730. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Щиток имеет прямоугольную форму. Внутреннее пространство занято тремя вырезами. Два выреза, расположенные около места крепления щитка к пряжке, имеют форму прямоугольника соединенного с кругом (т.н. «замочная скважина»). Между двумя вырезами в форме «замочных скважин» и задним краем щитка расположен еще один вырез, имеющий прямоугольные очертания. Вырезы образуют между собой и между краем щитка металлическую рамку толщиной 0,4-0,6 см. Эта рамка занята тремя вертикальными рядами гравированных кругов с точкой в центре (т.н. «птичий глаз»). В двух рядах три таких круга, в третьем – четыре. Щиток имел шарнирное устройство крепления к пряжке. Сохранилась одна петля шарнира. Вторая петля обломана. Размеры щитка: длина – 3,5 см (вместе с петлей шарнира – 4,1 см), ширина – 3 см, толщина – 0,2 см.

Датировка: IV в.

16. Щиток прямоугольной формы с прорезным орнаментом, изображающим двух животных и растительные побеги (рис. 6,1).

НЗХТ. Инв. № 28652. Бронза. Железо.

Место находки: Цитадель. Раскопки К. Э. Гриневича в 1928 г.

Щиток бронзовый, прямоугольный. Внутреннюю часть щитка занимает прямоугольная ажурная композиция. В центре предмет, образованный растительными мотивами. По бокам от него расположены две фигуры животных,

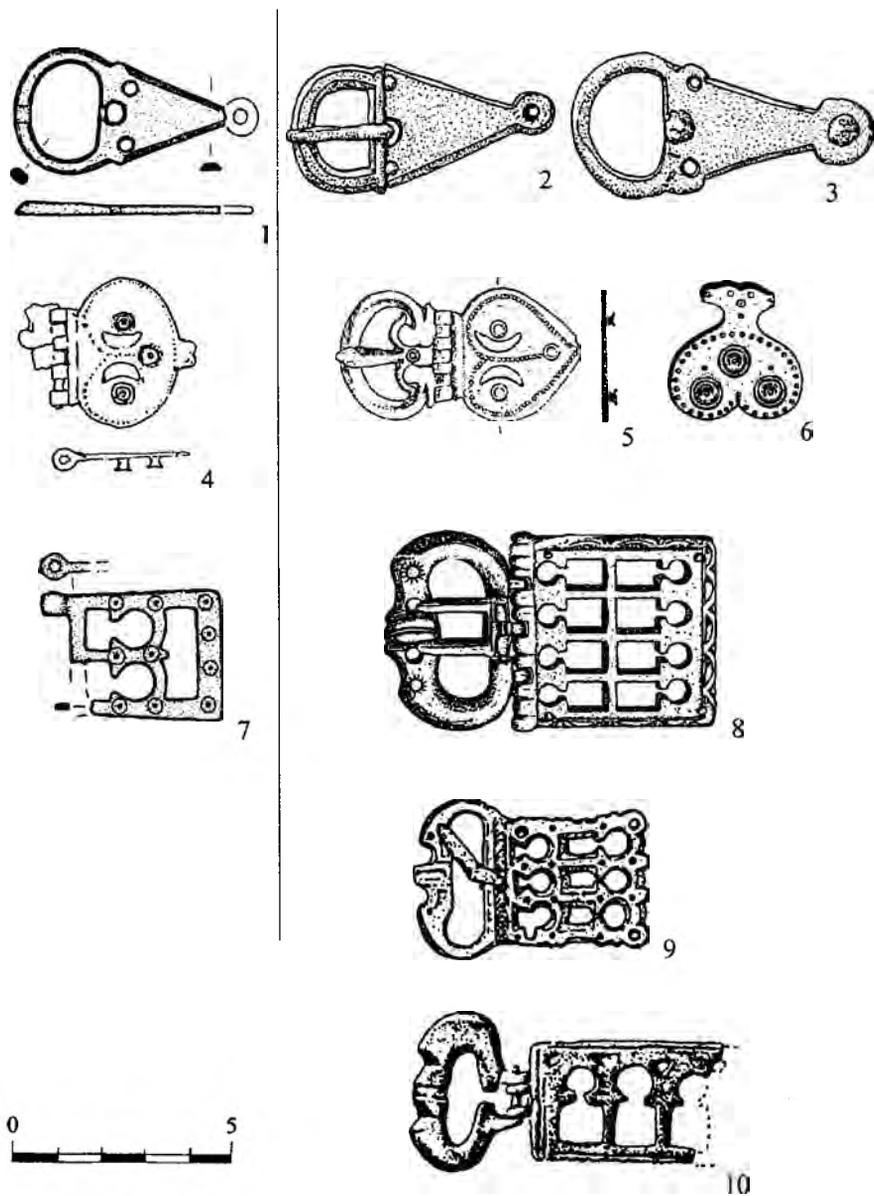

Рис. 5. Пряжки.

стоящих на задних лапах. Тела животных украшены мелкими гравированными кругами с точкой в центре. К пряжке щиток крепился посредством шарнира. Из четырех петель шарнира сохранились три. Внутри петель сохранились остатки железной оси. К ремню щиток крепился с помощью четырех штифтов, расположенных по углам. Один из штифтов выпал, образовав круглое отверстие в правом верхнем углу щитка. Размеры щитка: длина – 5 см (вместе с петлей шарнира – 5,5 см), ширина – 3,6 см, толщина – 0,2 см.

Датировка: IV в. (?)

17. Пряжка с овальной рамкой, украшенной орнаментом из гравированных кругов с точкой в центре (рис. 6,4).

НЗХТ. Инв. № 1861. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Рамка пряжки овальной формы. В сечении рамка представляет собой уплощенный прямоугольник с уступом в передней части. Поверхность пряжки украшена рядом врезных кругов с точкой в центре. Диаметр кругов – 0,5 см. Уступ, образованный вырезом во внешней части, украшен рядом гравированных полукружий. Язычок пряжки слегка уплощен. Около петли имеет хорошо выраженную возвышающуюся площадку. В поверхность площадки вписан гравированный круг с точкой в центре, аналогичный кругам на рамке. За поперечной полосой, отделяющей площадку от остальной части язычка, расположены два гравированных круга маленького диаметра, по диаметру совпадающие с полукружиями на уступе рамки. Ряд из шести таких же кругов тянется по центру язычка. Вдоль краев язычка, на длину этого ряда из шести кругов, тянутся две фасетки. Ширина язычка – 0,6 см. Ширина рамки пряжки – 0,9 см. Общая ширина пряжки – 5,8 см, длина – 3 см. Длина язычка – 3,3 см.

Датировка: последняя треть IV – начало V вв.

18. Овальный щиток, украшенный гравированными кругами (рис. 6,7).

НЗХТ. Инв. № отсутствует. Полевой номер из раскопок Р. Х. Лепера – 9/13. Бронза.

Место находки: Северо-Восточный район. Раскопки внутри монастырской ограды. На первом полу. Раскопки Р. Х. Лепера в 1913 г.

Щиток овальной формы. Имеет шарнирное устройство крепления к пряжке. Сохранилась одна петля шарнира. Щиток плоский, литой, непрорезной. Украшен двумя рядами орнамента из гравированных кругов с точкой в центре. Один ряд проходит вдоль края щитка. Второй ряд окружает расположенную в центре розетку из концентрических гравированных кругов. Диаметр розетки – 1,4 см. В поле щитка сделаны два отверстия, которые, очевидно являются следами более позднего ремонта, т.к. одно из отверстий пробито прямо через гравированные круги. Через эти отверстия щиток, видимо, крепился к поясу. Еще одно отверстие, вероятно, располагалось в том месте щитка, где часть его обломана. Максимальная сохранившаяся ширина щитка – 5,3 см, длина – 4,4 см, длина щитка вместе с петлей шарнира – 5,2 см.

Датировка: последняя треть IV – начало V вв.

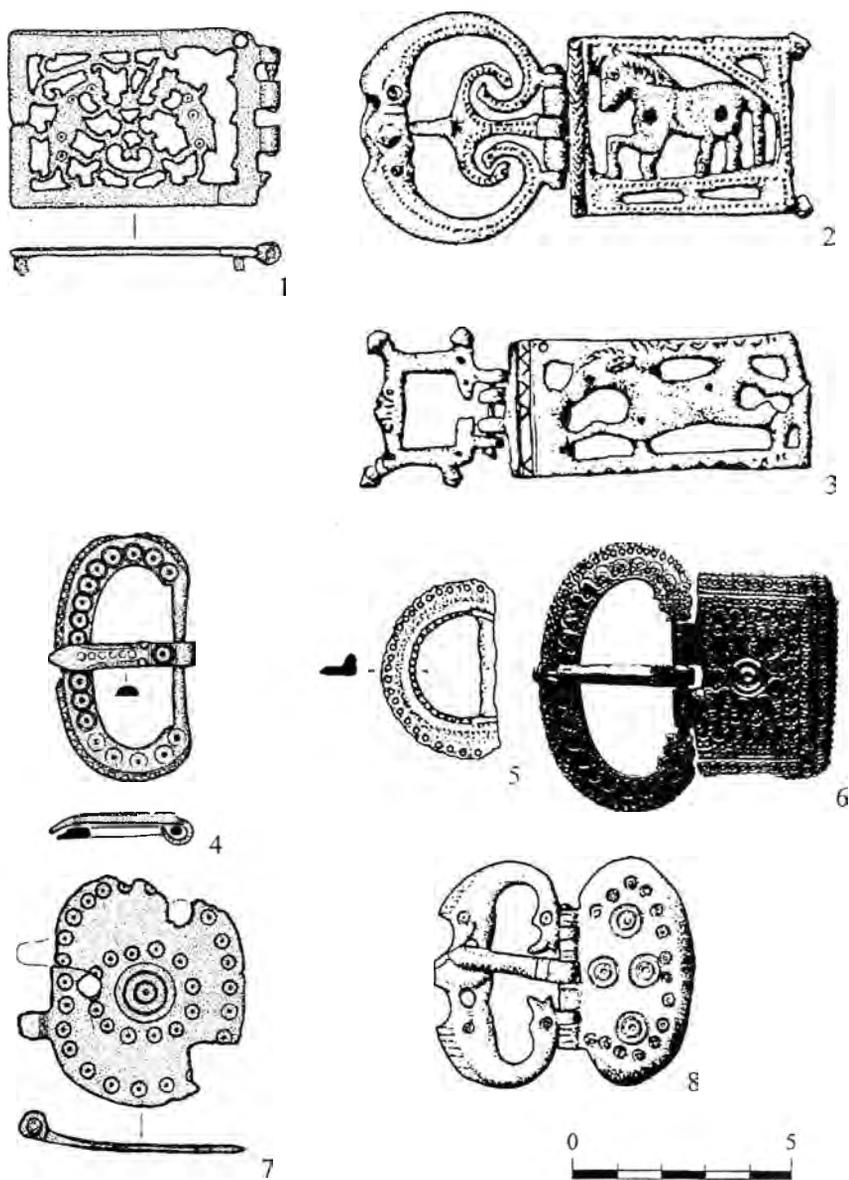

Рис. 6. Пряжки.

19. Поясной набор из 25 деталей (рис. 7).

ГИМ. Инв. № 33081, оп. Б. I/118, № 40; Инв. № 33426, оп. Б. I/121, № 109. Бронза.

Место находки: Могила № 492. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1894 г.

В состав набора входят: пельтавидная накладка (2,3x2,4 см), ажурная круглая накладка с поперечиной и двумя завитками (диаметр 2,3 см), шестиугольная накладка с изображением vulva (2,7x1,8 см), накладки в форме «лодки» с двумя гравированными полосами (2,8x1,2 см), круглая накладка с выступающим валиком (2,6 см), одиннадцать круглых накладок с плоской шляпкой (диаметр 2,3-3 см), две круглые накладки со сферической шляпкой (диаметр 2,3 см), пять мелких заклепок со сферической шляпкой (диаметр 0,7-1,1 см), заклепка с плоской шляпкой (диаметр 1,1 см) и заклепка с ажурно украшенной шляпкой (диаметр 1,8 см).

Датировка: вторая половина II – III вв.

20. Поясной набор из 11 деталей (рис. 8).

НЗХТ. Инв. № 20360/12. Бронза.

Место находки: Могила № 93. Раскопки Р. Х. Лепера в 1910 г.

В состав набора входят: пряжка со щитком (общие размеры 8,3x2,5 см), три прямоугольные накладки с вырезами на торцах (5,1x2,5 см), две ажурные накладки (4,7x0,9 см), накладка в форме «копья бенефициария» (4,4x2 см), две «каплевидных» подвески (3,2x0,7 см) (одна с обоймой для ремня – 6,3x0,7 см), две обоймы ножен кинжала (?) (4,8x0,8x2,7 см).

Датировка: вторая половина II – начало III вв.

21. Поясной набор из 4 предметов (рис. 9, 5-8).

НЗХТ. Инв. №№ 18597, 18598. Бронза.

Место находки: Могила № 15. Раскопки Р. Х. Лепера в 1909 г.

В состав набора входят: две прямоугольные накладки с прорезным орнаментом (8,4x2,2 см), фрагментированная накладка с прямоугольным внутренним вырезом (2,4x2 см), фрагментированная накладка округлых очертаний с боковым кольцом (2,8x2,7 см).

Датировка: вторая половина II в.

22. Поясной набор из 4 предметов (рис. 9, 1-4).

НЗХТ. Инв. № 19985/4. Бронза.

Место находки: Сожжение на западном некрополе. Раскопки Р. Х. Лепера в 1910 г.

В состав набора входят: две прямоугольные накладки, профилированные продольными выступами (7,5x1,6 см), фрагмент наконечника ремня из простой пластины (2,2x0,8 см), «каплевидная» подвеска (3,1x0,8 см).

Датировка: вторая половина II в.

23. Накладка ажурная прорезная (рис. 9, 9).

НЗХТ. Инв. № 5576. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

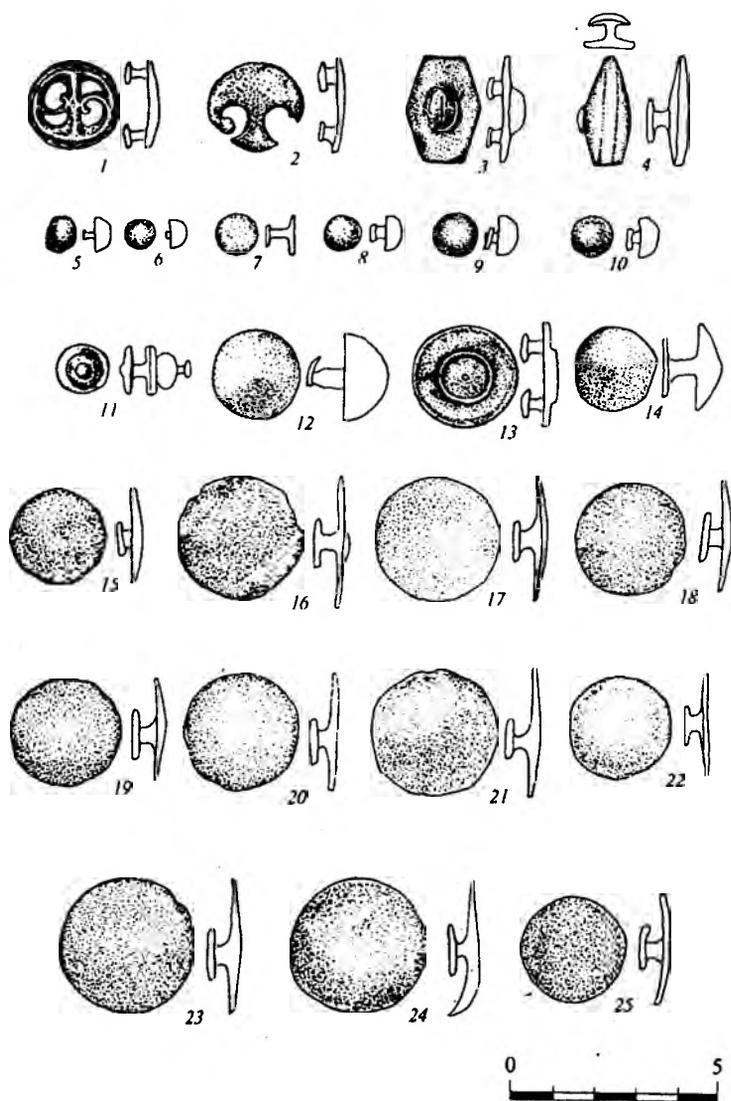

Рис. 7. Поясной набор из могилы № 492 раскопок 1894 г.

Ажурная прорезная накладка имеет сложную асимметричную форму. Один из торцов накладки имеет прямой край. Около этого края расположен треугольный внутренний вырез. В центральной части устроены два почковидных выреза, разделенные перегородкой. У второго торца накладки расположен круглый вырез и вырез подтреугольной формы. Часть накладки, ограничивающая последний вырез, утрачена. На лицевой поверхности имеются насечки, выполненные гравировкой. К поясу накладка крепилась с помощью штифтов, устроенных на оборотной стороне. Длина накладки – 5 см, ширина – 2,5 см.

Датировка: вторая половина II в.

24. Накладка ажурная прорезная (рис. 9, 12).

НЗХТ. Инв. № 5576. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Корпус накладки имеет «каплевидную» форму. Внутреннее пространство занято вырезом, повторяющим форму корпуса. Внутри выреза расположена стилизованная фигура, возможно, изображающая животное или птицу. Широкий конец корпуса завершается поперечным бордюром, за которым располагается небольшая прямоугольная площадка с отверстием для заклепки. Узкий конец корпуса заканчивается двумя волютами, выполненными в виде растительных побегов. Между волютами расположен небольшой круглый выступ с отверстием для заклепки. Длина накладки – 5,6 см, максимальная ширина – 2,4 см.

Датировка: вторая половина II – первая половина III вв.

25. Накладка ажурная прорезная (рис. 10, 1).

НЗХТ. Инв. № 5576. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Накладка имеет некоторые потери крайних выступов, но ее форма полностью реконструируется. Корпус накладки имеет «каплевидную» форму. Центральную часть предмета занимает вырез с внутренним круглым выступом в основании. Торцы накладки имеют выступы сложной формы. Узкий конец накладки завершает выступ в виде поперечной планки, которая увенчана кольцом для заклепки, и снабжена двумя завитками, развернутыми к изделию. Широкий конец корпуса снабжен выступом в виде двух растительных побегов, развернутых друг к другу. Длина накладки – 5,1 см, максимальная ширина – 2 см.

Датировка: вторая половина II – первая половина III вв.

26. Накладка ажурная прорезная (рис. 10, 4).

НЗХТ. Инв. № 5576. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Накладка имеет прямоугольную форму с двумя выступами на коротких сторонах корпуса. Один из выступов прямоугольной формой и отделен двойным бордюром. Другой имеет полукруглый край и два глубоких выреза у основания, отделяющих выступ от корпуса изделия. И в том, и в другом выступах устроены отверстия для заклепок. Внутреннее пространство изделия занято ажурным прорезным орнаментом. Композиция сильно повреждена, но симметричность

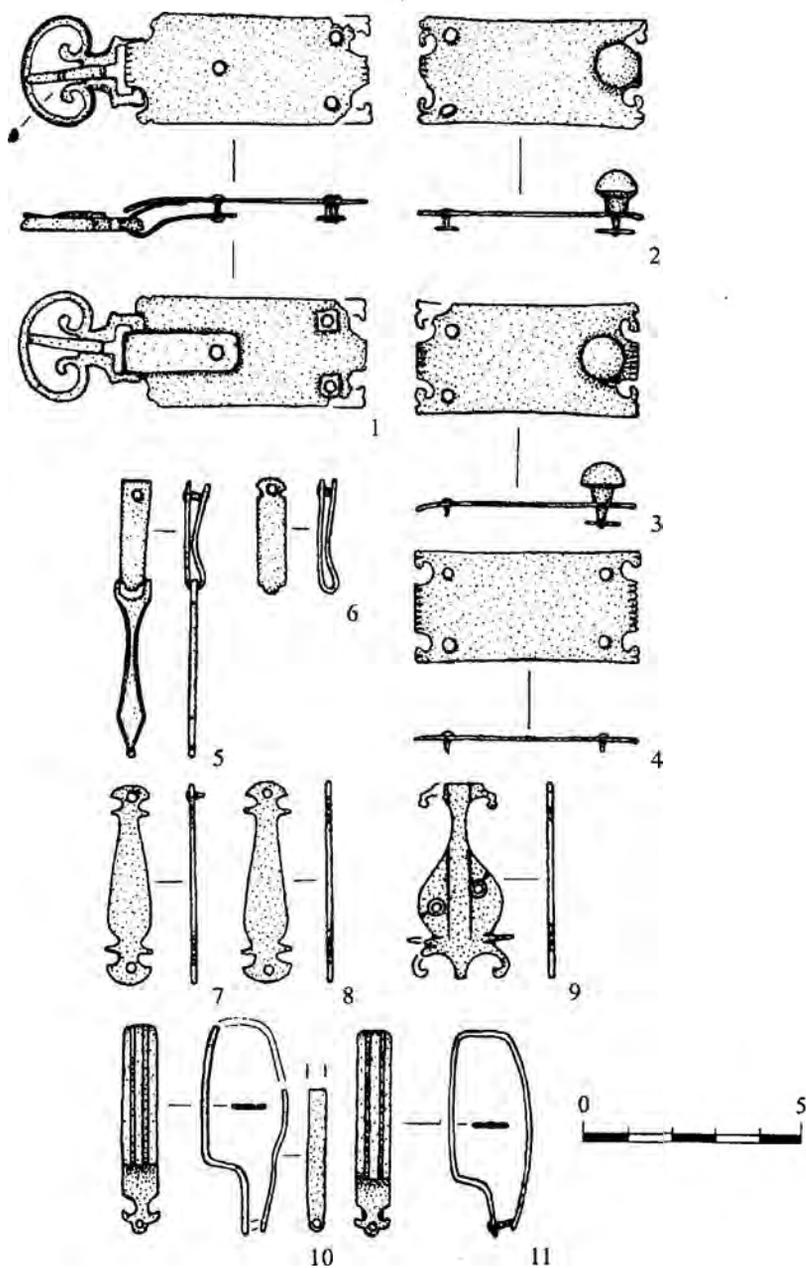

Рис. 8. Поясной набор из могилы № 93 раскопок 1910 г.

позволяет восстановить ее вид. В центре орнамента находился ромб, от которого в четырех направлениях отходили ветви растительных побегов. Длина накладки – 6,5 см, ширина – 2,6 см.

Датировка: последняя четверть II – первая половина III вв.

27. Накладка прямоугольная прорезная (рис. 10,7).

НЗХТ. Инв. № 5629. Бронза.

Место находки: Цистерна к западу от Уваровской базилики. Раскопки Р. Х. Лепера.

Накладка имела прямоугольную форму. Практически весь корпус изделия утрачен. Сохранились два почковидных выреза в торцевой части. По обе стороны от вырезов выгравированы полосы, идущие поперек изделия. К каждому вырезу от края накладки направлены по две насечки. На оборотной стороне сохранился литой штифт крепления длиной 0,35 см. Ширина накладки – 2,5 см, сохранившаяся длина – 1,9 см.

Датировка: вторая половина II – первая половина III вв.

28. Накладка ажурная прорезная (рис. 10,10).

НЗХТ. Инв. № 18587. Бронза (?).

Место находки: Могила № 83. Раскопки Р. Х. Лепера в 1909 г.

Сохранились два фрагмента, судя по всему, принадлежащие одному изделию. Из-за фрагментарности форма изделия полностью не восстанавливается. Пространство накладки образовано симметрично отраженными вдоль продольной оси растительными мотивами. Накладка крепилась к основе с помощью небольших заклепок. Сохранились два отверстия для них. Размеры одного фрагмента – 3,3x3 см, другого – 2,3x2,2 см.

Датировка: первая половина III в.

29. Накладка ажурная с петлей (рис. 11,1).

НЗХТ. Инв. № 30/37225. Бронза.

Место находки: Цитадель. За стеной 58 к югу. Слой уровня фригидария. Раскопки И. А. Антоновой в 1991 г.

Накладка имеет непрорезной фигурный корпус. Верхняя часть накладки оформлена в виде поперечной планки с двумя растительными побегами и круглым выступом с отверстием для заклепки. Нижняя часть накладки оформлена в виде петли, имеющей вид упрощенной пельты. От корпуса накладки петлю отделяют два небольших боковых выступа. К основе накладка крепилась двумя гвоздиками. Длина накладки – 4 см, ширина – 1,7 см.

Датировка: вторая половина II в.

30. Накладка треугольной формы с петлей (рис. 11,5).

НЗХТ. Инв. № 91/36569. Бронза.

Место находки: Цитадель. Помещение 3. V слой. Раскопки В. В. Борисовой в 1962 г.

Накладка имеет треугольный корпус. В нижней части устроена петля. Между корпусом и петлей расположены два невысоких поперечных валика. К основе

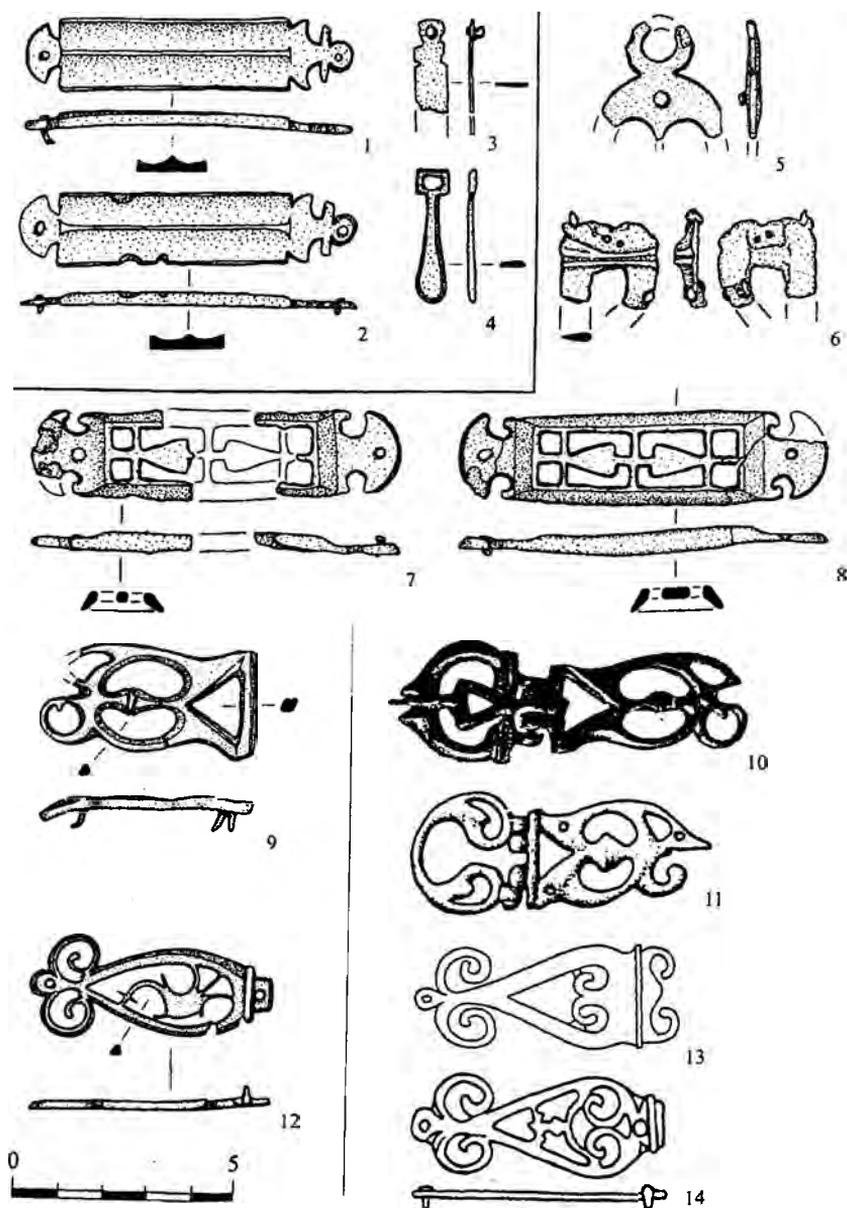

Рис. 9. Поясные наборы из "сожжения на Западном некрополе" раскопок 1910 г. (1-4) и могилы № 15 раскопок 1909 г. (5-9).
Поясные накладки (9-14).

накладка крепилась с помощью одной заклепки. Длина изделия – 4 см, ширина – 2 см.

Датировка: последняя четверть II – первая половина III вв.

31. Накладка прямоугольной формы, профилированная тремя выступами (рис. 11, 10).

НЗХТ. Инв. № отсутствует. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича (?).

Накладка имеет прямоугольную форму. Корпус украшен продольными выступами-ребрами, одно из которых расположено в центре, а два по краям. Один из торцов накладки украшен выступом сложной формы. К основе изделие крепилось посредством гвоздиков, вставленных в два отверстия. Длина накладки – 6,4 см, ширина – 1,7 см.

Датировка: вторая половина II в.

32. Накладка небольших размеров с пустотами от эмалевых вставок (рис. 11, 18).

НЗХТ. Инв. № отсутствует. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича (?).

Накладка имеет вытянутый овальный корпус. На одном из торцов сохранился выступ в виде трилистника. На лицевой стороне имеются четыре углубления, которые, вероятно, занимали эмалевые вставки. К основе накладка крепилась двумя литыми штифтами. Один из них сохранился на оборотной стороне. Сохранившаяся длина накладки – 3,5 см, ширина – 1,2 см.

Датировка: II в.

33. Накладка с корпусом в виде «шляпки гриба» (рис. 12, 1).

Место хранения неизвестно.

Место находки: Могила № 334. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1893 г.

Корпус накладки имеет форму «шляпки гриба». Лицевая сторона профилирована двумя валиками. Штифт снабжен контркнопкой.

Датировка: середина II – третья четверть III вв.

34. Накладка с корпусом в виде «шляпки гриба» (рис. 12, 2).

НЗХТ. Инв. № 6438. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Корпус накладки имеет форму «шляпки гриба». Диаметр корпуса – 2,3 см. Штифт снабжен круглой контркнопкой. Расстояние между корпусом и контркнопкой – 0,7 см.

Датировка: середина II – третья четверть III вв.

35. Накладка с корпусом в виде «шляпки гриба» (рис. 12, 7).

НЗХТ. Инв. № 6437. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Корпус накладки имеет форму «шляпки гриба». Диаметр корпуса – 2,2 см. Штифт снабжен круглой контркнопкой. Расстояние между корпусом и контркнопкой – 0,8 см.

Датировка: середина II – третья четверть III вв.

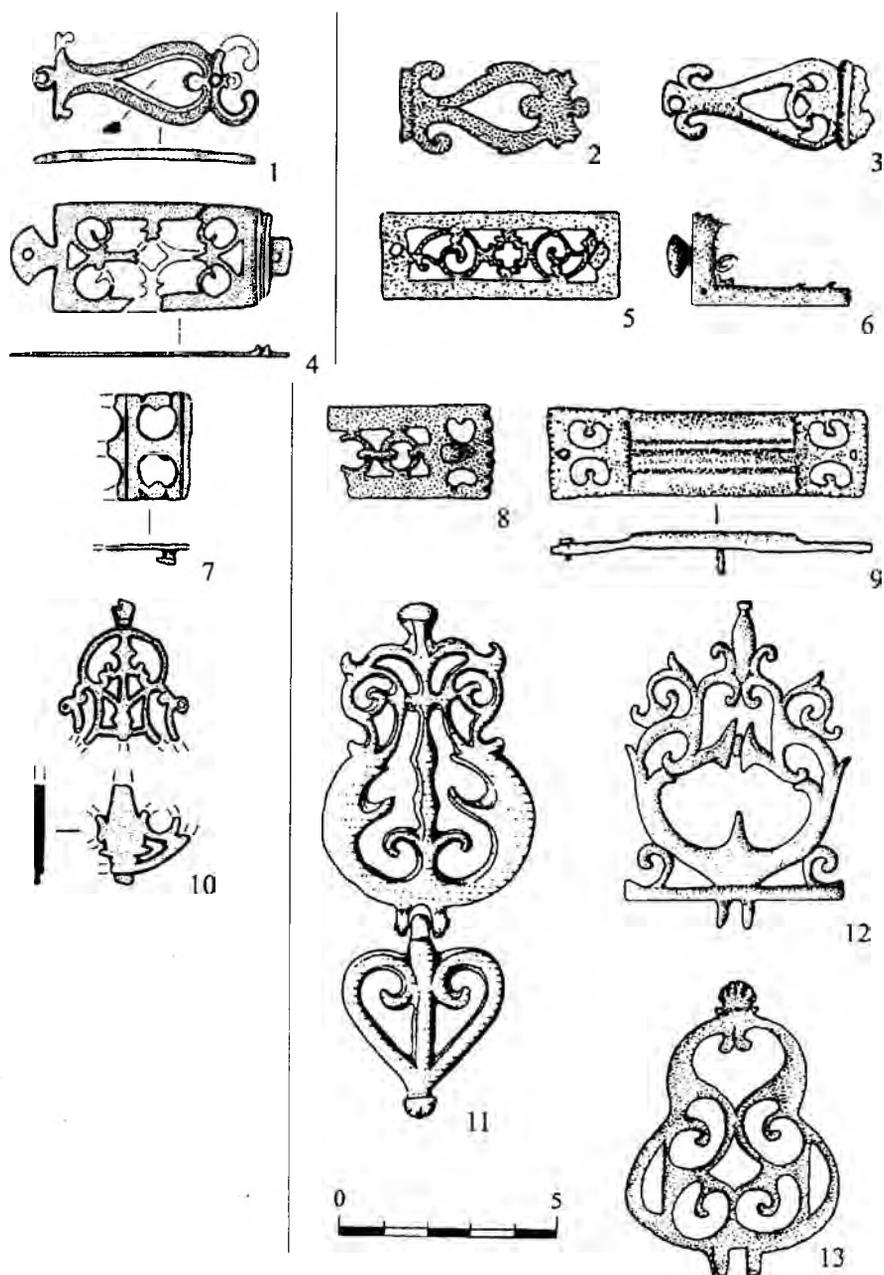

Рис. 10. Поясные накладки.

- 36.** Накладка с корпусом в виде «шляпки гриба» (рис. 12,8).
НЗХТ. Инв. № 2197. Бронза.
Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.
Корпус накладки имеет форму «шляпки гриба». Диаметр корпуса – 1,9 см. Штифт снабжен круглой контркнопкой. Расстояние между корпусом и контркнопкой – 0,5 см.
Датировка: середина II – третья четверть III вв.
- 37.** Накладка с круглым уплощенным корпусом (рис. 12,14).
НЗХТ. Инв. № 2198. Бронза.
Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.
Корпус накладки имеет круглую форму. В разрезе корпус накладки уплощен. Диаметр корпуса – 1,7 см. Штифт снабжен круглой контркнопкой. Расстояние между корпусом и контркнопкой – 0,7 см.
Датировка: середина II – третья четверть III вв.
- 38.** Накладка с круглым корпусом, украшенным концентрическими кругами (рис. 12,15).
НЗХТ. Инв. № отсутствует. Бронза.
Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.
Корпус накладки имеет круглую форму. Диаметр корпуса – 1,9 см. Поверхность украшена гравированными кругами. Штифт снабжен круглой контркнопкой. Расстояние между корпусом и контркнопкой – 0,8 см.
Датировка: середина II – третья четверть III вв.
- 39.** Накладка с круглым корпусом, украшенным концентрическими кругами (рис. 12,20).
НЗХТ. Инв. № отсутствует. Полевой номер из раскопок Р. Х. Лепера – 1895/10. Бронза.
Место находки: Склеп 102. Раскопки Р. Х. Лепера в 1910 г.
Корпус накладки имеет круглую форму. Диаметр корпуса – 1,4 см. Поверхность украшена гравированными кругами. Штифт снабжен круглой контркнопкой. Расстояние между корпусом и контркнопкой – 0,6 см.
Датировка: середина II – третья четверть III вв.
- 40.** Накладка с корпусом в виде «шляпки гриба», украшенным концентрическими кругами (рис. 12,25).
НЗХТ. Инв. № 18927. Бронза.
Место находки: Помещение XVIII, западная часть. Раскопки Р. Х. Лепера в 1909 г.
Корпус накладки имеет форму «шляпки гриба». Диаметр корпуса – 2,8 см. Поверхность украшена двумя гравированными окружностями. Штифт обломан.
Датировка: середина II – третья четверть III вв.
- 41.** Накладка с корпусом в «форме лодки» (рис. 13,1).
НЗХТ. Инв. № 6436. Бронза.

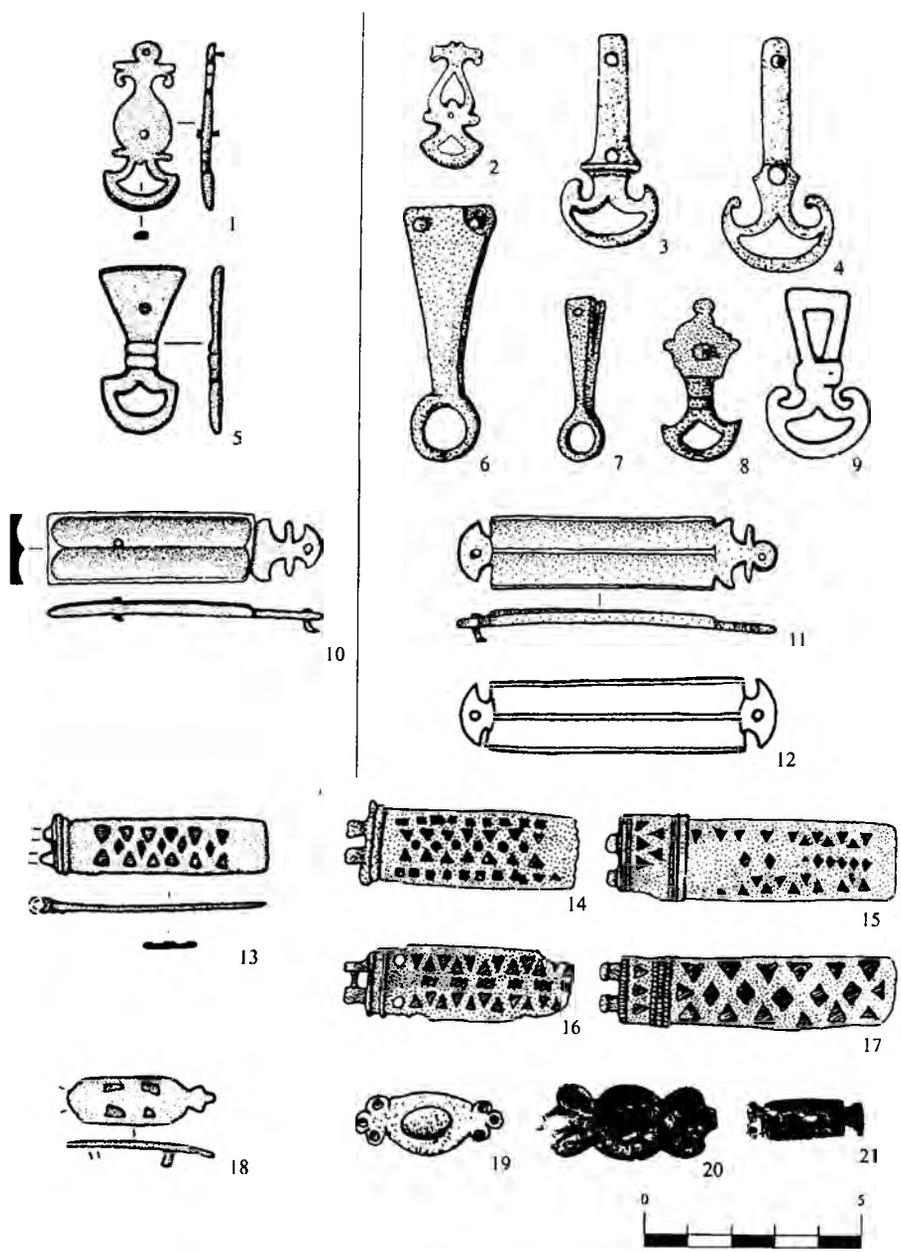

Рис. 11. Поясные накладки.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Накладка имеет вытянутый корпус, заостренный с двух сторон. Лицевая поверхность несет на себе пять литых продольных углублений. Длина накладки – 3,5 см, ширина – 1,6 см. Штифт снабжен круглой контркнопкой. Расстояние между корпусом и контркнопкой – 0,7 см.

Датировка: вторая половина II – третья четверть III вв.

42. Накладка с корпусом в «форме лодки» (рис. 13,2).

НЗХТ. Инв. № 6435. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Накладка имеет вытянутый корпус, заостренный с двух сторон. Лицевая поверхность несет на себе пять литых продольных углублений. Длина накладки – 3,5 см, ширина – 1,6 см. Штифт снабжен круглой контркнопкой. Расстояние между корпусом и контркнопкой – 0,8 см.

Датировка: вторая половина II – третья четверть III вв.

44. Накладка с корпусом в «форме лодки» (рис. 13,7).

НЗХТ. Инв. № 18509. Серебро (?).

Место находки: Склеп 21. Раскопки Р. Х. Лепера в 1909 г.

Накладка имеет вытянутый корпус, заостренный с двух сторон. На лицевой поверхности выгравированы две продольные параллельные линии. Длина накладки – 3,8 см, ширина – 1,2 см. Штифт снабжен круглой контркнопкой. Расстояние между корпусом и контркнопкой – 0,7 см.

Датировка: вторая половина II – третья четверть III вв.

45. Накладка с корпусом в «форме лодки» (рис. 13,8).

НЗХТ. Инв. № 2200. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Накладка имеет вытянутый корпус, заостренный с двух сторон. На лицевой поверхности выгравированы две продольные параллельные линии. Длина накладки – 3,6 см, ширина – 1,1 см. Штифт снабжен круглой контркнопкой. Расстояние между корпусом и контркнопкой – 0,7 см.

Датировка: вторая половина II – третья четверть III вв.

46. Изделие с корпусом в «форме лодки» (рис. 13,9).

Место хранения неизвестно. Бронза.

Место находки: Могила № 420. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1893 г.

Накладка имеет вытянутый корпус, заостренный с двух сторон. Поверхность корпуса имеет литую продольную профилировку. Вдоль края предмета проходит волнистый перфорированный бордюр.

Датировка: вторая половина II – третья четверть III вв.

47. Накладка с трехчастным корпусом (рис. 13,12).

НЗХТ. Инв. № 6490. Серебро 600°.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича (?).

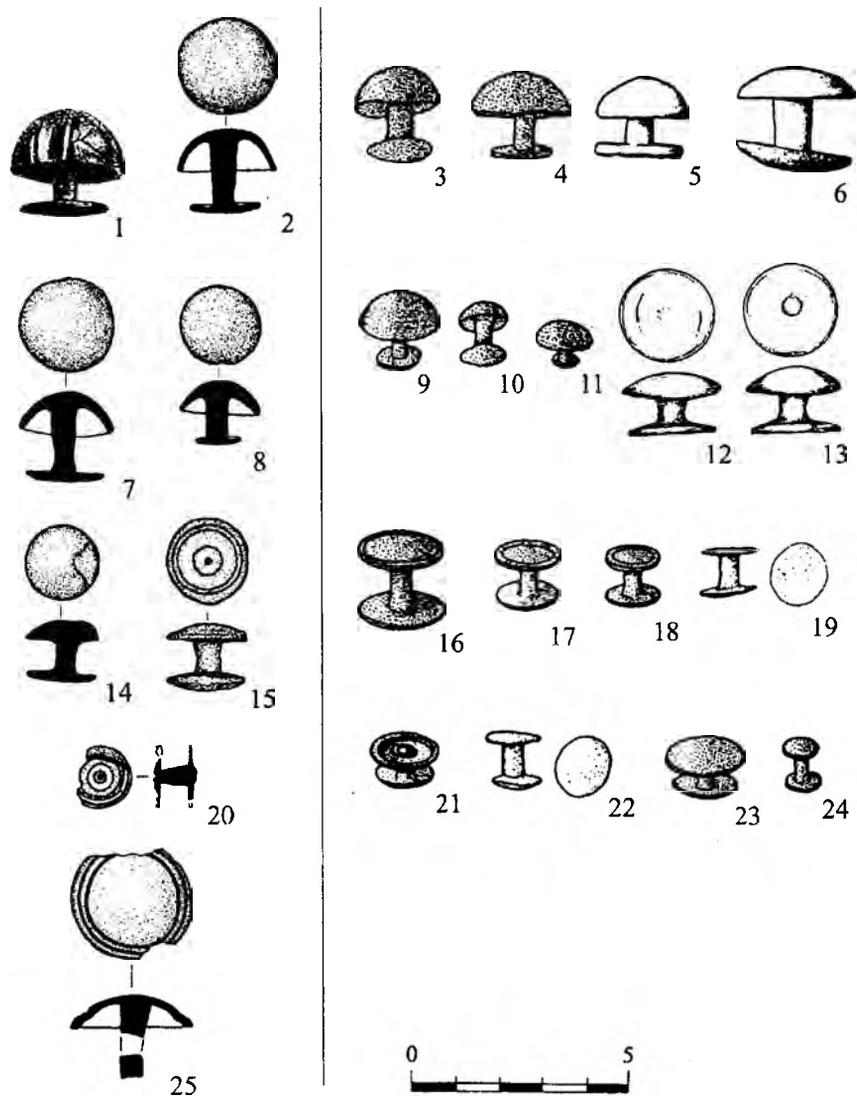

Рис. 12. Поясные накладки.

Корпус изделия образован тремя расходящимися из центра элементами, выполненными в орнаментальном «мотиве труб». Диаметр изделия – 1,7 см. На оборотной стороне накладки находится штифт. Контрключ, фиксировавшая накладку на основе, утрачена. Длина штифта – 1 см.

Датировка: середина II – начало III вв.

48. Изделие в форме кольца (рис. 13, 14).

НЗХТ. Инв. № 20382. Бронза.

Место находки: Склеп 115. Раскопки Р. Х. Лепра в 1910 г.

Предмет имеет форму кольца. Поверхность изделия сильно изъедена. В двух местах кольцо имеет утолщения. Диаметр кольца – 1,7 см.

49. Изделие из пластины с торцом, оформленным подрезами (рис. 13, 13).

НЗХТ. Инв. № отсутствует. Полевой номер из раскопок Р. Х. Лепера – 17/12. Бронза.

Место находки: Помещение 26, под помещением IV. Раскопки Р. Х. Лепера в 1912 г.

Предмет состоит из трех разрозненных фрагментов. Корпус изделия реконструируется как прямоугольная пластина. Один из торцов пластины имеет полукруглый край, подчеркнутый двумя вырезами у основания. У края пластину пробивает заклепка. Противоположный конец корпуса сужается под прямым углом и переходит в узкую загнутую пластину. Ширина корпуса изделия – 1,4 см. Ширина подогнутой пластины – 0,6 см.

50. Подвеска шарнирная прямоугольная с пустотами от эмалевых вставок (рис. 11, 13).

НЗХТ. Инв. № 5576. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Подвеска прямоугольной формы. Крепилась с помощью шарнирного устройства, две петли которого частично сохранились. От корпуса петли отделены двойным поперечным бордюром. Корпус украшен тремя рядами треугольных и ромбических углублений, в которых находились утраченные эмалевые вставки. Сохранившаяся длина подвески – 5,3 см, ширина – 1,3 см.

Датировка: первая половина II в.

51. Наконечник ремня шарнирной конструкции (рис. 14, 1).

НЗХТ. Инв. № 2390. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Корпус наконечника сужается книзу. Широкий верх наконечника завершается трехчастным краем. Ремень вставлялся в прорезь в верхней части наконечника и закреплялся заклепкой. Шарнирное устройство крепления подвески, состоящее из двух петель, отделено от корпуса двумя поперечными валиками. Длина наконечника – 5,2 см, максимальная ширина – 1,2 см.

Датировка: III в.

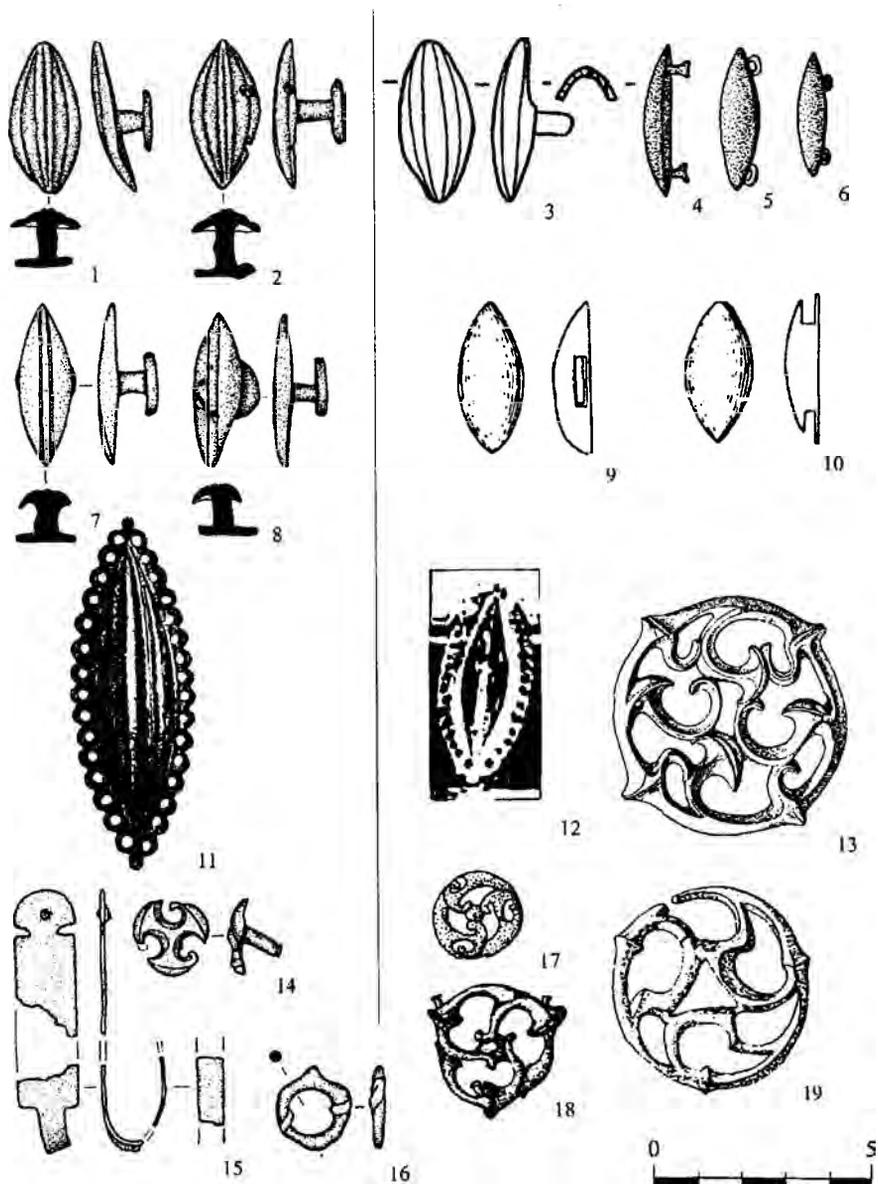

Рис. 13. Поясные накладки.

52. Подвеска от шарнирного наконечника ремня (рис. 14,4).

НЗХТ. Инв. № 5937. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Корпус подвески расширяется книзу. Заканчивается прямым краем. Между петлей шарнира и корпусом подвески расположена прямоугольная площадка-выступ. Площадка с обеих сторон украшена четырьмя поперечными гравированными полосами. Длина подвески – 6,5 см, максимальная ширина – 1,3 см.

Датировка: III в.

53. Подвеска от шарнирного наконечника ремня (рис. 14,5).

НЗХТ. Инв. № 2903. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Корпус подвески расширяется книзу и заканчивается рифленным краем. Между петлей шарнира и корпусом подвески расположена прямоугольная площадка-выступ. Площадка с обеих сторон украшена двумя поперечными гравированными полосами. Длина подвески – 5,3 см, максимальная ширина – 1,2 см.

Датировка: III в.

54. Подвеска от шарнирного наконечника ремня (рис. 14,8).

НЗХТ. Инв. № 221/36480. Бронза.

Место находки: Цитадель. Помещение Б³. Слой 2. Раскопки В. В. Борисовой в 1959 г.

Корпус подвески расширяется книзу и заканчивается рифленным краем. Возле края устроен внутренний почковидный вырез. Между петлей шарнира и корпусом подвески расположена прямоугольная площадка-выступ. Площадка с одной стороны украшена шестью, а с другой – семью поперечными гравированными полосами. Длина подвески – 6,3 см, максимальная ширина – 1,4 см.

Датировка: III в.

55. Подвеска от шарнирного наконечника ремня (рис. 14,11).

НЗХТ. Инв. № 5576. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Корпус подвески расширяется книзу и заканчивается рифленным краем. Возле края устроен внутренний почковидный вырез. Устройство крепления подвески обломано. Сохранившаяся длина подвески – 4,6 см, максимальная ширина – 1,2 см.

Датировка: III в.

56. Подвеска с выделенным корпусом (рис. 15,1).

НЗХТ. Инв. № 20559. Бронза.

Место находки: Западная оборонительная стена. У круглой угловой башни. Раскопки Р. Х. Лепера в 1910 г.

Петля подвески повреждена. Подвеска сужается под петлей. После сужения корпус постепенно расширяется и заканчивается краем, обрезанным под прямым углом. В средней части корпуса выделен небольшой круг, образованный вырезами с двух сторон изделия. Длина подвески – 5,3 см, максимальная ширина – 1,2 см.

Датировка: вторая треть II – III вв.

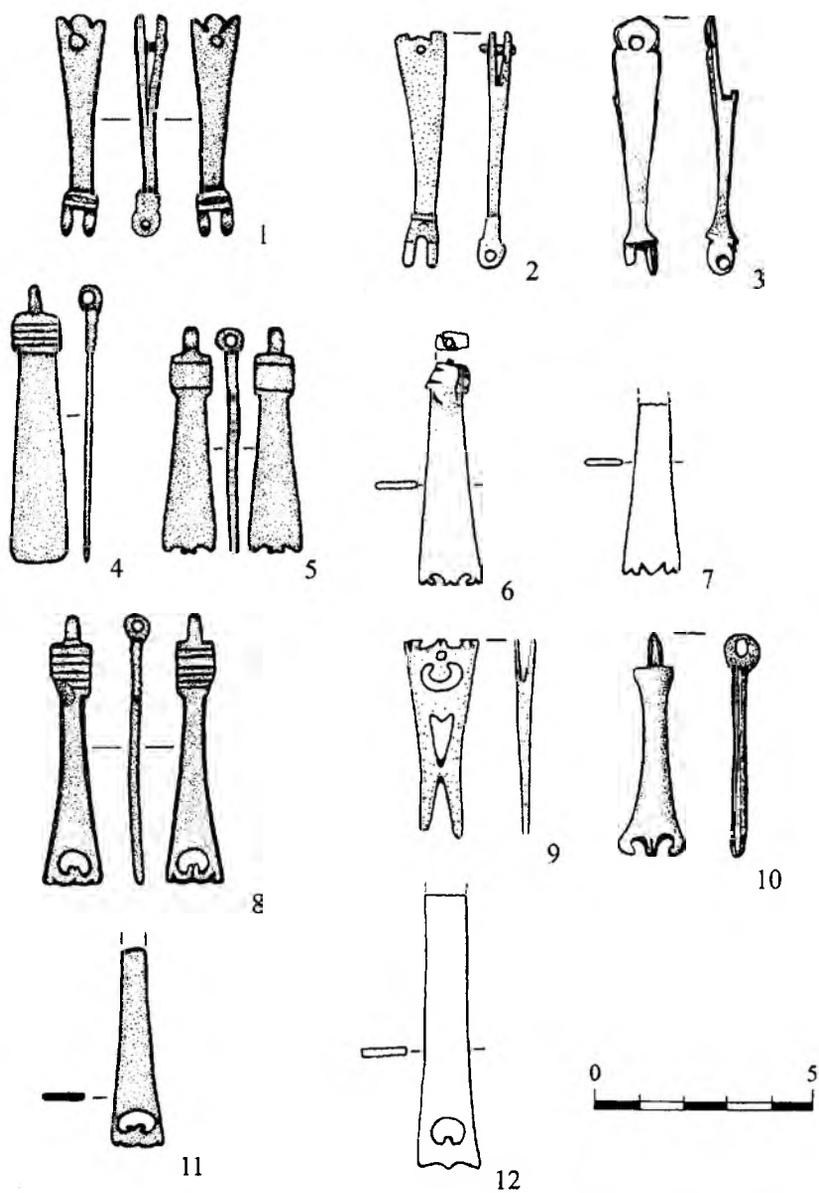

Рис. 14. Наконечники ремней и подвески.

- 57. Подвеска с выделенным корпусом (рис. 15,2).**
НЗХТ. Инв. № 2905. Бронза.
Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.
Петля подвески повреждена. Подвеска сужается под петлей. После сужения корпус постепенно расширяется и заканчивается полукруглым краем. В верхней части сделан небольшой выступ-расширение, украшенный поперечной гравированной полосой. Длина подвески – 3,8 см, максимальная ширина – 1,2 см.
Датировка: вторая треть II – III вв.
- 58. Подвеска с выделенным корпусом (рис. 15,6).**
ГЭ. Инв. № Х.1910.132. Бронза.
Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.
Петля подвески повреждена. Подвеска имеет вытянутый корпус с максимальным сужением в средней части. Петля выделена бордюром и двумя подрезами по краям. Длина подвески – 3,7 см, максимальная ширина – 1,2 см.
Датировка: вторая треть II – III вв.
- 59. Подвеска с выделенным корпусом (рис. 15,7).**
НЗХТ. Инв. № 2229. Бронза.
Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.
Петля подвески повреждена. Подвеска сужается под петлей. Корпус «каплевидной» формы. Нижняя часть подвески имеет угловатые очертания. Подвеска внизу завершается небольшой выделенной кнопкой. Длина подвески – 3,8 см, максимальная ширина – 1,3 см.
Датировка: вторая треть II – III вв.
- 60. Подвеска с выделенным корпусом (рис. 15,11).**
НЗХТ. Инв. № 2906. Бронза.
Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.
Подвеска сужается под петлей. Корпус имеет «каплевидную» форму округлых очертаний. Длина подвески – 4,2 см, максимальная ширина – 1,2 см.
Датировка: вторая треть II – III вв.
- 61. Подвеска с выделенным корпусом (рис. 15,12).**
НЗХТ. Инв. № 5576. Бронза.
Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.
Подвеска сужается под петлей. Корпус изделия постепенно расширяется и заканчивается полукруглым краем. В верхней части сделан выступ-расширение, украшенный двумя поперечными гравированными полосами. Промежуток между выступом и петлей дополнительно подчеркнут гравированными подрезами. Длина подвески – 4,1 см, максимальная ширина – 1,4 см.
Датировка: вторая треть II – III вв.
- 62. Подвеска с выделенным корпусом (рис. 15,16).**
НЗХТ. Инв. № 31706. Бронза.
Место находки: Помещение 62. Под вторым полом. Раскопки Р. Х. Лепера в 1912 г.

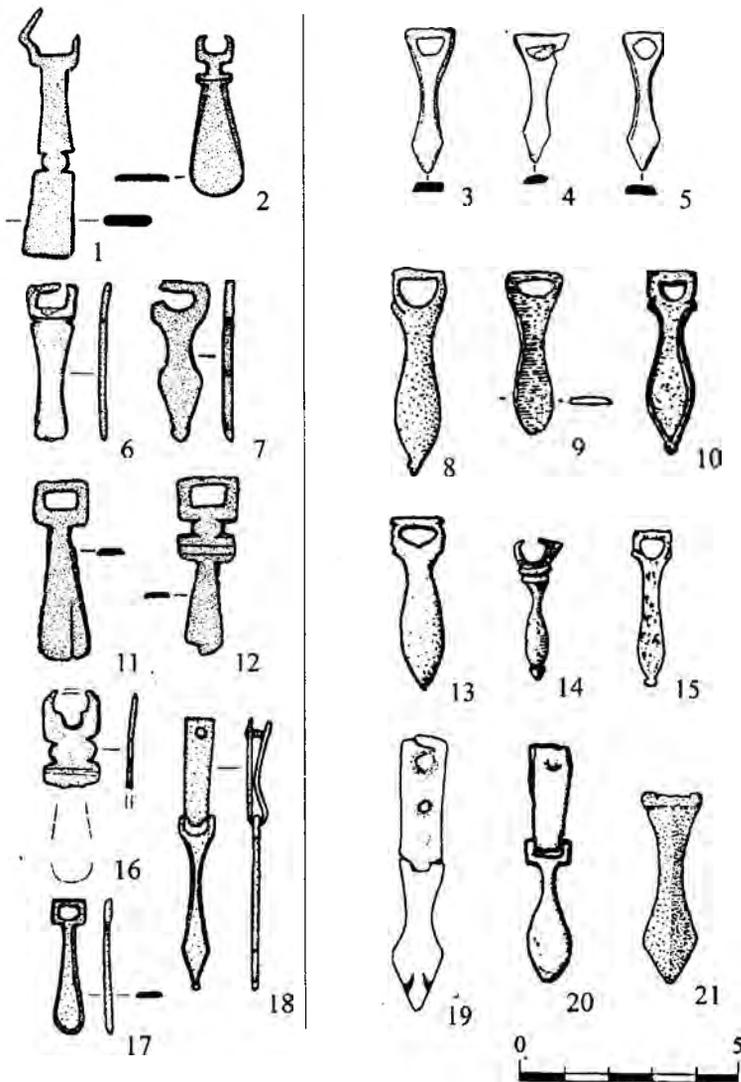

Рис. 15. Поясные подвески.

Петля подвески повреждена. В верхней части сделан выступ-расширение, украшенный поперечными гравированными полосами. Промежуток между выступом и петлей дополнительно подчеркнут подрезами. Нижняя часть корпуса подвески обломана. Сохранившаяся длина подвески – 2,3 см, ширина – 1,3 см.

Датировка: вторая треть II – III вв.

63. Наконечник ремня амфоровидной формы (рис. 16,1).

НЗХТ. Инв. № 4046/14. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Наконечник имеет форму амфоры. «Ручки» образованы почковидными вырезами. Корпус овальный. Внизу наконечник завершает небольшая кнопка. Верхняя часть наконечника украшена подрезами вдоль краев. Ремень вставлялся в прорезь в верхней части и закреплялся заклепками через два отверстия. Длина наконечника – 4,3 см, ширина – 1,6 см.

Датировка: вторая половина IV в.

64. Наконечник ремня сердцевидной формы (рис. 16,5).

НЗХТ. Инв. № 36898. Бронза.

Место находки: Склеп № 1. Раскопки В. М. Зубаря в 1982 г.

Наконечник имеет сердцевидную форму. Сильно поврежден и разломан на много частей. Лицевая поверхность украшена тремя розетками из концентрических кругов. К поясу наконечник крепился с помощью двух заклепок, расположенных в верхней части. Размеры наконечника – 3,1x3 см.

Датировка: вторая половина IV в.

65. Наконечник ланцетовидной (?) формы (рис. 16,10).

НЗХТ. Инв. № 36898. Бронза.

Место находки: Склеп № 1. Раскопки В. М. Зубаря в 1982 г.

Края наконечника сильно повреждены, из-за чего трудно уверенно установить его форму. Лицевая поверхность украшена двумя вертикальными рядами гравированных кругов с точкой в центре. Между этими рядами, а также вдоль краев верхней части наконечника проходит пояс мелких гравированных кругов. Верхнюю и нижнюю часть наконечника разделяет небольшой бордюр, подчеркнутый гравированными линиями и поясом мелких кругов. К ремню наконечник крепился через прорезь в верхней части. Длина наконечника – 4,8 см, ширина – 2,3 см.

Датировка: вторая половина IV в.

66. Накладка вытянутой прямоугольной формы (рис. 16,14).

НЗХТ. Инв. № 36898. Бронза.

Место находки: Склеп № 1. Раскопки В. М. Зубаря в 1982 г.

Прямоугольная накладка имеет удлинённые пропорции и зубчатые края. К основе накладка крепилась тремя заклепками, одна из которых расположена в центре, а две – по краям предмета. Длина накладки – 5,4 см, ширина – 0,8 см.

Датировка: IV в. (?)

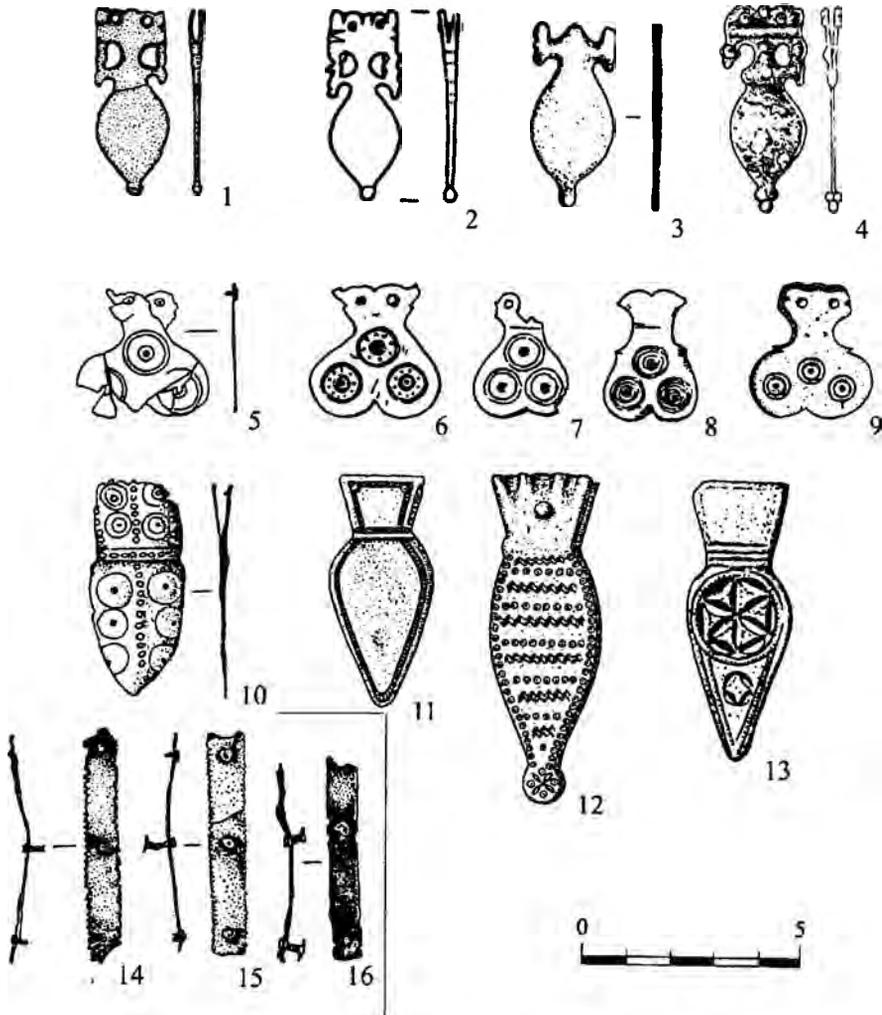

Рис. 16. Наконечники ремней и накладки.

67. Накладка вытянутой прямоугольной формы (рис. 16,15).
НЗХТ. Инв. № 36898. Бронза.
Место находки: Склеп № 1. Раскопки В. М. Зубаря в 1982 г.
Прямоугольная накладка имеет удлиненные пропорции и зубчатые края. К основе накладка крепилась тремя заклепками, одна из которых расположена в центре, а две – по краям предмета. Длина накладки – 5,1 см, ширина – 0,9 см.
Датировка: IV в. (?)
68. Накладка вытянутой прямоугольной формы (рис. 16,16).
НЗХТ. Инв. № 36898. Бронза.
Место находки: Склеп № 1. Раскопки В. М. Зубаря в 1982 г.
Прямоугольная накладка имеет удлиненные пропорции. Один из краев изделия обломан. К основе накладка крепилась тремя заклепками, одна из них утрачена. Сохранившаяся длина накладки – 4,7 см, ширина – 0,7 см.
Датировка: IV в. (?)
69. Накладка ажурная от портупейного ремня (рис. 17,1).
НЗХТ. Инв. № 5936. Бронза.
Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.
Накладка имеет круглую форму. Внутренняя часть занята сложным прорезным орнаментом, состоящим из повторяющихся элементов. Основой орнаментального пояса являются ромбические фигуры, внутри которых чередуются мотивы свастики и растительные мотивы. Промежутки между ромбами, обращенные к краям предмета, заняты выступами в форме пельты, а обращенные к центру заполнены растительными мотивами. Центр изделия занимает непрорезная зона диаметром 3,5 см. С оборотной стороны через отверстие в центре к пластине прикреплена и заклепана петля. Ширина петли – 2,4 см, длина до пластины – 1,5 см. Диаметр накладки – 10 см.
Датировка: III в.
70. Накладка от портупейного ремня (?) (рис. 17,2).
НЗХТ. Инв. № 5936. Бронза.
Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.
Накладка имеет круглую форму. Пластина накладки гладкая. С оборотной стороны припаяна петля. Ширина петли – 0,6 см, длина от пластины – 0,6 см. Диаметр накладки – 3,1 см.
Датировка: III в.
71. Набор из 23 гвоздей от сандалий (рис. 18,1).
НЗХТ. Инв. № 18996. Железо.
Место находки: Могила № 15. Раскопки Р. Х. Лепера в 1909 г.
Гвозди имеют полусферическую шляпку диаметром 1,2-1,3 см. Длина гвоздей – 1,5 см. Часть гвоздей спеклась между собой.
Датировка: вторая половина II в.

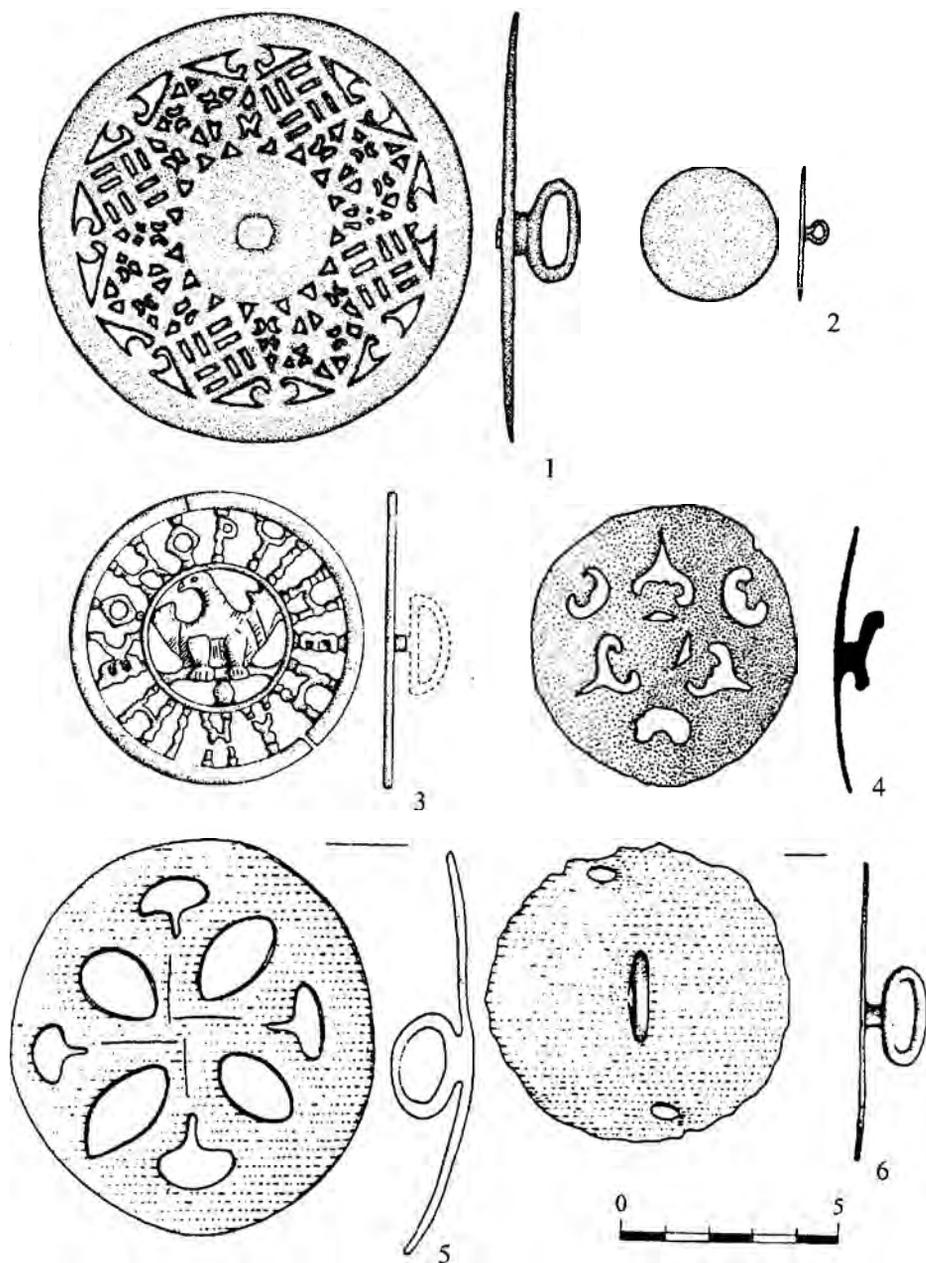

Рис. 17. Накладки от портупейного ремня.

72. Фалера с подвеской от лошадиной упряжи (рис. 18,3).

ГЭ. Бронза.

Место находки: Насыпь некрополя. Раскопки Н. И. Репникова в 1908 г.

Состоит из круглого профилированного медальона с тремя дужками на оборотной стороне и подвески с нижней частью в виде трилистника.

Датировка: середина I – начало II вв.

73. Подвеска пельтавидной формы от лошадиной упряжи (рис. 18,6).

НЗХТ. Инв. № 19990. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки Р. Х. Лепера в 1910 г.

Подвеска имеет корпус пельтавидной формы. В верхней части пельта переходит в длинный загнутый крючок. Длина подвески – 4,6 см, ширина – 3,8 см.

Датировка: вторая половина I – первая четверть II вв.

74. Накладка ажурная от лошадиной упряжи (рис. 18,9).

НЗХТ. Инв. № 2775. Бронза.

Место находки неизвестно. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Корпус накладки образован четырьмя пельтавидными элементами, расходящимися из центра. К основе изделие крепилось литыми штифтами. Длина накладки – 4,8 см, ширина – 3,4 см.

Датировка: вторая половина II – первая половина III вв.

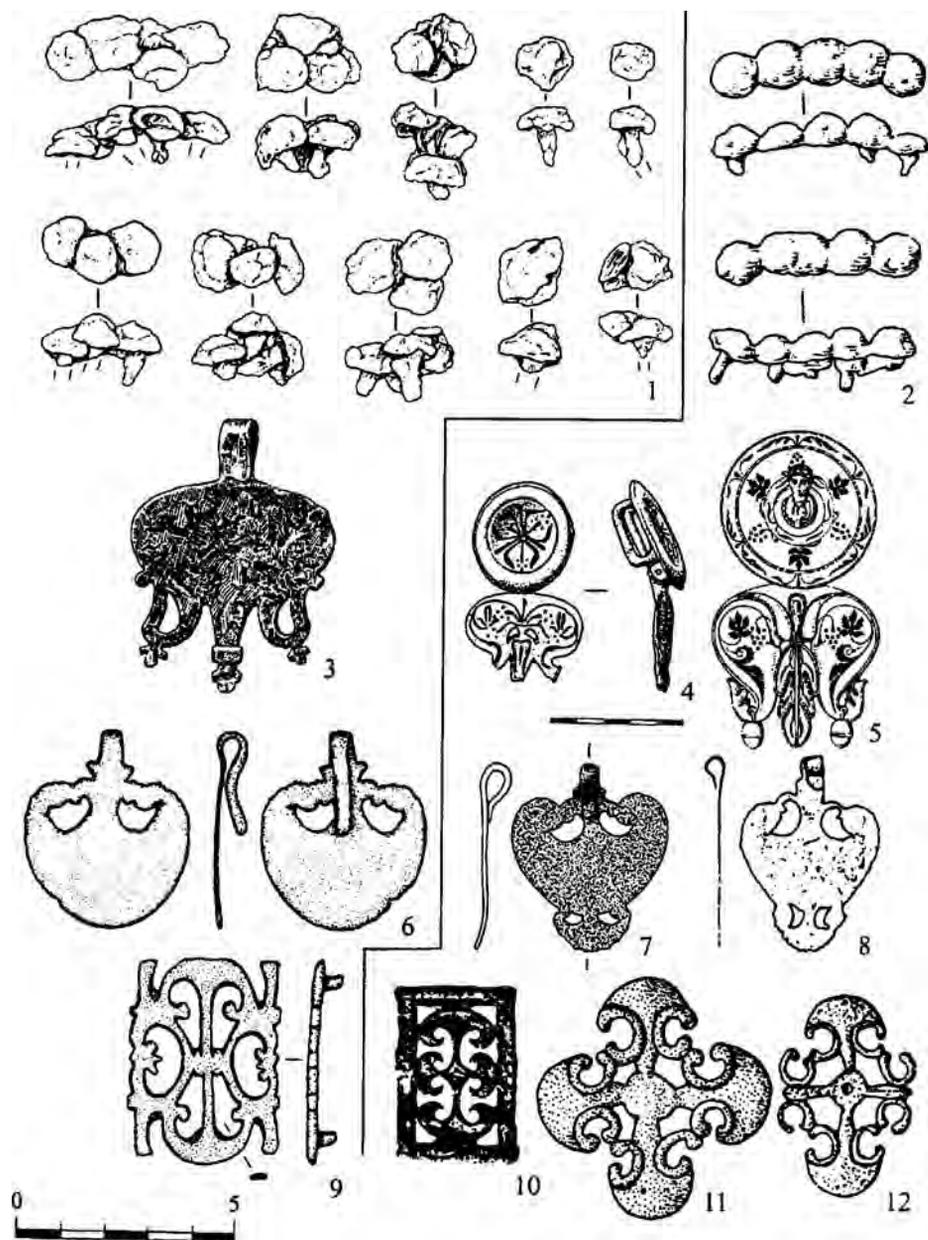

Рис. 18. Гвозди от сандалий (1-2) и детали лошадиной упряжи (3-12).

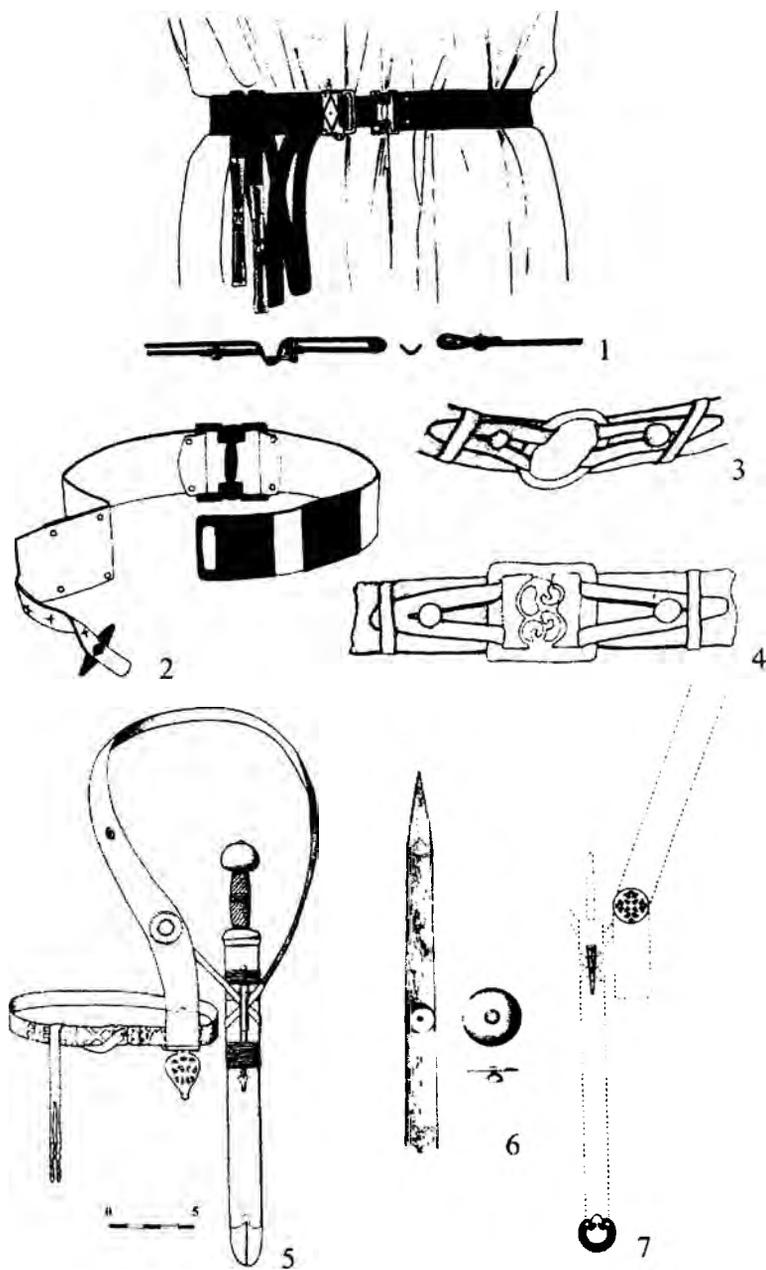
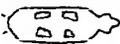
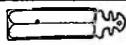
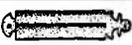

Рис. 19. Реконструкции римских поясов.

Хронологическая таблица деталей римского военного снаряжения из Херсонеса.

	I в.	II в.	III в.	IV в.	V в.
4 	■				
5 	■				
71 	■				
72 	■				
7 	■				
49 	■				
32 	■				
6 	■				
46 					
33 					
34 					
35 					
36 					
37 					
38 					
39 					
40 					
41 					
42 					
43 					
44 					
45 					

Хронологическая таблица деталей римского военного снаряжения из Херсонеса (продолжение).

	I в.	II в.	III в.	IV в.	V в.
29 					
31 					
22 					
20 					
70 					
23 					
21 					
9 					
10 					
24 					
25 					
27 					
73 					
19 					
55 					
56 					
57 					
58 					
59 					
60 					
61 					
8 					
26 					
30 					

Хронологическая таблица деталей римского военного снаряжения из Херсонеса (продолжение).

		I в.	II в.	III в.	IV в.	V в.
3						
1						
2						
11						
28						
50						
51						
52						
53						
54						
68						
69						
12						
13						
15						
16						
14						
62						
63						
64						
18						
17						